

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Шавалиева Елена Борисовна

**ПАРАМЕТРЫ ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО
МЕТАДИСКУРСА**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор С.Н. Плотникова

Иркутск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА	
12	12
1.1. Естественный язык vs метаязык	12
1.2. Коммуникация vs метакоммуникация	15
1.2.1. Понятие коммуникации	15
1.2.2. Зарождение понятия метакоммуникации в концепции диалогизма	21
1.2.3. Современное понимание метакоммуникации	23
1.3. Дискурс vs метадискурс	30
1.3.1. Дискурс как сообщение, передаваемое в процессе коммуникации	30
1.3.2. Метадискурс как сообщение, передаваемое в процессе метакоммуникации	36
1.4. Понятие разговорного дискурса и метод конверсационного анализа	45
1.5. Понятие разговорного метадискурса: структурный и когнитивный подходы	56
1.6. Понятие форматирования разговорного метадискурса	63
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	69
ГЛАВА II. ЛИНЕЙНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА	
71	71
2.1. Линейная модель разговорного метадискурса	71
2.2. Форматирование разговорного метадискурса в языковом сознании говорящего	78
2.3. Фонетико-акустический параметр форматирования разговорного метадискурса	89
2.4. Лексический параметр форматирования разговорного метадискурса	107

2.5. Синтаксический параметр форматирования разговорного метадискурса	121
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	131
ГЛАВА III. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПАРАМЕТР ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА.....	
3.1. Недостаточный интерпретирующий потенциал линейной модели форматирования разговорного метадискурса и важность пространственного параметра	133
3.2. Пространственная модель форматирования разговорного метадискурса	138
3.3. Специфика пространственных метасмыслов: концептуализация метаотношений говорящих	142
3.4. Концептуальное взаимодействие говорящих при установлении метаотношений	151
3.5. Концептуальное взаимодействие говорящих при поддержании метаотношений	159
3.6. Концептуальное взаимодействие говорящих при симуляции метаотношений	163
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	201
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	203
ПРИЛОЖЕНИЕ	205

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация посвящена разработке теоретической проблемы форматирования разговорного дискурса, выделению формата метадискурса и лингвистическому анализу его параметров.

Актуальность исследования определяется его включенностью в новейшую проблематику когнитивно-дискурсивной парадигмы, связанную с разработкой «идеи мета» [В.И. Постовалова], осмысление которой происходит в настоящее время в разных науках, в том числе в междисциплинарном аспекте. В лингвистике активно разрабатываются такие понятия, как метаязык, метакогниция, метатекст, метазнание, метапамять, метарепрезентативность, метадискурс. Представляется своевременным подвергнуть изучению в русле данного направления разговорный метадискурс как важную часть повседневного общения людей.

Важным является также дальнейшее исследование форматов знания и дискурса в русле когнитивного подхода к дискурсу, согласно которому «по своей сути дискурс – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова, 2012, с. 122]. Под форматом знания понимается целостная структура знания или набор таких структур; языковые формы рассматриваются как связанные с репрезентацией в сознании разных форматов знания [Кубрякова, 2012, с. 64, 122]. Формат знания является результатом интерпретирующей познавательной деятельности человека, а совокупность форматов знания – итогом познания всей системы языка, а также принципов передачи смыслов с помощью языка [Болдырев, 2009; 2011]. Понятие формата дискурса является новейшим лингвистическим понятием, которому на данный момент посвящено небольшое количество исследований [Дубровская, 2012; Карасик, 2015; Куликова, 2011; Месеняшина, 2016; Палашевская, 2010]. Необходимо продолжить изучение данного понятия и, в частности, определить форматы разговорного дискурса.

Исследование базируется на **гипотезе** о том, что в когнитивную структуру разговорного дискурса входит метазнание, в формате которого организуется разговорный метадискурс.

Объектом исследования является метадискурсивный формат разговорного дискурса.

Предмет исследования – система параметров форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса и языковые средства их объективации.

Материалом исследования послужили транскрипты естественных бесед с нотацией по методу конверсационного анализа из англоязычных корпусных источников и примеры повседневных бесед из произведений англоязычной литературы. Общий объем проанализированного материала составляет более 2000 примеров.

Целью диссертации является теоретическое обоснование понятий разговорного метадискурса и его форматирования и определение и характеристика параметров форматирования разговорного метадискурса.

В соответствии с поставленной целью и в процессе доказательства выдвинутой гипотезы в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- 1) проанализировать сложившиеся в традиционной лингвистике теории и концепции исследования метаязыка, метакоммуникации, метатекста, метадискурса, а также опыт изучения метавысказываний в разговорном дискурсе;
- 2) разработать когнитивный подход к исследованию разговорного метадискурса, с учетом процессов метакогниции и форматирования метазнания;
- 3) определить статус метазнания, лежащего в основе разговорного метадискурса;
- 4) доказать различие понятий форматирования, конструирования и актуализации разговорного метадискурса;
- 5) исследовать параметры форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса;
- 6) систематизировать языковые средства их объективации.

Цель работы определяет используемые **методы** исследования, среди которых метод конверсационного, концептуального, пропозиционального, рече-актового анализа, метод когнитивного моделирования и интерпретативный метод.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается репрезентативным отбором языкового материала и комплексным подходом к его анализу, объединяющим в себе структурный и когнитивный аспекты.

Теоретической и методологической базой диссертации являются работы отечественных и зарубежных ученых в области:

1) интегративной теории коммуникации и метакоммуникации (Т.Г. Винокур, О.С. Иссерс, В.В. Красных, Л.В. Куликова, С.Н. Плотникова, В.И. Постовалова, Г.Г. Почепцов, Н.К. Рябцева, Р.О. Якобсон, Г. Бейтсон, Ф. Варела, П. Вацлавик, П. Грайс, Г. Кларк, У. Матурана, Д. Уилсон, К. Шеннон и др.);

2) интегративной теории дискурса и метадискурса (Л.С. Бейлинсон, Л.Г. Викулова, А.В. Голоднов, А.Г. Гурочкина, В.В. Дементьев, В.З. Демьянков, Е.Ю. Ильинова, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Л.В. Куликова, Г.И. Лушникова, О.В. Магировская, М.Л. Макаров, И.В. Палашевская, С.Н. Плотникова, В.Е. Чернявская, В.А. Шаймиев, А. Вежбицкая, У. Ванде Коппле, Т. ван Дейк, А. Кримор, М. Пешё, Д. Таннен, К. Хайлэнд, З. Харрис, Д. Шиффрин и др.);

3) теории конверсационного анализа (Дж. Аткинсон, Г. Болден, Ч. Гудвин, Г. Джефферсон, П. Дрю, С. Клэйман, А. Померанц, Г. Сакс, Дж. Херитэджд, Э. Щеглофф и др.);

4) когнитивной лингвистики (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, С.Г. Виноградова, В.З. Демьянков, О.Г. Дубровская, Т.А. Клепикова, Е.С. Кубрякова, О.В. Магировская, Л.А. Фурс, Т. ван Дейк, В. Кинч, Б. Мулин, Т. Нельсон, Дж. Флейвелл и др.).

Научная новизна результатов исследования состоит в том, что в нем **впервые:**

- полученные в рамках структурного подхода выводы о специфике метавысказываний в разговорном дискурсе переосмыслены в свете когнитивного подхода и выделен формат метазнания и метадискурса;
- введено понятие форматирования дискурса как постепенного создания дискурсивного формата и определено, что разговорный метадискурс формируется как дополнительное интерпретирующее сообщение по отношению к основному сообщению;
- выделены два вида форматирования разговорного метадискурса: линейное и пространственное форматирование, и разработаны их модели;
- проведен комплексный лингвистический анализ параметров форматирования разговорного метадискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На основе разграничения процессов когниции и метакогниции и, соответственно, знания и метазнания в разговорном дискурсе выделяются два основных формата: фактуальный дискурс, передающий знание о некотором положении вещей в мире, и метадискурс, передающий метазнание об интерпретации участниками хода беседы и своих отношений.

2. Метадискурс сопровождает фактуальный дискурс в качестве «другого», интерпретирующего, сообщения. С точки зрения разграничения коммуникации и метакоммуникации фактуальный дискурс производится в коммуникативном акте, а интерпретирующий метадискурс – в метакоммуникативном акте.

3. Исходя из того, что формат представляет собой целостную структуру знания и дискурса, форматирование определяется как постепенное создание этой структуры. В рамках когнитивного контекста разговорного дискурса постепенно формируется, то есть обособляется как таковая, целостная структура интерпретирующего метазнания – совокупность метасмыслов об особенностях взаимодействия участников.

4. В процессе форматирования метазнания метасмыслы конструируются говорящим, объективируются на языковом уровне и актуализируются для слушающего. Сущность процесса форматирования разговорного метадискурса со-

стоит в распределении метазнания, динамике метасмыслов от высказывания к высказыванию.

5. В разговорном дискурсе происходит одновременное линейное и пространственное форматирование метадискурса. Эти два вида форматирования взаимозависимы и оказывают влияние друг на друга, но осуществляются по разным параметрам.

6. При линейном форматировании метадискурс входит в общую с фактуальным дискурсом структуру беседы. Линейные параметры – фонетико-акустический, лексический, синтаксический – формируют метадискурс как отдельную часть беседы. Каждый из параметров обуславливает использование особых языковых средств, которые в своей совокупности создают формат метадискурса в беседе.

7. Пространственный параметр форматирования метазнания и метадискурса представляет собой их распределение в эго-пространстве участников, основанное на метапамяти. Благодаря действию пространственного параметра метадискурс формируется как распределенная дискурсивная система в рамках широкого когнитивного и прагматического контекста интерпретации метасмыслов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие интегративной теории дискурса и метадискурса, теории конверсационного анализа, когнитивной лингвистики.

Углубляется теоретическое представление о дискурсе в аспекте структурирующего потенциала его различных форматов.

Получает развитие понятие разговорного дискурса: дано его системное описание в ракурсе взаимодействия форматов фактуального дискурса и метадискурса.

Разработан когнитивный подход к разговорному метадискурсу как результату метакогниции, обеспечивающей его форматирование. Определена специфика метазнания, в формате которого организуется и структурируется разговорный метадискурс.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что полученные результаты могут найти применение при разработке лекционных курсов по теории дискурса, теории конверсационного анализа, когнитивной лингвистике, общему языкознанию. Результаты и материалы исследования могут быть использованы при выполнении квалификационных работ различного уровня, а также при составлении пособий по теории языка. Полученные результаты могут оказаться полезными в прикладном плане для разработки эффективных технологий ведения переговоров, дебатов, урегулирования споров, разрешения конфликтов в различных видах институциональной коммуникации.

Апробация работы. По теме диссертации сделаны доклады на трех международных и четырех Всероссийских научных конференциях: международных конференциях «Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании» (Минск, 2012 г.); «Жизнь языка в культуре и социуме – б» (Москва, 2017 г.); «Международном конгрессе по когнитивной лингвистике» (Белгород, 2017 г.); Всероссийском научном семинаре «Языковая игра в пространстве культуры и образования: современные гуманитарные практики» (Красноярск, 2009 г.); 9-й Всероссийской научной конференции «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2015 г.); Всероссийской научно-практической Интернет-конференции «Аспирантские чтения в МГЛУ ЕАЛИ – 2015»; Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, 2018 г.); а также III межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации «Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст» (Москва, 2009 г.), конференциях молодых ученых «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» в ФГБОУ ВПО ИГЛУ (2008, 2009, 2012, 2013, 2014 гг.).

Основные результаты исследования отражены в 16 публикациях общим объемом 5,1 п. л., в том числе в 5 публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях и в коллективной монографии.

По **структуре** диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников примеров и приложения.

Во **Введении** формулируются цели и задачи работы, обосновывается актуальность и научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, перечисляются основные методы анализа, приводится описание теоретической базы диссертации, излагаются основные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования разговорного метадискурса» понятие разговорного метадискурса анализируется в контексте смежных понятий: язык vs метаязык, коммуникация vs метакоммуникация, текст / дискурс vs метатекст / метадискурс. Обосновывается выбор термина «разговорный дискурс», вводится понятие форматирования дискурса, объясняется различие понятий конструирования, форматирования и актуализации разговорного метадискурса.

Во **второй главе** «Линейные параметры форматирования разговорного метадискурса» предлагается линейная модель разговорного метадискурса и выделяются три параметра его линейного форматирования: фонетико-акустический, лексический и синтаксический. Систематизируются разноуровневые средства, формирующие метадискурс, и обосновывается принцип формального отграничения формата метадискурса в составе разговорного дискурса.

В **третьей главе** «Пространственный параметр форматирования разговорного метадискурса» доказывается значимость пространственного параметра для анализа метадискурса и предлагается пространственная модель форматирования разговорного метадискурса, объясняющая специфику пространственных метасмыслов через понятия концептуального взаимодействия, когнитивного и прагматического контекста, метадискурсивного эго-пространства.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются вытекающие из него основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения данной темы.

Приложение содержит материал, необходимый для иллюстрации ряда теоретических положений диссертации.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА

1.1. Естественный язык vs метаязык

Мета (от греч. *meta* – между, после, через) – часть сложных слов, означающая следование за чем-либо, переход к чему-либо другому [СЭС]. Понятие метаязыка первоначально возникло в философии.

На необходимость разграничения предметных и оценочных высказываний указывает Б. Рассел. Непонимание такого различия приводит к разного рода парадоксам. Самым известным из них является парадокс лжеца: критянин Эпименид сказал, что это ложь, что все критяне лжецы и все высказывания, сделанные критянами, определено ложны. Ложно ли высказывание самого Эпименида? В более простом виде парадокс звучит следующим образом: человек, говорящий «Я сейчас лгу», говорит правду, если он лжет, и наоборот [Рассел 2007, с. 22]. Парадокс, пишет Б. Рассел, вытекает из рассмотрения этого высказывания как утверждающего пропозицию, входящую в сферу высказываемого. Такую характеристику он называет самореферентностью или рефлексивностью и видит в ней источник логических парадоксов: они указывают на общность, которая в качестве элемента включает предмет исходной формулировки. Парадокс лжеца в совокупность оцениваемых высказываний включает высказывание об оценке. Преодоление такого парадокса требует разделения объектов на логические типы. Выражение, которое указывает на *всё* из некоторого типа, чтобы не быть бессмысленным, должно принадлежать к более высокому типу [Рассел, 2007, с. 10, 24-25]. Таким образом, понятия, обозначающие класс, находятся на другом уровне абстракции, чем понятия, обозначающие членов класса. Возможность создания высказывания о высказывании (то есть задействия разных логических типов) выгодно отличает естественный человеческий язык от «языка» животных, например, пчел [Бенвенист, 1974, с. 100].

А. Тарский использует термин «метаязык» и указывает, что метаязык наделен переменными более высоких логических типов, чем переменные языка, являющегося предметом исследования. Язык, на котором говорят, перекрыва-

ется языком, о котором говорят. А. Тарский приходит к выводу, что для разработки научной семантики необходимо особое средство – метаязык [Тарский, 1998].

В современной философии, в таком ее разделе, как логика, под метаязыком понимается язык, на котором происходит рассмотрение какого-либо другого естественного или искусственного языка (языка-объекта): изучение строения выражений этого языка, доказательство теорем о его дедуктивных свойствах и его отношении к другим языкам и т.д. Если в языке-объекте формулируется теория, рассматривающая какую-либо содержательно воспринимаемую предметную область, то средствами метаязыка формулируется метатеория, объектом изучения которой является первая предметная теория (классическим примером служит метаматематика). Как правило, метаязык должен, во-первых, включать в себя язык-объект как свою часть (в том смысле, что все выражения языка-объекта должны быть переводимы в метаязык, так что выражения метаязыка должны быть именами соответствующих выражений языка-объекта); во-вторых, в метаязыке должны иметься выражения для различных синтаксических и семантических характеристик языка-объекта (выражения более высоких логических типов). Иначе говоря, чтобы на метаязыке можно было проводить рассуждения о строении выражений языка-объекта, метаязык должен быть логически более богатым, чем язык-объект. В качестве метаязыка может использоваться естественный или формализованный язык [ВЭФ; ФЭ].

Такое понимание метаязыка подразумевает, что он включает в себя лингвистическую терминологию: естественный человеческий язык выступает по отношению к метаязыку как предмет языковедческого исследования [БЭСЯ]. Именно процесс терминологизации выявляет уникальную двойственность языка, существующего в двух различных ипостасях: как объект в онтологии мира и как инструмент, орудие описания самого себя и всего сущего [Кубрякова, 2009, с. 23-24]. Терминология является важнейшей составной частью метаязыка; кроме нее, он включает «своеобразные словосочетания слов и их эквивалентов», а также «определенный социально-лингвистический аспект: данная форма

метаречи отражает специфику того или другого лингвистического направления, эпохи и т.д.» [Ахманова, 2007, с. 4]. Кроме лингвистических терминов, в данный метаязык, специализируясь и приобретая суженное значение, входит общенаучная лексика [Куликова, 2002, с. 16-17, 105].

Итак, в лингвистических исследованиях метаязык выступает как особая терминологическая система, употребляемая тогда, когда надо говорить о естественном языке, выступающем в качестве объекта исследования.

Еще одно, более широкое понимание метаязыка было предложено Р.О. Якобсоном; это понимание предполагает возможность проявления метаязыковой функции не только в научном контексте, но и в повседневном общении. Если адресанту необходимо убедиться, что адресат внимательно и правильно воспринимает сообщение, он спрашивает: «Вы понимаете?», «Вы следите за моей мыслью?» и т.п. В трактовке Р.О. Якобсона подобные высказывания выполняют, все же, не столько метаязыковую, сколько конативную функцию (апелляция к адресату) и фатическую функцию (установление и поддержание контакта с адресатом). Чистая ориентация на код сообщения, то есть метаязыковая функция, осуществляется тогда, когда происходит толкование непонятных слов: «Софомора завалили» – «А что такое завалили?» – «Не сдал экзамен» – «А что такое софомор?» [Якобсон, 1975, с. 198-203].

Из шести функций языка, выделяемых Р.О. Якобсоном, современные исследователи относят к метасообщениям две функции – метаязыковую и фатическую. Метаязыковая функция приравнивается Р.О. Якобсоном к функции толкования, когда участники проверяют, пользуются ли они одним и тем же кодом («Я вас не совсем понимаю, что вы имеет в виду?») Или, предвидя подобные вопросы: «Вы понимаете, что я имею в виду?»). Фатические сообщения, в свою очередь, направлены на контакт, их основное назначение – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить исправность канала связи, привлечь внимание собеседника, убедиться в том, что он слушает внимательно (например: «Алло, вы меня слышите?»). Их единственная цель – поддержание коммуникации, которое осуществляется через обмен «ритуальными фразами

или даже целыми диалогами». Фатическую функцию дети усваивают первой: они гораздо раньше проявляют стремление вступать в коммуникацию, чем способность передавать или принимать информативные сообщения [Якобсон, 1975, с. 200-201].

В отечественной лингвистике разрабатывается идея Р.О. Якобсона о проявлении метаязыковой функции языка не только в сфере профессионального научно-исследовательского использования, но и в повседневной речи.

Возможность проявления метаязыковой функции не только в научном контексте обуславливает еще одну, более широкую, трактовку понятия метаязыка, относящуюся к сфере его повседневного, а не профессионального, исследовательского использования. В отечественной лингвистике изучается так называемое обыденное метаязыковое сознание, то, как, организуя собственную речевую деятельность, говорящий при помощи языка же размышляет об этой деятельности [Булыгина, 1999; Голев, 2000; Мечковская, 2006]. Термины «метаязык» и «метаязыковой» в этом понимании подчеркивают системность метаязыковой деятельности, направленность метаязыкового рефлексирующего сознания на анализ используемых языковых средств.

Итак, понятие метаязыка в современной лингвистике употребляется, когда речь идет о профессиональном, научно-исследовательском подходе к языку, о метаязыке лингвистических исследований, а также об организации говорящими собственной речевой деятельности при помощи метаязыковых высказываний, в которых уточняется или подвергается толкованию значение отдельных языковых элементов.

1.2. Коммуникация vs метакоммуникация

1.2.1. Понятие коммуникации

Огромная роль, которую коммуникация играет в жизни человека, обуславливает неисчерпаемость коммуникативной проблематики. Об этом свидетельствует многообразие определений данного термина. В лингвистике принято следующее определение коммуникации: это общение, обмен мыслями, идеями

и т.д., специфическая форма взаимодействия людей в процессе их трудовой и познавательной деятельности [БЭСЯ].

Поскольку коммуникация существует и у животных, язык – не единственное ее средство. Как указывает У. Эко, далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий [Эко, 1998, с. 121]. Общим свойством коммуникации людей и животных является координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства [Матурана, 2001, с. 171]. В человеческой коммуникации язык играет основополагающую роль благодаря своему характерному свойству обеспечивать субститут опыта, который без конца можно передавать во времени и пространстве; ввиду того что для говорящего акт речи заново представляет действительность, а для слушающего он эту действительность воссоздает [Бенвенист, 1974, с.27, 101].

В момент возникновения теории коммуникации во второй половине XX в. коммуникативные процессы мыслились в первую очередь как процессы передачи информации. Классическая однонаправленная модель была предложена в 1948 г. американским политологом и социологом Г. Лассуэлом, который в числе прочего занимался вопросами пропаганды. Он предложил рассматривать акт любой, в том числе массовой, коммуникации, опираясь на вопросы: кто – сообщает что – по какому каналу – кому – с каким эффектом? Данная формула позволяет анализировать управление коммуникацией адресантом; содержание сообщений; коммуникативные средства и каналы; аудиторию; результаты воздействия [Lasswell, 1948].

Модель коммуникации К. Шеннона, также предложенная в 1948 г., отдает приоритет информации (точнее, ее количеству) над взаимодействием. Она включает такие элементы, как источник информации, передатчик (кодирующее устройство), канал связи, помехи, приемник (декодирующее устройство), получатель информации [Шеннон, 1963, с. 245]. Данная линейная модель позволяет анализировать барьеры в коммуникации: технические (точность передачи информации), семантические (интерпретация сообщения получателем), касаю-

щиеся эффективности (успешность в изменении поведения в связи с переданным сообщением) [Почепцов, 2001, с. 229-230]. К. Шеннон ввел в теорию информации понятие шума – внешних факторов, помех, искажающих полезный сигнал. Преодолению шума должна служить избыточность – многократное повторение сигнала или дублирование по другим каналам связи [Шеннон, 1963, с. 275, 280].

Основатель кибернетики Н. Винер ввел в теорию коммуникации понятие обратной связи (feedback) – ответной реакции получателя. Оптимальное сочетание прямых и обратных связей обеспечивает нормальную работу (гомеостаз) коммуникативной системы (машины, биологического организма, общества). Винер также подчеркивал важность противостояния энтропии как отсутствию информации [Винер, 1983].

В лингвистике идеи К. Шеннона и Н. Винера интерпретировал Р.О. Якобсон, включивший в модель коммуникативного акта адресанта, адресата, контекст, сообщение, контакт и код. На каждый из этих шести компонентов коммуникативного акта ориентирована особая языковая функция: экспрессивная, апеллятивная, референтивная, поэтическая, фатическая и метаязыковая [Якобсон, 1975]. Лингвистика изучает прежде всего речевую коммуникацию. Помимо уникальной природы самого естественного языка как семиотической системы, в ходе использования которой «обобщенные значения языковых знаков уточняются и индивидуализируются под давлением изменчивых контекстов или невербализованных, но потенциально вербализуемых ситуаций», лингвистам следует анализировать всевозможные факторы, характеризующие акты коммуникации: свойства сообщения, адресанта и адресата, их отношения, характер контакта и общий для коммуникантов код, сходства и различия, характеризующие процессы кодирования у адресанта и декодирования у адресата, отношение конкретного сообщения к множеству связанных с ним сообщений и к «универсуму дискурса» [Якобсон, 1985, с. 319-320, 329].

Основателем модели коммуникации, учитывающей сотрудничество коммуникантов, является П. Грайс. Он указывает, что в основе коммуникативных

процессов лежит желание говорящего как передать информацию, так и сделать свои намерения понятными собеседнику, то есть постулирует наличие связи между коммуникантами, в терминах Грайса, квази-контракта между ними обоюдной заинтересованности в успешной коммуникации и обоюдном согласии относительно того, когда следует закончить беседу [Grice, 1989, p. 29]. Чтобы пропозициональное содержание сообщения понималось в соответствии с интенциями говорящего, он должен следовать так называемому Принципу Кооперации, то есть делать свой вклад в беседу таким, каким требуется на данной стадии, в соответствии с принятой целью или направлением разговора, в котором он участвует. Это происходит потому, что наша коммуникация имеет выводную (инференциальную) природу: слушающий выстраивает и оценивает предположение о значении говорящего. При этом он опирается на конвенциональные значения использованных слов и референты, к которым те могут отсылать, Принцип Кооперации и его максимы, лингвистический или любой другой контекст высказывания; другие фоновые знания, знание или предположение о том, что вся перечисленная релевантная информация доступна обоим коммуникантам, и они оба знают или предполагают, что это так [Grice, 1989, p. 31].

Несмотря на то, что значительная часть человеческой коммуникации происходит, что называется, между строк и, по большей части, между тем, что люди говорят, и тем, что они имеют в виду, существует значительная разница, мы обычно без труда понимаем подразумеваемое [Kecskés, 2006, p. 680].

Влиятельная коммуникативная теория – теория релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон – строится на положении о том, что человеческое сознание нацелено на максимальное увеличение релевантности поступающих стимулов. Их обработка производится таким образом, чтобы достичь наибольшего когнитивного эффекта с возможно меньшими когнитивными усилиями. Решающее значение для интерпретации сообщения имеет выбор адекватного контекста, поскольку люди исходят из представления о том, что обрабатываемое сообщение является релевантным (иначе они бы и не стали его обрабаты-

вать), и они стремятся избрать контекст, который обеспечит максимум релевантности [Шпербер, 1988, с. 225].

В психологии и социологии коммуникация часто рассматривается как значительно более широкое понятие, чем в лингвистике. Э. Гоффман (в другой транскрипции – И. Гофман) выделяет у человека два разных вида знаковой активности: «произвольное самовыражение», когда человек намеренно дает информацию о себе (the expression that he gives), и «непроизвольное самовыражение», когда он ее ненамеренно выдает (the expression that he gives off) [Goffman, 1959, p. 2]. И то, и другое – коммуникация (у Гоффмана – интеракция), соответственно, в узком и в широком смысле, поскольку и то, и другое интерпретируется получателем.

Под коммуникацией понимается и вербальное, и невербальное поведение в социальном контексте [Сатир, 2006, с. 108]. П. Вацлавик, Д. Бивин и Д. Джексон особо подчеркивают, что «все поведение в ситуации интеракции имеет ценность сообщения», а поскольку не существует не-поведения, то отсюда следует максима: «никто не может не общаться». Действует человек или бездействует, молчит, игнорирует других или говорит – все имеет коммуникативную ценность. Пассажир самолета, сидящий с закрытыми глазами, сообщает, что не хочет ни с кем говорить, и соседи обычно «получают сообщение» и соответственно реагируют, оставляя его в покое [Вацлавик, 2000, с. 43-44, 46]. С этой точки зрения, любая форма поведения является коммуникативно значимой. В таком обобщенном понимании научное понятие коммуникации подразумевает обоюдный поток намеренных или ненамеренных сообщений: любое поведение человека приобретает коммуникативную значимость, если оно интерпретируется другим.

В отечественной лингвистике развитию теории коммуникации способствовали работы в области речевого общения. Термины «коммуникация» и «общение» имеют схожее этимологическое значение – ср.: *communicatio*, *communicare* – связывать, делать общим, делать сообща [ЛРС]. У этих двух терминов также схожее научное определение (взаимодействие людей в процессе их тру-

довой или познавательной деятельности [БЭСЯ]), но при этом в общении на первый план выходит субъект-субъектное отношение [ВЭФ], которое в коммуникации может и отсутствовать, например, в коммуникации компьютеров в сети, рассматриваемой широко, как любое взаимодействие.

В исследованиях речевого общения был поставлен ряд проблем, которые впоследствии получили развитие в рамках теории коммуникации. Так, стратегии и тактики взаимодействия на начальном этапе их изучения терминологически обозначались как речевые [Демьянков, 1979; Тарасова, 1992; Иссерс, 2008]; в настоящее время их также обозначают как коммуникативные или дискурсивные. Помимо стратегий и тактик в настоящее время выделяют также коммуникативные и дискурсивные технологии [Fairclough, 1996; Плотникова, 2006].

Многие отечественные исследователи подчеркивают целенаправленный характер коммуникации. Например, И.А. Стернин определяет ее как «осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью» [Стернин, 2001, с. 7]. В.В. Красных считает, что коммуникация представляет собой «процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, то есть того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» [Красных, 2003, с. 79]. Она подробно исследует единицу коммуникации – коммуникативный акт, подчеркивая его одновременно реальность (поскольку процесс коммуникации членим) и условность (границы сегментов подвижны, субъективны и в достаточной степени размыты) [Красных, 2003, с. 83]. Л.В. Куликова отмечает непосредственный характер коммуникации, который проявляется в обоюдном восприятии коммуникантами друг друга и их нахождении в едином пространстве и времени [Куликова, 2009, с. 36]. Лингвисты подчеркивают социальную сущность коммуникации, выделяя ее различные типы в зависимости от той сферы жизни общества, в которой осуществляется коммуникация.

Теория коммуникации, являющаяся одной из новейших лингвистических дисциплин, в настоящее время интенсивно развивается; в ее рамках изучается все больше новых проблем, и, в частности, разрабатываемая нами проблема метакоммуникации и метадискурса.

1.2.2. Зарождение понятия метакоммуникации в концепции диалогизма

Как показал проведенный нами обзор теоретических источников, философской и филологической концепцией, в русле которой зародилось понятие метакоммуникации, является концепция диалогизма, получившая свое развитие в первой половине XX в.

Основатель философии диалогизма – М. Бубер. Он выделяет две формы диалогических отношений: Я – Ты (субъект – субъект) и Я – Оно (субъект – объект). Отношение Я – Ты создает мир взаимности, целостности, сопричастности, действительности протекания настоящего и делает человека человеком. Отношение Я – Оно создает мир обретения опыта, использования, обладания, раздробленности. Ты может низводиться до Оно, превращаясь в объект для Я [Бубер, 1995].

В философии диалогизма подвергается критике предшествовавший солипсическо-монологический подход к сознанию – нацеленность сознающего на объекты (Оно) или на самого себя (теоретичность). Новый же подход базируется на отношении к Другому (Ты). Отмечается, что проект диалогизма не был реализован полностью, но это философское течение повлияло на формирование экзистенциализма, феноменологии, герменевтики и в целом сформировало современную философскую мысль [ВЭФ].

В филологических исследованиях понятие диалогических отношений, служащих фундаментом любого общения, было обосновано М.М. Бахтиным. Мы находим у него понятие металингвистики – под ней он предлагает понимать «не оформившееся еще в определенные дисциплины изучение тех сторон жизни слова, которые выходят – и совершенно правомерно – за пределы лингвистики». Под словом понимается «язык в его конкретной и живой целокупно-

сти» [Бахтин, 2002, с. 203], выражаясь современными терминами, дискурс (именно этот эквивалент используется в английских и французских переводах М.М. Бахтина).

Ключевую роль в выдвигании понятия металингвистики играет идея диалогичности: в то время как предметом лингвистики являются лишь «системные или линейные отношения между знаками», металингвистика должна рассматривать «отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т.п.» [Бахтин, 1979, с. 303].

М.М. Бахтин переосмысливает в свете предлагаемых им понятий металингвистики и диалогизма общепринятое философское понятие метаязыка, предлагая толковать его как эманацию второго сознания – сознания исследователя. «Метаязык не просто код, – он всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует» [Бахтин, 2002, с. 395].

Главным предметом металингвистики М.М. Бахтин называет двуголосое слово, рождающееся в условиях диалогического общения [Бахтин, 2002, с. 207]. В частности, некоторые художественно-речевые явления, такие как стилизация, пародия, сказ и диалог, по своей природе носят металингвистический характер. Им всем присуща двоякая направленность слова – и на предмет речи, и на другое слово, чужую речь. Если не знать о существовании этого второго контекста чужой речи, невозможно будет понять эти явления по существу: стилизация будет принята за стиль, пародия – за плохое произведение и т.д. [Бахтин, 2002, с. 207].

Проведенный обзор положений М.М. Бахтина, касающихся вводимого им понятия металингвистики, показывает, что он выделил основные признаки метакоммуникации, которые приводятся в более поздних исследованиях, хотя сам термин «метакоммуникация» М.М. Бахтиным не используется.

Если использовать данный термин, то метакоммуникация предстает как сугубо диалогические отношения между высказываниями в тексте или беседе, а

именно смысловые отношения, отражающие те или иные позиции субъектов или авторов этих высказываний. Метакоммуникация всегда сопровождает непосредственную коммуникацию, поскольку диалог не имеет смыслового конца; он продолжается на уровне всего бытия человека – бытия как глубочайшего общения с собой и Другим.

Метакоммуникация развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов, двух голосов, если понимать человека как целостный голос, вступающий в коммуникацию. В метакоммуникации рождается двуголосое слово – двуголосый дискурс. При этом в каждом из двух рождающихся дискурсов проявляется «знак чужой смысловой позиции», направленность не только на предмет речи, но и на чужой дискурс.

В метакоммуникативные отношения вступают не только люди, но и тексты (например, текст пародии); такие тексты могут быть адекватно поняты на основе знания первичного текста, с которым они, собственно, и ведут диалог.

То, каким образом заложенные М.М. Бахтиным идеи воплотились в современных исследованиях метакоммуникации и метадискурса, будет показано в последующих разделах диссертации.

1.2.3. Современное понимание метакоммуникации

Современное понимание метакоммуникации в гуманитарных и социальных науках было заложено американским ученым Г. Бейтсоном, работавшим в области этнографии и психиатрии. В своей работе «Проблемы коммуникации китообразных и прочих млекопитающих» Г. Бейтсон доказывает, что довербальные млекопитающие часто передают сообщение об отношениях; это означает, что в их общении преобладает метакоммуникация. Бейтсон приводит в качестве примера поведение домашней кошки, которая демонстрирует полную зависимость от хозяина. «Кошка «говорит» в терминах паттернов взаимообусловленности отношений, и на вас лежит задача сделать от этих «речей» дедуктивный шаг, догадавшись, что кошка хочет именно молока» [Бейтсон, 2005б, с. 72-73].

Метакоммуникация у животных развивается параллельно с коммуникацией, на что указывает феномен игры. Опираясь на свои наблюдения за игрой обезьян в зоопарке, Г. Бейтсон установил, что само это явление – игра – может существовать, только если участники способны к метакоммуникации. В процессе метакоммуникации животные «сообщают» примерно следующее: «Действия, в которых мы сейчас участвуем, не означают того, что они означали бы в реальной жизни». Например, укус в ходе игры не означает того, что означал бы настоящий укус. Животные демонстрируют в своем поведении две особенности игры: во-первых, неистинность сообщений, которыми обмениваются участники игры, и, во-вторых, вымышленность этих сообщений (того, что они обозначают, не существует). Таким образом, в поведении животных Г. Бейтсон выделяет два типа сообщений: те, которые являются знаками реальных состояний (mood-signs), и те, что симулируют знаки состояний (например, при игре, угрозе, при творстве), то есть метакоммуникативные сообщения [Бейтсон, 2005а, с. 63-75].

При переходе к метакоммуникации организм перестает автоматически реагировать на знаки состояния (mood-signs) другого и становится способен распознавать знаки, которым можно доверять, не доверять, фальсифицировать, отвергать, усиливать, корректировать и т.д. [Бейтсон, 2005а, с. 62].

Г. Бейтсон выделяет два множества сообщений, находящихся на более абстрактных уровнях, нежели простой описательный уровень, или «протокол» («Кот находится на подстилке»). Одно из этих множеств включает в себя «металингвистические» сообщения, в которых предметом рассуждения является язык («Слово «кот» не имеет меха и не царапается»). В современных терминах это метаязыковые сообщения. Другое множество сообщений он называет «метакоммуникативными» – в них предметом рассуждения являются отношения между говорящими («Я сказал тебе, где найти кота, по дружбе»). Этот уровень Г. Бейтсон называет «командой» [Бейтсон, 2005а, с. 61-62].

«Протокол» и «команда» – основа различения дискурса и метадискурса, принятого в современных исследованиях (подробнее об этом см. в последующих разделах диссертации). «Протокол» представляет собой фиксацию факту-

ального, предметного содержания сообщения (дискурс); «команда» (метадискурс) фиксирует отношения между участниками коммуникации, которые чаще всего сводятся к отношениям «власть – подчинение» (отсюда термин Г. Бейтсона «команда»).

Склонность вступать в коммуникацию по поводу отношений глубоко свойственна человеку. Часто даже в ответ на чисто фактическое утверждение, касающееся внешнего мира, человек начинает размышлять: «Что это замечание А означает для моих отношений с ним?» Правда, как и другие млекопитающие, человек в основном передает подобные сообщения посредством кинестетических и паралингвистических сигналов: телодвижений, произвольных напряжений мышц, изменений выражения лица, произвольных задержек речи, изменений темпа речи, движения, обертона голоса, неравномерности дыхания и т.д. Наши органы восприятия одновременно служат для передачи сообщений по поводу отношений. «Нам дискомфортно со слепым не потому, что он не видит (это его проблема, которую мы только смутно себе представляем), но потому, что он не передает нам посредством движений глаз тех сообщений, которых мы ожидаем и которые нам нужны, чтобы с уверенностью знать состояние наших отношений с ним» [Бейтсон, 2005б, с. 76-77]. Люди испытывают потребность в контакте взглядов. Зрительный контакт сигнализирует о степени близости и доверия; общаясь непосредственно, люди следят за малейшими изменениями этого чувствительного органа. При этом у людей считается невежливым пристально наблюдать чужую кинестетику, так как «таким путем можно получить слишком много информации» [Бейтсон 2005б, с. 85].

Для понимания природы коммуникации важно также, что кинестетические и паралингвистические сигналы как человека, так и животных, носят аналоговый характер; вербальный же язык является системой символов. В вербальной коммуникации используются конвенциональные знаки, имеющие лишь произвольную связь с тем, что они означают. Конечно, в человеческом языке есть слова для обозначения отношений: любовь, уважение, зависимость и т.д. Но, пишет Бейтсон, эти слова «плохо работают при фактическом обсуждении

отношений между их участниками. Если вы говорите девушке «я тебя люблю», то она, вероятно, обратит больше внимания на сопровождающую кинестетику и паралингвистику, нежели на сами слова» [Бейтсон 2005б, с. 79-81].

Люди испытывают дискомфорт, когда метакоммуникация приобретает сугубо символический – вербальный – характер. «Мы предпочитаем, чтобы наши сообщения на эту тему оставались аналоговыми, бессознательными и произвольными. Мы испытываем недоверие к человеку, который умеет симулировать сообщения по поводу отношений» [Бейтсон 2005б, с. 81]. «Кошка просит молока, говоря «зависимость», а я, – пишет Бейтсон, – прошу вашего внимания и, возможно, уважения, говоря о китах» [Бейтсон, 2005б, с. 79].

Метакоммуникация, согласно Г. Бейтсону, осуществляется на разных уровнях абстракции. Доказывая это, Г. Бейтсон ссылается на Б. Рассела и его теорию логических типов. В качестве примеров того, как люди используют в коммуникации несколько логических типов, Г. Бейтсон приводит игру, ритуал, метафору, юмор, а также фальсификацию сигналов, указывающих на модальность. Последняя делает возможными искусственный смех, манипулятивную симуляцию дружелюбия, розыгрыши и т.п. Человек может бессознательно фальсифицировать такие сигналы, например, скрывать от самого себя свою действительную враждебность под видом метафорической игры, или ошибочно интерпретировать моральные идентификаторы в сообщениях другого [Бейтсон 2005а, с. 89-90]. В обычной коммуникации «мы сплетаем логические типы невероятной сложности с легкостью, заслуживающей удивления»; люди «вырабатывают поистине поразительные способности не только к простой идентификации того, каков сорт данного сообщения, но также и к работе с множественными идентификациями типа сообщения» [Бейтсон 2005а, с. 82-83]. Без этого жизнь состояла бы в бесконечном обмене чисто денотативными сообщениями, была бы игрой по жестким правилам, не оживляемой переменами или юмором [Бейтсон 2005а, с. 79].

Г. Бейтсон подчеркивает, что развитие способности к метакоммуникации само по себе чудо. Но есть и другая сторона – многие люди встречаются с

трудностями. Например, у больных шизофренией такие трудности приобретают патологический характер. Они утрачивают способность к адекватной метакоммуникации, которая позволяет нам корректировать наше восприятие коммуникативного поведения и является необходимым условием успешного социального взаимодействия. Вытекающая отсюда неспособность правильно определить, что на самом деле имеет в виду говорящий, может привести больного шизофренией к тому, что он станет постоянно искать скрытый смысл за тем, что ему говорят, проявляя характерную подозрительность и недоверчивость; он может начать принимать буквально все сказанное окружающими; он также может попытаться игнорировать сообщения, все больше отвлекаясь от внешнего мира. Г. Бейтсон уподобляет такого человека системе с нарушенным регулирующим звеном (governor), которая воспроизводит бесконечный поток ошибок и искажений [Бейтсон 2005а, с. 99].

Последователи Г. Бейтсона П. Вацлавик, Д. Бивин и Д. Джексон указывают, что люди метакоммунируют, когда они не используют коммуникацию для общения, а общаются на тему коммуникации, рассуждают о ней, анализируют ее. Другими словами, метакоммуникация – это утверждения относительно других утверждений. При этом, в отличие, например, от математиков, владеющих двумя языками – символьным математическим и обычным, мы ограничены обычным языком как средством коммуникации и метакоммуникации [Вацлавик, 2000, с. 33-34]. «Передающий» аспект коммуникации («протокол», по Бейтсону), отражающий содержание сообщения, противопоставляется ее «командному» аспекту – сообщению о том, как это содержание должно быть проинтерпретировано с точки зрения взаимоотношений между коммуникантами. Высказывания «Это приказ» или «Я только шучу» – примеры вербальной реализации таких коммуникаций о коммуникации; невербально они могут выражаться, к примеру, криком или улыбкой. Чем спонтаннее и «здоровей» взаимоотношения, тем больше «командный» аспект коммуникации отступает на задний план. Наоборот, «больные» взаимоотношения характеризуются постоянной борьбой за характер взаимоотношений, в то время как «передающий» аспект коммуника-

ции, ее фактуальное содержание становится все менее важным. С этой проблемой сталкивается каждый, поскольку «способность к соответствующей метакоммуникации является не только непременным условием успешной коммуникации, но она тесно связана с проблемой осознания себя и других» [там же, с. 47-50, 59-61].

Итак, согласно основоположникам теории метакоммуникации, она всегда сопровождает коммуникацию и реализуется одновременно с ней на более высоких уровнях логической абстракции.

Коммуникация и метакоммуникация различаются как «протокол», или фиксация передаваемой информации, и «команда», «командный» аспект взаимодействия, фиксирующий управление процессом коммуникации и межличностными отношениями ее участников.

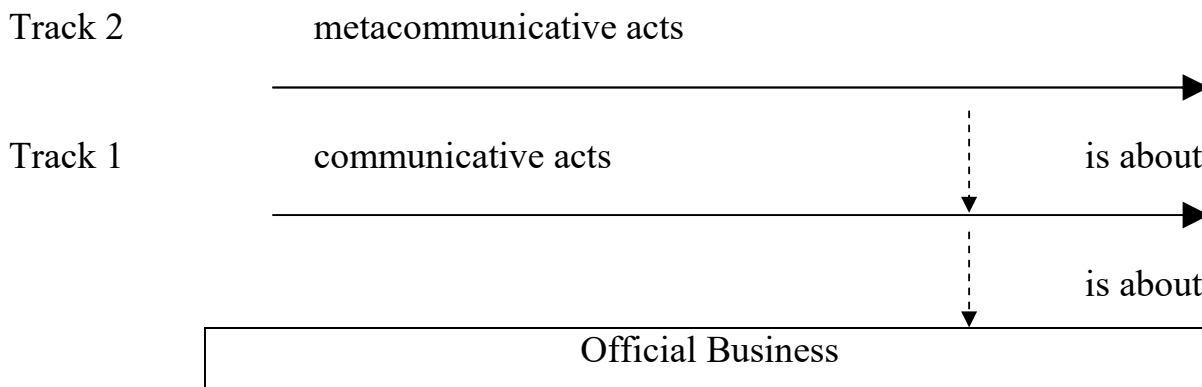
Изложенное понимание метакоммуникации углубляется в исследованиях последних двадцати лет (см., например, [Branco, 2004]). Наиболее известной современной моделью метакоммуникации является модель Г. Кларка [Clark, 1996, p. 241], которую мы принимаем за основу нашего исследования, в связи с чем требуется дать ее описание.

Согласно этой модели, коммуникация протекает на двух параллельных уровнях. Первый уровень – это уровень коммуникации, коммуникативных актов, а именно уровень фактуальных смыслов. Второй уровень – метакоммуникативный, метакоммуникативных актов. Г. Кларк представляет эти уровни следующим образом, акцентируя внимание на различии информации, передаваемой в процессе коммуникации и метакоммуникации (см. Схему 1 на следующей странице).

В своей модели Г. Кларк определяет коммуникативный акт как передачу информации об «официальном деле», то есть о некотором положении вещей, по поводу которого ведется разговор. Метакоммуникативный акт понимается как передача информации о непосредственно осуществляемом коммуникативном акте (*is about a communicative act*), то есть информации о том, как говорящие

оценивают развертывание беседы (является ли оно успешным или затрудненным).

Схема 1. Двухуровневая модель коммуникации Г. Кларка

Уровень коммуникации (track 1) Г. Кларк называет базовым (basic), а уровень метакоммуникации (track 2) – дополнительным (collateral) [Clark, 1996, p. 241]. Значение прилагательного collateral – connected with something or happening as a result of it, but not as important (связанный с чем-то или являющийся результатом чего-то, но менее важный) [LDOCE]. Согласно этой модели, метакоммуникация в процессе беседы связана с коммуникацией, но имеет дополнительный, сопровождающий характер и менее важна. Эта модель объясняет коммуникацию и метакоммуникацию как реализацию коммуникативных и метакоммуникативных актов, то есть постулирует, что коммуникация и метакоммуникация состоят из своих собственных структурных единиц, развертывающихся параллельно друг другу.

В современных лингвистических исследованиях анализируются также различные метакоммуникативные языковые средства, определяемые как дискурсоорганизующие и управляющие [Воробьева, 2006; Девкин, 1987; Пигрова, 2001]; фатические – направленные на установление, поддержание и размыкание речевого контакта [Арюхина, 2006; Сеницына, 2005; Стрибижев, 2005; Чаптыкова, 1987; Чхетиани, 1987; Шаповалова, 2002; Фенина, 2005]; отражающие процесс и результаты рефлексии говорящих над своей коммуникацией, регулирующие, корректирующие поведение коммуникантов, координирующие их со-

вместные действия [Гуревич, 2011; Лопатина, 2003; Меркурьева, 2001; Скат, 1991].

Как уже указывалось, в нашем исследовании мы принимаем за основу модель метакоммуникации Г. Кларка, считая ее наиболее объяснительной из всех существующих современных моделей. У Г. Кларка отсутствуют упоминания дискурса и метадискурса; мы расширим его модель, включив в нее эти понятия в нашем последующем анализе (см. раздел 2.1).

1.3. Дискурс vs метадискурс

1.3.1. Дискурс как сообщение, передаваемое в процессе коммуникации

В данном разделе мы рассмотрим понятие дискурса и методы его анализа, а в следующем разделе противопоставим ему понятие метадискурса.

Будучи парадигмальным, термин «дискурс» имеет множество определений, но всякий раз при этом оказывается способен впитать новые оттенки смысла. Е.С. Кубрякова уподобляет дискурс «расширяющейся вселенной» [Кубрякова, 2004, с. 531]. Т.А. ван Дейк характеризует понятие дискурса как в целом туманное (*the notion of discourse is essentially fuzzy*), определить которое призвано целое междисциплинарное направление – дискурсивные исследования (*discourse studies*) [Dijk, 1997, p. 1].

Во многих современных исследованиях принимается в качестве базового определение Т. ван Дейка: дискурс – это текст или разговор в контексте (*discourse is text and talk in context*) [Dijk, 1997, p. 3].

Конечно, текст и разговор различаются по своей структуре: текст – это результат процесса речи, завершенное произведение. В то время как текст изучается как нечто конечное, дискурс – это «явление, исследуемое on-line, в текущем режиме и текущем времени, по мере своего появления и развития», и анализ дискурса «требуется восстановления этого процесса, если даже изучается его результат» [Кубрякова, 2004, с. 517].

Тем не менее, в связи со сменой парадигмы понятие текста все чаще включается в понятие дискурса. Мы принимаем дискурсивный подход; со-

гласно ему, «предпочтительным является такое понимание термина «дискурс», которое включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (то есть текст)», при этом термин «дискурс» также снимает неправомерное противопоставление диалога и монолога, поэтому он удобен как «родовой термин, объединяющий все виды использования языка» [Кибрик, 2003, с. 10]. Согласно В.И. Карасику, дискурс – это текст, погруженный в ситуацию реального общения [Карасик, 2002, с. 189]. М.Л. Макаров пишет, что в современной лингвистической литературе дискурс все чаще употребляется как «родовая категория по отношению к понятиям «речь», «текст», «диалог», а в философской, социологической и психологической терминологии такое употребление уже стало нормой [Макаров, 2003, с. 90]. По словам Е.С. Кубряковой, с точки зрения когнитивной науки, которая в каждом акте обозначения и речи усматривает «the construal of the world – некое «творение» или «конструирование» мира», и текст, и дискурс следует рассматривать прежде всего как «творящие новые «возможные миры», а все принимающие в этом процессе языковые формы – как служащие построению такого возможного мира» [Кубрякова, 2004, с. 522]. В настоящее время проблема конструирования дискурса и отражаемого или создаваемого в нем мира активно разрабатывается в лингвистике [Ильинова, 2009; Плотникова, 2014; 2016]. В рамках изучения дискурса отдельный текст рассматривается также как «отражение не индивидуальной, но наиндивидуальной, коллективной речевой практики», то есть дискурсивный анализ служит средством «социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени» [Чернявская, 2003, с. 68].

В своей работе мы опираемся на определение дискурса с точки зрения его роли в коммуникации. В коммуникативном аспекте дискурс представляет собой сообщение любого типа – непрерывно возобновляемое или законченное, фрагментарное или цельное, устное или письменное. Дискурс может быть как вербальным, так и невербальным: его содержание может быть выражено посредством любой семиотической системы (музыки, живописи, тан-

ца, архитектуры и т.д.) [Плотникова, 2005, с. 7]. Мы также принимаем когнитивное определение дискурса как когнитивного феномена, суть которого состоит в конструировании знаний, оперировании знаниями и их передаче [Кубрякова, 2012, с. 122].

В рамках когнитивного подхода к дискурсу нами принимаются следующие положения: дискурс – это особое использование языка для выражения особой ментальности [Степанов, 1995, с. 38]; дискурс может формироваться вокруг самого значимого, опорного концепта [Демьянков, 1982, с. 7].

Принятые подходы к определению дискурса – коммуникативный и когнитивный – обуславливают использование соответствующих методов его анализа.

Рассмотрение дискурса как сообщения, передаваемого в процессе коммуникации, предполагает, главным образом, его структурный и речеактовый анализ. Как уже указывалось, по своей структуре дискурс может представлять собой текст или разговор. При этом разговор не обязательно должен быть завершённой беседой. Е.С. Кубрякова указывает на этимологию термина «дискурс», который происходит от латинского *discursus*, что значит «бегание туда и сюда». Становится понятным, почему дискурс можно понимать как круговорот: текст и его части, разговор и его отдельные реплики могут пониматься как дискурс [Кубрякова, 2012]. Также дискурсом может называться и множество текстов, или бесед / разговоров (политический дискурс, научный дискурс, педагогический дискурс, рекламный дискурс и т.д.) [Карасик, 2002; Чернявская, 2006].

С помощью структурного анализа дискурса устанавливаются конституирующие дискурс структурные единицы.

Речеактовый анализ дискурса базируется на его понимании как цепочки речевых актов [Арутюнова, 1998]. Следует пояснить соотношение понятий коммуникативного и речевого акта. Эти понятия возникли в соответствующих теориях: понятие коммуникативного акта (*communicative act*) употребляется в теории коммуникации; понятие речевого акта (*speech act*) было предложено Дж. Остином, развито Дж. Серлем и устойчиво употребляется как введенный

ими термин. Под коммуникативным актом понимается передача сообщения (дискурса) от адресанта к адресату; речевой же акт имеет свою собственную трактовку.

Речевой акт представляет собой высказывание, произнося которое, говорящий осуществляет три вида действий: локутивное (артикуляция слов с присущими им конвенциональными языковыми значениями), иллокутивное (вкладывание в высказывание смысла говорящего, выражение намерения) и перлокутивное (если высказывание вызывает искомые последствия в неязыковой действительности) [Austin, 1962]. Базовым признаком речевого акта является его иллокутивный смысл, или сила (*illocutionary point / force*). Дж. Сёрль выделяет пять типов иллокутивных смыслов и, соответственно, пять типов речевых актов: ассертивы (подводят слушающего к принятию истинности выражаемой пропозиции), директивы (пытаются, в широком смысле слова, подвести слушающего к тому, чтобы он совершил какое-либо действие), комиссивы (выражают различного рода обязательства говорящего относительно его будущих действий), экспрессивы (выражают психологическое состояние говорящего) и декларативы (будучи успешно реализованными, устанавливают соответствие между выражаемой пропозицией и положением дел в реальности, то есть создают реальность) [Searle, 1979].

С помощью речеактового анализа устанавливаются доминирующие в дискурсе речевые акты и их общие иллокуции (говорящий / пишущий информирует, приказывает, принимает обязательство, выражает чувство, заявляет о новом положении вещей в мире), а также определяются конкретные иллокуции (например, директив – приказ, команда, просьба, вопрос). Кроме этого, применение речеактового метода включает в себя определение прямых и косвенных речевых актов, то есть того, является ли дискурс прямым или непрямым [Дементьев, 2010].

В частности, на поверхностном уровне дискурс может состоять из ассертивов и экспрессивов (информирующих и описывающих чувства речевых актов), а имплицитно выражать директив – просьбу о помощи; не прямой характер

дискурса позволяет избежать давления на адресата и предоставляет ему возможность вариативной интерпретации сообщения.

Когнитивный анализ дискурса осуществляется прежде всего при помощи методов концептуального и пропозиционального анализа. Первый предполагает, с одной стороны, определение опорного концепта дискурса, с другой стороны, установление концептосферы дискурса, связей концептов с другими концептами.

Процедуры пропозиционального анализа также носят разнонаправленный характер: их целью может являться как сокращение числа выраженных в дискурсе пропозиций, так и его увеличение.

Е.С. Кубрякова определяет и концепт, и пропозицию как оперативную структуру сознания и / или единицу хранения знаний в голове человека; концепт – это квант знания, который стоит за номинативным выражением, пропозиция же – это предикативный смысл, который формирует каркас предложения, вербализуется в нем [КСКТ].

Мы также опираемся на введенное П. Грайсом понятие импликатуры (*implicature*), вербально не выраженной пропозиции, стоящей за высказыванием говорящего и требующей интерпретации со стороны адресата. П. Грайс указывает, что импликатура – это дополнительная пропозиция, сопровождающая основную, вербально выраженную пропозицию, но именно импликатура является тем смыслом, который говорящий хочет сообщить (*A man who by saying that p means that q may be said to have conversationally implicated that q*) [Grice, 1989, p. 30]. П. Грайс приводит следующий пример: Смит в последнее время часто ездит в Нью-Йорк (*p : Smith has been paying a lot of visits to New York lately*); импликатура: У Смита появилась девушка в Нью-Йорке (*implicature q : Smith has a girl-friend in New York*). Вторая пропозиция, импликатура, выводится из первой путем инференции, логического вывода, но вербально не выражена. В данном случае импликатура базируется на знании об определенной стандартной ситуации, поэтому логический вывод, сделанный из высказывания, может быть как истинным, так и ложным. П. Грайс называет импликатуру непрямым смыслом

(indirect meaning); соответственно, дискурс, конструируемый при помощи имплицатур, определяется как не прямой.

Непрямые смыслы извлекаются из дискурса также на основе анализа его референтов и тем. Так, У. Лабов и Д. Феншел, анализируя дискурс психотерапевтических пациентов (психически нормальных людей), применяют метод расширения (expansion) отдельных референтов. Основная задача такого расширения – эксплицитовать смыслы, известные участникам беседы, но «упакованные» в туманные фразы и местоимения, вывести глубинные, невыраженные пропозиции на поверхностный уровень. У. Лабов и Д. Феншел делают вывод, что повседневное общение носит в основном не прямой характер: дискурс содержит много имплицитных, невыраженных пропозиций, которые и составляют главное намерение говорящего. Чтобы понять не прямой дискурс, следует сформулировать глубинные прямые пропозиции, применяя цепочки умозаключений и пользуясь контекстом предыдущих бесед, а также паралингвистической информацией (это могут быть повторяющиеся хезитации, самопрерывания, неровный темп речи, свидетельствующие о напряжении или неуверенности говорящего) [Labov, 1977, p. 58, 65-68].

Т.А. ван Дейк и В. Кинч предложили процедуры пропозиционального анализа дискурса. В их определении, пропозиции репрезентируют глубинное значение предложений – их базовую, глубинную когнитивную структуру. Как и предложения, они могут быть простыми и сложными (то есть одна пропозиция может входить в состав другой). Пропозицию можно выразить другими словами, нежели те, что содержатся в предложении (например, при наличии в нем метафор) [Dijk, 1983, p. 113-124]. Целью пропозиционального анализа дискурса, по Т.А. ван Дейку и В. Кинчу, является выявление его так называемой макроструктуры, или глобальной пропозициональной структуры дискурса. Макроструктура состоит из макропропозиций, которые выводятся из пропозиций исходного дискурса посредством применения специальных макроправил: стирания (deletion), обобщения (generalisation) и построения, или конструирования (construction). Стирание предполагает удаление тех пропозиций, которые не яв-

ляются условиями интерпретации (например, пресуппозиций) для другой пропозиции в данной последовательности; обобщение – замену последовательности пропозиций одной, выводимой из каждой пропозиции данной последовательности; построение – замену последовательности пропозиций одной, выведенной из данной последовательности как единого целого. Эти правила иерархизации пропозиций могут применяться рекурсивно, то есть вновь и вновь для получения макроструктуры еще более высокого уровня. Следовательно, макроструктура дискурса имеет иерархический характер и состоит из нескольких уровней [Dijk, 1983, p. 189-190]. Метод пропозиционального анализа (его указанные процедуры) является основным методом нашего исследования.

Итак, в нашем исследовании мы исходим из понимания дискурса как сообщения, передаваемого в процессе коммуникации. Релевантными для нашего дальнейшего исследования являются методы концептуального, пропозиционального и речеактового анализа дискурса, а также метод когнитивного моделирования.

Методы концептуального и пропозиционального анализа используются для выявления и классификации знаний, лежащих в основе дискурса, в частности различных концептуально-тематических областей и когнитивных контекстов. Метод когнитивного моделирования позволяет представить когнитивную организацию дискурса во взаимодействии составляющих ее форматов знания и метазнания. Метод речеактового анализа используется для определения метасмыслов говорящего, входящих в структуру его речевых актов.

1.3.2. Метадискурс как сообщение, передаваемое в процессе метакоммуникации

Опираясь на определение дискурса как сообщения, передаваемого в процессе коммуникации, метадискурс можно определить, соответственно, как сообщение, передаваемое в процессе метакоммуникации.

Как показывает анализ теоретических источников, по общему мнению, термин «метадискурс» первым употребил З. Харрис в 1959 г. Он же впервые

употребил термин «дискурс» в 1952 г. З. Харрис кратко отмечает, что метадискурсивные компоненты (метадискурсивные «зерна») (metadiscourse kernels) состоят из слов, совершенно отличных от слов, используемых в основных компонентах дискурса (contain words entirely different from those of the main kernels); метадискурсивные компоненты говорят слушающему нечто об основном содержании дискурса, основном материале дискурса (talk about the main material) [Harris, 1970, p. 464-465].

Это краткое определение содержит в себе в свернутом виде положения, которые легли в основу современного понимания метадискурса и которые мы используем в нашем исследовании.

Прежде всего это положение о единой поверхностной – линейной – структуре дискурса и метадискурса, состоящей из их чередующихся компонентов («зёрен»). Согласно этому положению, в единую линейную структуру входят попеременные вкрапления дискурса и метадискурса. Второе положение касается разного лексического состава дискурса и метадискурса: они включают в себя разные лексические единицы. Третье положение относится к содержанию метадискурса, его «материалу». Метадискурс вторичен по своему содержанию и сообщает нечто дополнительное к «материалу» основного дискурса.

Некоторое время термин «метадискурс» был не востребовавшимся, пока в 1970-х гг. не началось исследование этого феномена.

А. Вежбицкой было предложено понятие метатекста; она в данном случае опиралась не на положения З. Харриса, а на идеи М.М. Бахтина, изложенные нами выше, в разделе 1.2.2. А. Вежбицкая объясняет с помощью понятия «метатекст» процесс понимания говорящего слушающим: последний не только «переводит» воспринимаемые на слух предложения на собственный мысленный язык (это уровень элементарного понимания), но и улавливает связи между этими предложениями, вскрывает мысленную конструкцию целого, мысленно овладевает тем, что слышит. Он как бы стенографирует в уме мысленную запись текста. Вдумчивый слушатель не ограничивается «стенографией» – он также комментирует «на полях» речевые действия говорящего: в голове вдум-

чивого слушателя возникает параллельно стенограмме комментариев в виде предложений о том, что в данный момент делает говорящий («Начинает говорить...», «Делает оговорку...», «Переходит к основной теме...», «Повторяет...», «Резюмирует...», «Спрашивает...», «Отвечает...», «Подытоживает...»). В сознании слушающего (или самого автора, который также может быть комментатором текста) возникает «двуголосный текст» – воссоздаваемая (понимаемая) последовательность предложений отправителя и собственный комментарий. Это не один связный текст, а «двутекст». «Метатекстовые нити» придают тексту связность, «сшивают» его, но сами являются «инородным телом». В разграничении этих гетерогенных компонентов могут помочь семантические «ножницы»: в двутексте иногда можно просто вырезать куски, относящиеся к «мета-голосу» (такие, как: «В этом разделе я буду говорить о...», «Потом перейду к...», «В заключение я представляю...», «До сих пор я говорил о...», «Подытожим предыдущие рассуждения...», «Приведу пример...», «Невозможно не вспомнить о...» и т.п.) [Вежбицкая, 1978, с. 403-405].

Среди метаорганизаторов высказывания, или метатекстовых операторов, А. Вежбицкая выделяет отдельную группу выражений, в которых эксплицитно упоминается сам акт речи («кстати», «иначе», «по правде», «проще говоря», «иными словами» и т.п.). Такие выражения, основанные на явном или скрытом «говорю», она называет метатекстовыми плеоназмами, или метаплеоназмами. Интересную, с ее точки зрения, группу образуют метатекстовые глаголы (типа: «приказываю», «требую», «прошу», «советую», «уговариваю»), которые выражают волю, направленную к другому человеку («я хочу, чтобы ты...») [там же, с. 407, 420]. В наших высказываниях, заключает А. Вежбицкая, часто переплетаются собственно текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити, которые иногда можно удалить, не повредив остального, выполняют различные функции, они вносят существенные стилистические различия, проясняют семантический узор основного текста, соединяют, усиливают, скрепляют различные его элементы [там же, с. 421].

Здесь речь, по сути, идет об узком понимании метатекста, которое связано, прежде всего, с модусом говорения, – анализируются метавысказывания или фрагменты метавысказываний, содержащие глаголы говорения. Метатекст в этом смысле не обладает самостоятельным, автономным статусом. Этот подход разрабатывается многими отечественными лингвистами [Гаврилова, 2009; Козлова, 2010; Лукина, 2011; Маньч, 2007; Николаева, 1987; Перфильева, 2006; Турунен, 1999].

Помимо метатекста в тексте, то есть фрагментов высказываний, обретающих значение лишь вкуче с базовым содержанием текста, выделяются также собственно метатексты как отдельные произведения – вторичные тексты, тексты-реакции, возникающие по поводу других текстов (прототекстов), основной целью которых является анализ, комментирование, описание или презентация прототекста [Гурочкина, 2009, с. 55; Лушникова, 2010], а также паратексты, например, тексты издателей, сопровождающие авторский текст [Викулова, 2001]. Такое толкование характерно также для литературоведения, где к метатекстам относят предисловия, послесловия, аннотации, рефераты, рецензии, отзывы, комментарии, пародийные тексты и т.д. [Барина, 2008]. В литературоведении данный термин используется как собирательное обозначение синтетического текста – группы текстов, объединенных по какому-либо признаку: заглавия одного автора [Губина, 2006], произведения автобиографического и биографического содержания [Болдырева, 2007; Худенко, 2012], предисловия произведений определенной эпохи [Лазареску, 2007].

Кроме понятия «метатекст», в лингвистике исследуются и другие понятия, производные от понятия «текст»: «автотекст», «гипертекст», «затекст», «интертекст», «интратекст», «макротекст» [Литвиненко, 2008]. В ряду этих терминов у термина «метатекст» вычленяется свое собственное содержание.

В связи с возникновением в лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы, повлекшей интеграцию понятий текста и дискурса, а также понятия речи (см. об этом раздел 1.3.1, в частности определение М.Л. Макарова), термин «метадискурс» стал использоваться наряду с терминами «метатекст» и «мета-

речь». Обоснование этому дает, в частности, Н.К. Рябцева. Наиболее общий термин, используемый Н.К. Рябцевой для обозначения эксплицитного коммуникативного модуса, – метаречь. Она второстепенна, вспомогательна по отношению к содержанию речи, порождается способностью говорящих к автореференции, маркируя осознание ими своего коммуникативного состояния. Коммуникативная рефлексия, проявляясь в метаречи, превращает субъекта речи в субъекта сознания. В метаречи используются языковые средства, которые придают одному и тому же пропозициональному содержанию (диктуму) различный коммуникативный смысл, превращая его в сообщение, коммуникативное действие или аксиологическое высказывание. Коммуникативный модус разграничивает способы выражения намерений говорящего: сообщить новую информацию, вовлечь адресата в изменение внешнего мира или выразить свое отношение (эмоциональное или рациональное) к миру и изменениям в нем [Рябцева, 1994, с. 82-83]. Коммуникативный модус не может отсутствовать: без него высказывание потеряет свой коммуникативный смысл. Поскольку эти характеристики обязательны, они грамматикализуются. Но коммуникативный модус может быть выражен и лексически, эксплицитно – как результат рефлексии говорящего над своим коммуникативным состоянием, он актуализирует саму ситуацию общения, например: «Что вы имеете в виду?», «Зачем вы это мне говорите?», «Это вопрос или просьба?». Эксплицитный коммуникативный модус воплощается в метатексте, метадискурсе, метакоммуникации, метаречи. Метатекст возникает в режиме сообщения и актуализирует информационные действия говорящего в изложении содержания и вербальное пространство текста – его пространственно-временную организацию и тематическое развертывание («Начну с того, что про...», «В этой связи я хочу добавить, что...», «Об этом я скажу позже», «Что касается Р, то...» и т.п.). Метадискурс, порождаемый в дискурсном режиме, выражается в автореференции к речевым действиям, своим и адресата – в перформативных глаголах («Не согласитесь ли вы...», «Не скажете ли вы...», «Предлагаю вам пари», «Принимаю ваше приглашение», «Спасибо за совет» и т.п.). Метадискурс может быть использован и как демагогический прием, псевдоквали-

фикация своего поступка в своеобразной языковой игре для смягчения межличностных отношений («Я всего лишь советую», «Не могу обещать» и т.п.). В собственно коммуникативном режиме метакоммуникация выступает как оценочная метадескрипция коммуникативного взаимодействия партнеров, которая фиксирует вольное или невольное воздействие говорящего на адресата при помощи предикатов второго порядка. Они проявляют перлокутивный эффект высказываний говорящего и даже его личностные качества («не утрируй», «не преувеличивай», «не возмущайся», «не придирайся», «К чему спорить», «Не будем гадать», «Ничего удивительного тут нет», «без паники», «командир нашелся», «ворчун», «сплетница» и т.д.) [Рябцева, 1994, с. 89-91].

В русле этого подхода изложенное выше понимание метатекстуальности и метатекста в тексте А. Вежбицкой начинает интерпретироваться через призму понятия метадискурсивности. Обратимся для примера к исследованию В.А. Шаймиева, посвященному метадискурсивности научного текста. По мнению исследователя, текст научного произведения обладает такими признаками, как дискурсивность и метадискурсивность. Дискурсивность – это соотнесенность текста с процессом творения его автором и восприятия читателем. Метадискурсивность возникает вследствие стремления автора обеспечить адекватное восприятие текста читателем и представляет собой способность текста вербально представлять такую соотнесенность, маркировать дискурсивные шаги, различные эпизоды процесса творения текста («Рассмотрим следующий вопрос...», «Целью данной статьи является...», «Вернемся к...» и т.п.). Автор разграничивает метадискурсивность как постоянный признак научного текста и метадискурсивизацию текста как частное проявление этого признака в конкретном тексте, считая, что все научные тексты обладают характеристикой метадискурсивности, но при этом метадискурсивизированы в разной степени, что определяется некоторыми культурно-историческими факторами. В.А. Шаймиев также проводит различие между метатекстом и метадискурсом: первый (в традиции, восходящей к А. Вежбицкой) отражает внутритекстовые связи компонентов, это текст о тексте, второй обладает более широким радиусом действия,

акцентируя связи компонентов текста с его прагматико-дискурсивным контекстом [Шаймиев, 1999].

О метадискурсе в научном дискурсе пишет также К. Хайлэнд; согласно его концепции содержание дискурса формируется интеграцией пропозиционного и метадискурсивного компонентов, которые взаимосвязаны и взаимозависимы: метадискурс – это не просто набор стилистических средств, которые можно изъять, не изменив при этом содержание [Hyland, 2005, p. 21-23]. Далее, он предлагает функциональный и контекстуальный подход к определению метадискурса: является ли некий элемент метадискурсом, зависит от выполняемой им функции в данном конкретном окружении. Потенциальная мультифункциональность его элементов означает, что метадискурс следует рассматривать не только как строго лингвистический, но и как риторический и прагматический феномен (*metadiscourse cannot be regarded as a strictly linguistic phenomenon at all, but must be seen as a rhetorical and pragmatic one*) [ibid., p. 24-25]. Метадискурс имеет прямое отношение к взаимодействию адресанта и адресата в рамках дискурса. Он представляет собой открытую категорию, которую может пополнить любой говорящий или пишущий: существует потенциально огромный ряд лингвистических единиц, способных выступать в метадискурсивной функции [ibid., p. 27-28, 45]. Не всегда представляется возможным выявить все метадискурсивные значения: какие-то из них могут иметь «инсайдерскую», непрозрачную природу, так как участники дискурса – члены определенных социальных групп – связаны сетями интертекстуального знания, возникающего на основе восприятия сходных дискурсов [ibid., p. 30-31, 36]. Метадискурсивные средства подразделяются К. Хайлэндом на два класса: интерактивные (*interactive*), посредством которых автор обращается к ожиданиям адресата по поводу организации дискурса; интеракциональные, в которых напрямую отражаются взаимоотношения адресанта и адресата – с их помощью автор занимает приемлемую позицию по отношению к своей аудитории, оценивая производимые им смыслы, предугадывая возражения, ведя воображаемый диалог с реципиентом, имея в виду достижение его вовлеченности [ibid., p. 49-50, 54]. В итоге исследо-

ватель определяет метадискурс как зонтичный термин для рефлексивных выражений, обсуждающих значения в тексте, относящиеся к взаимодействию, помогающих пишущему или говорящему выразить некую точку зрения и солидаризоваться с адресатами в качестве членов определенного сообщества (metadiscourse is the cover term for the self-reflective expressions used to negotiate interactional meanings in a text, assisting the writer (or speaker) to express a viewpoint and engage with readers as members of a particular community) [ibid., p. 37].

В некоторых работах метадискурс толкуется расширительно (аналогично подобному пониманию метатекста) – по отношению к целым дискурсам и группам дискурсов; такая трактовка метадискурса возводится к Ж.-Ф. Лиотару, который подразумевает под ним некие объяснительные концепции, действующие в рамках определенной эпохи, – легитимирующие системы ценностей и ориентиров (например, религия, наука, искусство и т.п.) [Лиотар, 1998]. В частности, в этом ракурсе А.В. Голоднов предлагает понимать метадискурс как дискурсивную практику, реализующуюся на базе разных социо-функциональных дискурсов, которые обладают рядом общих когнитивных, коммуникативно-прагматических, структурных и лингвостилистических характеристик, а также как совокупность текстов, порождаемых и воспринимаемых в рамках такой дискурсивной практики. Объектом его исследования служит «риторический» метадискурс, в качестве основной характеристики которого анализируется персуазивность – воздействие, направленное на изменение посткоммуникативного поведения адресата вследствие его самостоятельного решения [Голоднов, 2011, с. 13-15]. Такая трактовка предполагает анализ метадискурса с позиций герменевтики, когда интерпретация определенного дискурса осуществляется в риторическом метадискурсе; если он носит персуазивный характер, адресат принимает предложенную в метадискурсе интерпретацию, присоединяется к ней и далее интерпретирует исходный дискурс подобным же образом.

«Риторический», или интерпретативный, метадискурс в настоящее время исследуется в разных видах дискурса: в научном, научно-популярном, научно-учебном и политическом дискурсе, дискурсе художественной прозы [Садовская,

2008; Дьячков, 2009; Федотова, 2014; Crismore, 1989; 1990; Dahl, 2004; Hyland, 2004; Aguilar, 2008; Toumi, 2009]; анализируется роль метадискурса в процессах обучения [Vande Kopple, 1985; Pérez, 2002; Camiciottoli, 2003; Ädel, 2006; Sándor, 2006]; также ведутся сравнительные исследования метадискурса в разных культурах [Губарева, 2011; Crismore, 1993; Mao, 1993; Mauranten, 1993; Abdi, 2009; Valero-Garces, 1996; Vassileva, 2001; Dahl, 2004; Sultan, 2011].

Следует особо отметить работы, в которых метадискурс изучается с помощью пропозиционального и речеактового анализа, поскольку мы также будем применять эти методы при последующем рассмотрении практического материала.

В ряде работ понятие пропозиции трактуется узко, как относящееся только к непосредственной тематике дискурса; в этом понимании метадискурс не добавляет ничего к пропозициональному содержанию, а лишь помогает адресату структурировать, классифицировать, интерпретировать и оценивать пропозициональное содержание [Vande Kopple, 1985, p. 83]. Положение о непропозициональном характере метадискурса углубляется положением о том, что метадискурс – это авторское вторжение в дискурс, явное или неявное, с целью направления читателя в том, как следует понимать первичный дискурс (*primary discourse*), а не информировать его [Crismore, 1983, p. 2]. С помощью этих положений обосновывается методика обучения эффективному письменному дискурсу. Так, Дж. Уильямс в своем руководстве по стилю письма утверждает, что метадискурс – это письмо о письме, все то, что не относится к теме, раскрываемой в дискурсе (*writing about writing, whatever does not refer to the subject matter being addressed*). Он призывает обучающихся письму использовать метадискурс осторожно и умеренно, чтобы не заслонять им первичное сообщение [Williams, 1981, p. 211-212].

Мы принимаем подход к метадискурсу тех авторов, которые признают пропозициональную природу метадискурса [Mao, 1993; Hyland, 2005]. К. Хайлэнд считает, что совершенно неверно, во-первых, делить дискурс на пропозициональный и непропозициональный и, во-вторых, отводить ему лишь

дополнительную, поддерживающую роль [Hyland, 2005, p. 18-23]. О пропозициональной природе метадискурса пишет и Л. Мао, доказывая, что, как и любой пропозициональный дискурс, метадискурс может быть истинным или ложным [Мао, 1993, p. 267]. Мы также принимаем подход к метадискурсу тех авторов, которые определяют метадискурс как реализацию значений говорящего в трактовке этого понятия Дж. Серлем (speaker meaning). Рассмотрение метадискурса с этих позиций базируется на разграничении в высказывании пропозиции (p), то есть информации о мире, и иллокутивной силы (F), то есть смысла говорящего, той интенции, с которой он производит пропозицию. Одна и та же пропозиция, например, что дверь должна быть закрыта, может быть оформлена как просьба, приказ, мольба, упрек и т.д. [Searle, 1979]. В этом понимании в качестве признаков перехода к метадискурсу выделяются иллокутивные предикаты (argue, believe, note, etc.) [Beauvais, 1989].

Обобщая подходы к метадискурсу, изложенные в данном разделе, можно сделать вывод, что с терминологической точки зрения «метатекст» и «метадискурс» имеют область пересечения, отражая связи одних компонентов текста / дискурса с другими, отношения автора с его текстом / дискурсом, а также подразумевая целые тексты / дискурсы и их группы. Однако содержание термина «метадискурс» шире, поскольку оно напрямую затрагивает прагматический, в том числе интенциональный, уровень взаимоотношений автора дискурса и его адресата. В данной работе мы исходим из максимально широкого понимания метадискурса, которое наиболее близко соотносится с понятием метакоммуникации и функционально определяется той ролью, которую он играет в процессе поддержания или изменения отношений между коммуникантами.

1.4. Понятие разговорного дискурса и метод конверсационного анализа

Термин «разговорный дискурс» является многозначным и, кроме того, наряду с ним существуют термины-аналоги: «конверсационный дискурс», «устный дискурс», «диалогический дискурс». В связи с этим необходимо обосновать

вать употребление нами термина «разговорный дискурс» и указать, в каком понимании он используется в диссертации.

Прежде всего, необходимо разграничить понимание разговорного дискурса в коллоквиалистике и в теории дискурса. В последние годы в коллоквиалистике понятия разговорной речи и просторечно-разговорного стиля все чаще заменяются на понятия разговорного текста и разговорного дискурса [Кормилицына, 2001; Харченко, 2008; Вахтель, 2013; Алиева, 2015]. В этом ракурсе под разговорным дискурсом понимается любой дискурс, в который проникают разговорно-просторечные формы, например, дискурс современного радио [Нестерова, 2015]. Мы принимаем иную трактовку; ту, которая сложилась в современной теории дискурса.

Наиболее близким аналогом термина «разговорный дискурс» является термин «конверсационный дискурс» [Власян, 2011; 2012], калька с англ. “conversational discourse” [Schiffrin, 2005; Tannen, 2007]. В этом ракурсе разговорный дискурс – это дискурс беседы; именно так этот термин понимается в ряде исследований [Копылова, 2008; Тахтарова, 2010]. Вместе с тем, разговор может быть шире отдельной беседы. В отличие от беседы, разговор многомерен [Улановский, 2017].

В художественном творчестве разговорный дискурс персонажей противопоставляется нарративу и лирике [Падучева, 2011, с. 197-198]. Разговорный дискурс в художественном тексте определяется как беседы персонажей, отражающие естественную коммуникацию [Гаврилова, 2007]. Точно так же естественный разговорный дискурс можно определить и как отдельную беседу, и как ее часть, и как совокупность бесед.

Понятие «устный дискурс» не равнозначно понятию «разговорный дискурс», поскольку устным дискурсом может быть и нарратив, например, рассказ о сновидениях [Кибрик, 2009], и полемический научный дискурс, не обращенный к конкретному собеседнику [Глушкова, 2013].

Понятие «диалогический дискурс» [Лимарова, 2010; Дворянцева, 2013] также не равнозначно понятию «разговорный дискурс», поскольку диалог пред-

полагает участие двух человек, в то время как в разговоре может быть более двух участников.

Центральными понятиями для разговорного дискурса являются «говорящий» и «слушающий». Т.Г. Винокур указывает, что взаимодействие говорящего и слушающего в бытовом и профессиональном общении строится по единым принципам [Винокур, 1993]. Это положение послужило основой для анализа разговорных типов институционального дискурса, в частности, политического [Drew, 1992; Clayman, 2002; Atkinson, 1979; Boden, 1994].

Итак, из ряда смежных терминов мы выбираем термин «разговорный дискурс», под которым понимается и бытовой, и институциональный дискурс в их разговорной форме. В понятии разговорного дискурса акцент делается не на сфере его использования, а на его сущности, тех особенностях, которые конституируют его как тип дискурса (взаимодействие говорящего и слушающего).

Обратимся к существующим методам исследования разговорного дискурса. Понятие беседы впервые стало объектом научного анализа в 60-х гг. XX в., в частности, в основополагающей статье П. Грайса 1967 г. “Logic and conversation” [Grice, 1989]. Свой Кооперативный Принцип – принцип сотрудничества, П. Грайс разработал именно для беседы. Максимы Кооперативного Принципа он назвал конверсационными (*conversational maxims*), поскольку они необходимы для такого развертывания беседы, которое предполагает сотрудничество говорящих.

Это максимы количества (определяют объем информации, предоставляемой каждым из говорящих: он должен быть достаточным для текущих целей беседы, но не чрезмерным), качества (говорящие должны стараться производить правдивые высказывания), отношения (от говорящих требуется производить релевантные высказывания), образа действия (участники беседы должны выражаться ясно, то есть избегать непонятных выражений и двусмысленности, быть краткими, говорить упорядоченно). Грубое нарушение (*flouting*) конверсационных максим проявляется в агрессивной беседе, например, ссоре.

П. Грайс отмечает, что в беседе могут действовать и другие максимы, кроме конверсационных: этические, моральные, эстетические, например, вежливость, такт, почтительность. Однако они носят дополнительный характер по отношению к чисто конверсационным максимам и прекращают свое действие в некоторых ситуациях (кризисные ситуации, некоторые институциональные ситуации, например, во время хирургической операции).

В это же время, в 60-70-х гг. XX в., в США возникла теория и методология конверсационного анализа, которая представляет собой особое, первое в своем роде, направление в лингвистике, нацеленное на изучение естественного разговора. Истоки теории конверсационного анализа лежат в области социологии и связаны прежде всего с именами Э. Гоффмана и Г. Гарфинкеля.

Э. Гоффман предположил, что взаимодействие между людьми само по себе являет социальный институт и служит основой деятельности других социальных институтов [Goffman, 1982]. То, что он позднее назвал порядком взаимодействия [Goffman, 1983], включает, по его мнению, сложный комплекс правил и обязательств, связанных с «лицом» человека, постоянными чертами его идентичности. «Лицо» (face) определяется Э. Гоффманом как положительная социальная ценность, которую человек требует для себя от других в ходе конкретного контакта, образ себя, описываемый в терминах одобряемых социальных качеств [Goffman, 1982, p. 5]. Предметом изучения взаимодействия должен быть не столько индивид с его психологией, сколько синтаксические отношения между актами, осуществляемыми разными людьми в ситуации их непосредственного соприсутствия друг с другом [ibid., p. 2].

Г. Гарфинкель, основатель этнометодологии, поставил задачу изучения «методологии повседневной жизни», то есть практик, способов, методов, при помощи которых члены общества осуществляют каждый день практические действия. Задача этнометодологии – изучение самых обыденных событий повседневности как самостоятельных феноменов [Гарфинкель, 2007, с. 9]. Повседневность видится как достижение согласованных действий членов социума, при этом все человеческие действия неизбежно указательны (indexical) и реф-

лексивно соотносятся с ситуацией и обстоятельствами, в которых они совершаются. Индивиды постоянно вовлечены в процессы понимания и объяснения (для себя и для других) рутинных действий и высказываний, которые конституируют окружающую их социальную ситуацию [Psathas, 2006, p. 253]. Важную роль при этом играет интерсубъективность – общее понимание происходящего, достигаемое в том числе благодаря допущению о наличии у каждого члена общества фоновых знаний о естественных фактах жизни [Гарфинкель, 2007, с. 299-300]. Такое разделенное понимание достигается благодаря неким априорным конвенциям. «Определенный и разумный характер предмета, о котором идет речь, определяется взаимным соглашением того, кто сообщает, и того, кто слушает, о том, что каждый из них дополнит то, что не указано, но требуется для понимания. Следовательно, многое из того, о чем в действительности сообщается, не упоминается» [Гарфинкель, 2007, с. 11]. Важные изменения претерпевает понятие контекста: Гарфинкель отказывается от понимания его как некой готовой среды, детерминирующей действие. С точки зрения этого подхода, как социальный контекст определяет смысл действия, так и само действие, в свою очередь, переопределяет социальный контекст, поддерживая, модифицируя, обновляя или трансформируя его [Goodwin, 1990, p. 286].

Этнометодологический метод Г. Гарфинкеля заложил основу для возникновения метода конверсационного анализа; он был разработан Г. Саксом в сотрудничестве с Э. Щеглоффом и Г. Джефферсон. Конверсационный анализ исходит из высказанного Г. Саксом предположения об упорядоченности любой человеческой деятельности [Sacks, 1984, p. 22]. Утверждается также, что социальное взаимодействие формируется посредством институционализированных структурных практик, на которые в норме ориентируются участники взаимодействия. Эти практики независимы от мотивационных, психологических или социологических характеристик участников, скорее они представляют собой поле проявления данных характеристик [Heritage, 2008, p. 303].

Основными предпосылками метода конверсационного анализа являются следующие: 1) разговор структурно организован; 2) высказывания контексту-

ально ориентированы; 3) структурная организация и связь с контекстом отражаются в деталях интеракции, поэтому никакие детали не могут быть отброшены априори как беспорядочные, случайные или нерелевантные [Heritage, 1984b, p. 241].

Объектом изучения конверсационного анализа изначально заявлен естественный бытовой разговор (*ordinary / mundane talk*), разговор в беседе (*talk-in-conversation*). Чтобы отграничить беседу двух и более участников от различных форм автокоммуникации и подчеркнуть свой интерес исключительно к бытовому общению между равными по статусу собеседниками, конверсационалисты вначале пользовались формулировкой *talk-in-conversation*. Позже, когда направление стало активно работать с институциональными дискурсами, предпочтение было отдано формулировке *talk-in-interaction*. Для конверсационного анализа характерен очень строгий подход к отбору данных: это могут быть только аудио- или видеозаписи разговоров в естественных условиях, которые затем транскрибируются с использованием специальной нотации, разработанной Г. Джефферсон, отражающей такие детали, как особенности произношения, темп и громкость речи, наложения реплик, длительность периодов молчания, смех и др. [Sacks, 1974; Jefferson, 1983; 2004b]. Примат неформального диалога между равными по статусу собеседниками над другими типами вербального взаимодействия обусловлен тем, что он представляет собой преобладающую форму взаимодействия людей в социуме и первичный способ коммуникации – как в фило-, так и в онтогенезе [Sacks, 1974, p. 730; Schegloff, 1996, p. 54; Heritage, 2008, p. 304-305].

Среди основных вопросов, на которых конверсационный анализ сосредоточился с момента своего зарождения, – мена коммуникативных ролей / чередование реплик (*turn taking*), организация разговорных последовательностей / секвенций (*sequence organization*), организация предпочтений (*preference organization*), разговорные практики (*practices*).

Проблеме мены коммуникативных ролей посвящена основополагающая статья Г. Сакса, Э. Щеглоффа и Г. Джефферсон «Простейшая систематика ор-

ганизации чередования реплик в беседе» 1974 г. (“A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation”). Авторы вводят два важных понятия: минимальной репликовой единицы (turn-constitutive unit) и момента в беседе, подходящего для смены говорящих (transition-relevance place). Минимальная репликовая единица – структурная единица коммуникативного хода в разговоре, которая может состоять из одного слова (но не всякого, а, например, таких, как “yes”, “no”, “hello”, “who?” и т.п.), словосочетания, клаузы, предложения, последовательности предложений. Помимо грамматических аспектов, в определении границ такой единицы свою роль играют просодия, прагматика, невербальное поведение и т.д. Первое возможное завершение первой минимальной репликовой единицы обуславливает возможность для смены говорящих. Также определяются две разновидности техник определения следующего говорящего (turn-allocation techniques): выбор тем, кто говорит сейчас, следующего говорящего (current speaker selects next technique) и свободный «самовыбор» – проявление инициативы любым из участников (self-selection) [Sacks, 1974, p. 702-703; Schegloff, 1992b, p. 116-117].

С учетом того, что возможность высказываться в беседе воспринимается как ценность, ее ищут или избегают (turns are valued, sought, or avoided), а также ввиду общей тенденции к минимизации пауз и наложений, авторы формулируют следующие правила чередования реплик в разговоре: если говорящий в ходе своей реплики сам выбирает следующего говорящего (например, обращаясь к нему по имени, с вопросом и т.д.), то выбранный им участник имеет право и обязанность произнесения следующей реплики; если никто не «назначается», любой из участников может проявить инициативу, и начавший первым получает право говорить; если не реализуются вышеупомянутые практики, говоривший может продолжать говорить, при этом в каждый из последующих моментов, подходящих для смены говорящих, перечисленные правила применяются рекурсивно до тех пор, пока таковая смена не происходит [Sacks, 1974, p. 704].

Понятие разговорных последовательностей отражает различные аспекты ориентации собеседников в ходе интеракции. Во-первых, при производстве высказываний говорящие обычно адресуются к предшествующим высказываниям (наиболее часто – к непосредственно предшествующим); в этом смысле высказывания сформированы контекстом (context-shaped) [Sacks, 1987; 1992; Schegloff, 1973; 1984]. Во-вторых, говорящие обычно прогнозируют (опираясь на опыт), и нормативно «требуют», чтобы следующий участник осуществил определенное следующее действие или одно из возможных следующих действий. Таким образом создается, или поддерживается, или обновляется контекст для последующих высказываний [Schegloff, 1972]. В-третьих, производя последующие высказывания, собеседники демонстрируют понимание ими предыдущих высказываний (например, понимание того, что предыдущее высказывание завершено, что оно адресовано им, что оно представляло собой действие определенного типа, к примеру, приглашение, на которое желательно ответить согласием, но можно – и отказом). Например, если в ответ на реплику “Why don’t you come and see me sometimes” собеседник говорит “I would like to”, значит, он интерпретировал ее как приглашение; если его ответ звучит как “I’m sorry. I’ve been terribly tied up lately”, то первое высказывание было понято им как жалоба (упрек) [Heritage, 2010, p. 210-211]. Эти интерпретации затем либо молчаливо подтверждаются, либо становятся объектом исправлений (repair) [Schegloff, 1992a].

Разговорная последовательность, или секвенция, таким образом, представляет собой серию высказываний, упорядоченную при помощи грамматических и просодических средств, но самое главное, при помощи вкладываемого в них контекстуального «действенного» значения [Schegloff, 2007, p. 3-4]. Эта ориентация конверсационного анализа на действие (объясняющаяся его укорененностью в социологии) в подходе к таким явлениям, как грамматика и просодия, составляет ключевое отличие его от других лингвистических направлений. Конверсационалисты интересуются не только структурными особенностями данных явлений, но и теми действиями, которые они призваны исполнять, бу-

дучи использованными конкретным говорящим в конкретном контексте [Hutchby, 2008, p. 229].

Для обозначения особо тесно связанных секвенций в разговорном анализе было введено понятие смежной пары (adjacency pair) [Schegloff, 1968; 1973]. Смежная пара состоит из двух реплик, или ходов (turns), принадлежащих двум говорящим и непосредственно примыкающих друг к другу. Основным свойством смежной пары является то, что первое высказывание требует осуществления второго высказывания, причем оно должно быть определенного типа. Отсутствие необходимого ответа формально отмечается (officially noticeable) и может стать объектом корректирующих усилий и правомерных отрицательных выводов, то есть вторая реплика в смежной паре является зависимой – она носит характер реакции и подчиняется правилу контекстуальной релевантности (conditional relevance) [Schegloff, 1968, p. 1083-1084; Schegloff, 1973, p. 295-296]. Примерами смежных пар могут служить: приветствие – приветствие, вопрос – ответ, приглашение – принятие / отказ, предложение – согласие / отказ, упрек – отрицание вины, комплимент – отрицание, просьба – разрешение, запрос подтверждения – подтверждение и т.д. [Sacks, 1974, p. 716, 723].

Организация предпочтений подразумевает высказывания, осуществляющие, в широком смысле, аффилиативные и неаффилиативные действия (соответственно, ориентированные или не ориентированные на поддержание и укрепление связей с партнерами по общению, участие в совместных с ними действиях) [Heritage, 2008, p. 311]. Предпочтения рассматриваются с точки зрения структурной организации интеракции, а не психологического расположения участников [Schegloff, 2007, p. 61]. Предпочитаются аффилиативные действия, способствующие успешности предшествующего высказывания, – ответ на вопрос, принятие приглашения, разрешение в ответ на просьбу, согласие с высказанным мнением и т.п. Это выражается в том, что утвердительные и аффилиативные действия производятся быстро и без задержек, в краткой и откровенной манере, в то время как отрицающие, неаффилиативные часто задерживаются, смягчаются, выражаются с сомнением, иносказательно, с привлечением объяс-

нений [Mazeland, 2006, p. 160]. Например, А. Померанц показывает, что если один коммуникант высказал оценку чего-либо, то следующая реплика второго коммуниканта никогда не является нейтральной: он либо соглашается, либо не соглашается с высказанной оценкой. Эти альтернативы не эквивалентны: согласие является предпочтительным и немаркированным вариантом, несогласие – менее предпочтительным и маркированным (отложенным во времени, смягченным, многословным и т.п.) [Pomerantz, 1984, p. 63-65]. Другой пример предпочтения связан с объяснениями, которые в подавляющем большинстве случаев предоставляют говорящие, если они в чем-то отказывают своему собеседнику. В таком контексте предпочтительными в качестве причин отказа являются указания на отсутствие ситуативной возможности что-либо сделать (а не, например, нежелание говорящего) и другие подобные объяснения, которые позволяют сохранить статус кво в отношениях участников и нормативные основания социального взаимодействия вообще [Heritage, 2008, p. 311].

Практика (*practice*) в конверсационном анализе понимается как любая черта в организации высказывания в составе последовательности, имеющая отличительные признаки, специфическое расположение в составе реплики или секвенции и характерным образом влияющая на действительное значение данного высказывания [Heritage, 2010, p. 212]. Одна из работ Э. Щеглоффа посвящена исследованию разговорной практики высказываний, предваряющих другие (*preliminaries*), например “Can I ask you a question?”, “I want to tell you something”, “Can I ask you a favour?” и т.п. Он доказывает, что подобные предпоследовательности (*pre-sequences*) могут выполнять две функции. Во-первых, проецируя определенное действие (вопрос, сообщение, просьбу и т.д.), они могут предупреждать, что данное действие будет предваряться, подготавливаться какими-то другими действиями, резервируя таким образом внимание собеседника. Во-вторых, они могут предупреждать о щепетильной, деликатной природе предстоящего вопроса, просьбы и т.д. [Schegloff, 1980].

Теория и методология конверсационного анализа активно применяется в различных сферах. Происходит постепенный синтез конверсационного анализа

с другими теориями и подходами, который дает плодотворные результаты. Например, С. Левинсон, пользуясь методологией конврсационного анализа, предлагает решение проблемы косвенных речевых актов. В частности, косвенный речевой акт просьбы можно трактовать как результат сокращения четырехступенчатой последовательности: предварительный вопрос (pre-request) – положительный ответ – собственно просьба – удовлетворение просьбы. В конврсационном анализе доказано, что мотивацией для вопросов, предворяющих просьбы, служит, во-первых, желание предупредить возможный отказ как неаффилиативное действие, и во-вторых, стремление предоставить собеседнику возможность сделать предложение, поскольку последовательности, в которых наличествует предложение, являются более предпочтительными, чем последовательности, в которых имеется просьба. Последнее предпочтение способствует превращению предварительного вопроса в конвенционализованную форму просьбы (например: “Do you have a match?”, “Can you reach that book?”) [Levinson, 1983, p. 356-364].

В целом, метод конврсационного анализа устанавливает роль каждого высказывания в последовательной организации беседы; с помощью этого метода становится возможным создание различных моделей структуры беседы.

С точки зрения теории конврсационного анализа мы можем определить разговорный дискурс следующим образом. Разговорный дискурс (conversational discourse), или беседа (conversation), или разговор (talk-in-conversation, talk, conversation) представляет собой дискурсивное взаимодействие говорящего и слушающего, в котором имеет место смена говорящих (минимальное требование состоит в том, чтобы таковая происходила хотя бы однократно); в каждый момент времени говорит только один человек; наложения речи двух и более говорящих могут иметь место, но должны быть коротки по времени; порядок реплик и их размер не фиксированы; длительность разговора, относительное распределение и содержание реплик не устанавливаются заранее; количество говорящих может варьироваться (если их более двух, то они могут использовать различные приемы передачи роли говорящего, также участники могут осуществ-

влять «самовыбор», начав говорить); реплики могут быть непрерывны либо прерываться паузами; используются различные виды минимальных репликовых единиц – от более или менее конвенциональной вокализации (междометия) или слова до нескольких клауз. Таким образом, разговорный дискурс – это естественный устный дискурс, подчиняющийся указанным регламентациям, либо его миметическое отображение в художественной и документальной прозе.

В кратком виде, разговорный дискурс предполагает: наличие смены говорящих; почти полное отсутствие наложений речи; свободные порядок и размер реплик, длительность разговора, распределение и содержание реплик; непрерывность или паузированность реплик; использование различных видов минимальных репликовых единиц.

1.5. Понятие разговорного метадискурса: структурный и когнитивный подходы

Если разговорный дискурс уже получил достаточное рассмотрение, то разговорный метадискурс до сих пор остается практически неизученным – неизученным именно как дискурс, связанная совокупность высказываний, в то время как отдельные виды метаязыковых, метадискурсивных, метакоммуникативных высказываний (в разной терминологии) рассматривались в ряде работ [Арюхина, 2006; Воробьева, 2006; Гурочкина, 2009; Лопатина, 2003; Сеницына, 2005 и др.].

В зарубежных исследованиях встречаются термины «метаразговор» и «метасообщение». Д. Шиффрин понимает под метаразговором (metatalk) такие выражения, как: “That’s what I meant”, “I’m telling you”, “I’ll put it this way” и т.п. С их помощью участники позиционируют себя как активных говорящих (animators), которые не просто передают информацию, но делают отсылки к организации и экспрессивному подтексту производимого ими дискурса [Schiffirin, 1980, p. 231]. Ссылаясь на Д. Шиффрин, Р. Крейг вводит понятие разговора о разговоре (talk about talk), в котором интерпретируется ход интеракции (например: “You can’t possibly know what I’m talking about”; “The second point I want to make...”);

“That’s a promise”; “Well, why don’t you just talk directly with Cal about the problem? Otherwise, you’ll never understand what’s going on!”) [Craig, 2000].

Д. Таннен употребляет термин «метасообщение» в бейтсоновском смысле: уровень метасообщений (the metamessage level of interaction) – это уровень интеракции, на котором передаются сообщения об отношениях [Tannen, 2007, p. 62].

Опираясь на эти определения, которые соответствуют изложенной выше (см. раздел 1.3.2) трактовке метадискурса как дискурса о дискурсе, в рамках структурного подхода мы будем понимать разговорный метадискурс как «другой» дискурс, то есть отдельную структурную часть разговорного дискурса.

В вышеперечисленных отечественных исследованиях содержательная сущность отдельных метавысказываний в диалоге, беседе была установлена. Было отмечено, что такие высказывания направлены на установление или прекращение контакта, отражают рефлексия говорящих над своей коммуникацией, регулируют и корректируют ее, управляют ею.

Следует также указать, что в исследованиях конверсационалистов выделяются особые маркеры в составе смежных пар / секвенций, которые относятся не к сообщению как таковому, а к интерпретации участниками протекающего между ними взаимодействия. Конверсационалисты отмечают маркеры сомнения, неуверенности, нежелания продолжать разговор и т.п. В нашем последующем практическом анализе мы будем рассматривать подобные маркеры как показатели наличия метадискурса в структуре разговорного дискурса.

Полученные на данный момент результаты позволяют нам определить структурную сущность разговорного метадискурса как связной совокупности метавысказываний. В структурном плане, разговорный метадискурс – это разговор о текущем разговоре.

Продолжая разработку понятия разговорного метадискурса, мы предлагаем когнитивный подход к его анализу через призму понятий когниции и метакогниции, знания и метазнания.

Обобщая имеющиеся исследования содержания метавысказываний в беседе, мы определяем статус метазнания, передаваемого в разговорном метадиалоге – это метазнание о ходе разговора и отношениях участников.

Понятие знания является одним из самых сложных в когнитивной науке; оно имеет множество трактовок. Проанализировав теоретическую литературу по данной проблеме, мы принимаем следующий подход к пониманию знания.

Всякому знанию предшествует определенная онтологическая реальность (реальный или вымышленный мир); знание – это данные, обусловленные онтологией объекта [Кубрякова, 2012, с. 86].

Знание также понимается как любые «практические и теоретические сведения», «навыки, установки, предпочтения в выборе подходов к решению жизненных или научных проблем» [Демьянков, 2016, с. 87].

Как указывает Е.С. Кубрякова, представление понятия знания какой-либо одной дефиницией достаточно нереально. Она пишет: «Неслучайно, поэтому, что словарные дефиниции знания могут содержать в качестве слова-идентификатора и «способность», и «свойство», и «совокупность сведений», и, наконец, «информацию» [Кубрякова, 2012, с. 92].

Мы принимаем данный подход к определению знания как информации, сведений, данных об определенном объекте.

Человек конструирует и получает знания с помощью языковых описаний. «Все, что мы знаем о мире (и тем более о мире уже освоенном), мы знаем из языковых описаний. В то же время любому высказыванию на языке соответствует определенное конструирование событий, ситуаций, положений дел, а значит, и их обозначений» [Кубрякова, 2012, с. 183].

С этих позиций, исследуемый нами разговорный дискурс представляет собой конструирование и языковое описание определенного положения вещей, то есть определенное знание.

Для целей нашего исследования необходимо также понимание знаний как ментальных репрезентаций. «Любое знание существует в виде ментальных репрезентаций» [Кубрякова, 2012, с. 106].

В.З. Демьянков высказывает идею о связи системы знаний с системой языковых значений, а в речи – со смыслами, выраженными говорящим. Например, высказывание «Смотри-ка, муха» требует понимания передаваемого знания не в связи с языковыми значениями входящих в данное высказывание слов, а относительно смыслов говорящего или слушающего (например: «Сгони эту гадость» или «Муха гадкая, но у меня в руках дорогая ваза») [Демьянков, 2006, с. 37].

С этих позиций, знание «существует» в разговорном дискурсе в виде ментальных репрезентаций – смыслов.

Знания вырабатываются в процессе когниции, которая определяется как все формы постижения мира и формирования сведений о нем [Кубрякова, 2012, с. 21]. Метакогниция – это часть когниции, а именно такие ее формы, в которых интерпретируется сама когниция. «Когниция (познание) здесь [в метакогниции] ориентирована на ее же собственный анализ» [Кубрякова, 2012, с. 54].

В процессе метакогниции человек осуществляет когнитивный мониторинг имеющегося у него знания, работает с собственным знанием, например, используя различные приемы запоминания. Знание о собственных когнитивных процессах определяется как метазнание [Холодная, 2010; Flavell, 1979, 1987, 2004; Nelson, 1994], метакогнитивное знание [Perfect, 2002]. Сформированные метакогнитивные способности, наряду с когнитивными, академическими и понятийными, определяют интеллектуальную зрелость человека и широту спектра его метазнаний и стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями [Холодная, 2010].

При этом метакогниция понимается как интерпретация наших собственных ментальных состояний, либо возможных ментальных состояний другого [Клепикова, 2008, с. 155].

В отечественной лингвистике проблемы метакогнитивного моделирования разрабатываются Тамбовской лингвистической школой, на труды которой мы опираемся. Н.Н. Болдырев выдвигает задачу изучения интерпретирующей функции языка и интерпретации мира при помощи языковых средств, в том

числе в процессе метакогниции. Выделяются понятия интерпретирующей деятельности и интерпретирующей активности. Интерпретирующая функция и деятельность проявляется в активном форматировании человеком знаний о мире и в конструировании языковых выражений на основе этих знаний. Под интерпретацией понимается «процесс и результаты субъективного понимания человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев, 2011, с. 12].

Одним из новейших понятий когнитивной лингвистики является понятие когнитивного контекста. Н.Н. Болдырев определяет его как «контекст знаний, отражающий весь познавательный опыт человека как отдельной личности (индивидуальный опыт познания мира) и как представителя определенных социума и культуры (коллективный опыт познания мира)» [Болдырев, 2014, с. 119]. Н.Н. Болдырев указывает, что когнитивный контекст составляют определенные концептуально-тематические области в сознании человека. Приобретая доминирующий характер в когнитивной системе человека, те или иные концептуально-тематические области (*деньги, любовь, семья, работа, покупки, престиж, карьера* и т.д.) выполняют интерпретирующую функцию в процессах формирования новых смыслов, выступая в качестве их когнитивного контекста [Болдырев, 2016а, с. 56]. В рамках этой концепции язык рассматривается как интерпретирующий фактор познания [Болдырев, 2017б].

Исследуются различные аспекты интерпретирующей деятельности, например, интерпретирующая функция концептуально-тематических областей [Виноградова, 2015], интерпретативная сущность когниции [Магировская, 2016], концептуальное взаимодействие как основа коммуникации [Болдырев, 2015], анализируется метапамять и ее роль в когнитивных процессах [Фурс, 2017], вводится понятие метареферентивности [Виноградова, 2016].

В целом, с точки зрения интерпретирующего подхода языковые средства анализируются как проекции когнитивной, коммуникативной и интерпрети-

рующей функций языка и рассматриваются через призму взаимодействия этих трех функций.

В своем исследовании мы опираемся на исследуемое в рамках Тамбовской школы понятие форматов знаний и метазнаний [Болдырев, 2006; 2008а; 2008б; 2009; Панасенко, 2016]. Под форматом знания понимается «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях», обладающая содержательной и структурной спецификой [Болдырев, 2006, с. 5-6]. Л.А. Фурс анализирует форматы метакогнитивного знания, используемого для контроля за когнитивными процессами – своими и других людей [Фурс, 2012].

Опираясь на эти положения, мы разграничиваем в разговорном дискурсе форматы знания и метазнания. Знание мы понимаем как фактуальную информацию, в ее определении И.Р. Гальпериным. Фактуальная информация – это сведения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в действительном или воображаемом мире; такая информация эксплицитна по своей природе, то есть всегда выражена вербально, при этом слова употребляются в их прямых, предметных словарных значениях, закрепленных за этими словами социальным опытом [Гальперин, 1981, с. 27-28].

Проанализируем форматы знания и метазнания (то есть смыслы и метасмыслы), определим объективирующие их высказывания и на этой основе докажем наличие метадискурса в составе разговорного дискурса на примере Г. Гарфинкеля, заложившего основы конверсационного анализа, поскольку именно он начал записывать и анализировать реальные разговоры, в том числе и экспериментально смоделированные. В одном из таких экспериментов экспериментатор, член клуба автолюбителей, которому одна из участниц клуба пожаловалась на то, что она вчера проколола шину, задал ей в ответ необычный для такого разговора вопрос о том, что она имеет в виду:

The subject (S) was telling the experimenter (E), a member of the subject's car pool, about having had a flat tyre while going to work the previous day.

S: "I had a flat tyre".

E: "What do you mean, you had a flat tyre?"

She appeared momentarily stunned. Then she answered in a hostile way: "What do you mean "What do you mean?" A flat tyre is a flat tyre. That is what I meant. Nothing special. What a crazy question!" [Garfinkel, 1967, p. 42].

В подобных экспериментах Г. Гарфинкель планировал обнаружить такие реплики в разговоре, которые приводят к сбоям в интересубъективности, то есть в согласованном взаимодействии говорящих. Один из участников не подозревал, что разговор осознанно моделируется в научных целях; в данном случае не подозревающая о своем участии в эксперименте женщина бурно реагирует на неожиданную реплику.

В наших терминах, экспериментатор в своей реплике (What do you mean, you had a flat tyre?) переводит разговор от фактуального дискурса (сообщения о проколотой шине) к метадискурсу. Сущность фактуального знания – сведения о факте мира, поэтому мы определяем такое сообщение как фактуальный дискурс.

Собеседница интерпретирует заданный ей вопрос как неуместный, полностью его повторяя и выражая тем самым издевку (What do you mean "What do you mean?" A flat tyre is a flat tyre. That is what I meant. Nothing special. What a crazy question!). Метасмысл о глупости спрашивающего она выражает при помощи тавтологии (A flat tyre is a flat tyre). Утверждение о том, что проколотая шина – это проколотая шина, выступает здесь не в функции ассертива, а косвенного экспрессива-оскорбления, которое подкрепляется еще двумя косвенными оскорблениями в форме ассертивов (That is what I meant. Nothing special). Завершает ее метадискурс прямой ассертив-оскорбление (What a crazy question!); вопрос охарактеризован как лишенный здравого смысла, и эта дескрипция в качестве перенесенного эпитета присваивается собеседнику, воспринимаемому в качестве «сумасшедшего». В эксперименте зафиксированы и невербально выраженные метасмыслы: говорящая выглядит чрезвычайно удив-

ленной, «ошарашенной» (stunned); ее манера говорить выражает враждебность (she answered in a hostile way).

Мы дали наш собственный анализ примера Г. Гарфинкеля, поскольку он наглядно иллюстрирует возникновение «разговора о разговоре». Экспериментатор преднамеренно задает странный, неуместный вопрос, но получает в ответ спонтанный, то есть естественный, и, что важно, развернутый метадискурс. Несомненно, что это – «другой» дискурс по отношению к фактуальному дискурсу, в котором сообщается фактуальное знание – новость о положении вещей в мире (о проколотой шине). В этом «другом» дискурсе – метадискурсе – передается метазнание об интерпретации говорящей неправильного, с ее точки зрения, хода беседы и складывающихся между ней и собеседником «неправильных», неуместных отношений.

Итак, если структурная сущность метадискурса состоит в том, что это дискурс о дискурсе, то его когнитивная сущность в том, что в нем передается метазнание, с помощью которого говорящие интерпретируют конструируемый ими дискурс и свои отношения. Актуализации метадискурса в проанализированном примере способствует интерпретирующая активность говорящей, активная обработка полученного знания о межличностных отношениях. Разговорный метадискурс – это способ представления результатов такой интерпретирующей активности.

1.6. Понятие форматирования разговорного метадискурса

Понятие формата дискурса является новейшим лингвистическим понятием. Оно возникло на основе трактовки дискурса как формата знания, предложенной Е.С. Кубряковой. Под форматом знания понимается «общее родовое понятие для разных структур представления знаний»; «каждый отдельный формат знания служит характеристике особого упорядоченного либо онтологически, либо гносеологически обусловленного набора сведений об объекте» [Кубрякова, 2012, с. 138]. Поставив проблему нового в изучении языка пьес,

Е.С. Кубрякова указывает, что необходимо обеспечить описание пьес как достаточно сложных форматов знания [Кубрякова, 2012, с. 141].

На данный момент разработке понятия формата дискурса посвящено небольшое количество исследований. Приведем основные подходы к его пониманию.

В.И. Карасик разграничивает применительно к тому или иному типу дискурса его базовые и производные форматы. Производные форматы определяются как специфические проекции базовых форматов, их преобразования. В.И. Карасик пишет: «Существуют юридический, педагогический, политический, медицинский, религиозный типы дискурса, с одной стороны, и их специфические проекции – популярно-юридический, популярно-педагогический, <...> а также научно-юридический, научно-педагогический и другие фокусировки институционального дискурса» [Карасик, 2015, с. 74]. Согласно В.И. Карасику, формат – это особое измерение дискурса, придаваемое дискурсу субъектом, его автором.

И.В. Палашевская соотносит понятие формата и жанра дискурса и полагает, что формат уже жанра. Анализируя жанровые форматы юридического дискурса, она определяет их как «типы текстов взаимодействия правовых субъектов» [Палашевская, 2010, с. 29]. В ее трактовке в рамках того или иного жанра «жанровый формат устанавливает определенные дискурсивные связи между участниками взаимодействия, <...> можно выделять определенные жанровые форматы по статусу участника дискурса и его коммуникативным целям» [Палашевская, 2010, с. 31].

Л.А. Месеняшина тоже соотносит понятие формата с понятием жанра, но она считает, что формат шире жанра: «важнейшие для внутренней структуры жанра характеристики «прорастают» наружу и находят свое продолжение внутри формата, определяя тем самым положение в нем того или иного жанра» [Месеняшина, 2016, с. 124].

В цитируемых работах формат соотносится с текстом / дискурсом как структурным целым: конкретный текст / дискурс структурируется либо как оп-

ределенный базовый формат, либо как производный от базового формата, либо как вариативный формат внутри общего формата.

Данный подход к понятию формата дискурса можно обозначить как структурный, поскольку формат трактуется как структура, охватывающая собой определенный дискурс как цельное образование; соответственно, у каждого дискурса, с точки зрения этого подхода, может быть только один формат. Рассматриваемое в этом ракурсе понятие формата дискурса открывает новые возможности для расширения типологии дискурсов и включения в нее разнообразных новых типов, выделяемых по их форматам и до сих пор не подвергавшихся анализу.

Наряду со структурным подходом развивается когнитивный подход к понятию формата дискурса. В рамках этого подхода дискурс рассматривается как результат интерпретативной конфигурации знаний [Магировская, 2014] и как формат представления знаний [Галич, 2015]. В свете этого подхода, в конкретном тексте / дискурсе могут сосуществовать разные форматы, выделяемые на основе форматов представленного в дискурсе знания. На настоящий момент с этих позиций исследован такой формат дискурса, как стиль.

Л.В. Куликова анализирует в качестве формата дискурса национальный коммуникативный стиль и выделяет вербальные и невербальные средства его объективации. Ею установлено, что формат «национальный коммуникативный стиль имеет реальное коммуникативно-языковое наполнение» [Куликова, 2011, с. 81].

О.Г. Дубровская рассматривает в качестве формата дискурсивный стиль и приходит в выводу, что он формируется дискурсивными практиками, материализующими мыслительные операции субъектов дискурсивной деятельности [Дубровская, 2012].

Когнитивные параметры стиля выделяет также Е.Г. Беляевская, которая трактует дискурс как когнитивную программу речевой деятельности в заданных условиях коммуникации, а стиль – как когнитивную подпрограмму, то есть

фактически стиль соотносится с отдельным форматом знания, представленного в дискурсе [Беляевская, 2010].

В нашей диссертации мы придерживаемся когнитивного подхода и исходим из положения о том, что формат дискурса определяется форматом заложенного в нем знания. Формат дискурса – это формат представления определенного знания, входящего в общую конфигурацию знаний в дискурсе.

Представляется логичным в дальнейшем анализе данной проблемы ввести понятие форматирования дискурса. Исходя из того, что формат представляет собой целостную структуру знания и дискурса, мы определяем форматирование как постепенное создание данной структуры.

На основе анализа, проведенного в предыдущем разделе, разговорный дискурс может быть представлен как соединяющий в себе два основных формата знания: фактуальное знание о некотором положении вещей в мире и метазнание об интерпретации говорящими хода беседы и складывающихся между ними отношений. Соответственно, разговорный дискурс имеет два основных формата: фактуальный дискурс и метадискурс.

Разрабатываемое нами понятие форматирования дискурса необходимо соотнести с понятиями конструирования и актуализации дискурса, с которыми исследуемое понятие имеет ряд пересечений.

Под конструированием метадискурса мы понимаем конструирование метасмыслов в сознании говорящего и их соответствующее языковое оформление, их объективацию в виде метадискурсивных высказываний. Можно провести аналогию между понятием конструирования смысла / дискурса и психолингвистическим понятием порождения смысла / дискурса. На наш взгляд, эти термины не являются полными синонимами, о чем свидетельствует то, что в последние годы в психолингвистических работах понятие конструирования появляется все чаще и начинает рассматриваться отдельно от понятия порождения. Показательным примером этого является международная конференция 2017 г. «Жизнь языка в культуре и социуме – б», организованная сектором психолингвистики Института языкознания РАН, одна из секций которой носила название

«Конструирование языкового и неязыкового сознания: приемы и средства». Приведем для примера также несколько названий докладов: «Конструирование языкового сознания носителей вариантов английского языка: общее и уникальное», «Конструирование языкового сознания по данным словообразования», «Конструирование языкового сознания билингва через фонологическую билингвальную модель обучения».

Как указывает Е.С. Кубрякова, в когнитивной лингвистике понятие конструирования было введено для характеристики высказывания как творчески изображающего осмысливаемое человеком событие. Конструирование, как творческое изображение, предполагает использование в описании события или ситуации альтернативных средств, а также создание тех или иных инноваций [Кубрякова, 2012, с. 73]. Конструирование, в определении Е.С. Кубряковой, это субъективный когнитивный процесс: конструкции, используемые говорящим, являются констатацией того, как было увидено, осмыслено, понято говорящим то или иное описываемое им явление [там же, с. 74]. Идея о конструировании помогает понять, как с помощью языковых средств субъективно портретируются события и ситуации [там же, с. 77].

В понятие форматирования заложена иная идея – соотнесение сконструированных говорящими с помощью языковых средств высказываний с определенным форматом знания и дискурса, распределение высказываний по соответствующим форматам. В нашем исследовании мы будем анализировать форматы знания и метазнания (входящие в них концептуально-пропозициональные структуры), определять объективирующие их высказывания и на этой основе разграничивать два формата разговорного дискурса – фактуальный дискурс и метадискурс.

Понятие актуализации дискурса вошло в лингвистику из герменевтики, где актуализация – форма понимания текста на уровне его интерпретации, которая заключается в выделении характеристик текста, соотносимых со смысловыми структурами читателя / слушателя. Актуализация также предполагает активность интерпретатора и придание им степени важности характеристикам

текста [ВЭФ]. Использование термина, предлагаемого в герменевтике, обосновывается отмечаемой в когнитивной лингвистике необходимостью создания единой междисциплинарной теории понимания [Кубрякова, 2012, с. 19]. Мы будем использовать понятие актуализации метадискурса в разговорном дискурсе при анализе интерпретирующей активности слушающих, когда они активно обрабатывают и перерабатывают поступающую информацию, в том числе информацию о межличностных отношениях. Под актуализацией метадискурса мы будем понимать свидетельства его наличия в разговорном дискурсе для слушающих и его актуальности, значимости для них.

В нашем дальнейшем практическом анализе в двух последующих главах диссертации мы будем исследовать параметры форматирования метадискурса в разговорном дискурсе, используя общенаучное понятие параметра как величины, сохраняющей постоянное значение в пределах одной группы данных, но способной к изменению, то есть при переходе к другой группе данных характеризующий их параметр может меняться [НСРЯ, ТСРЯ]. Как будет показано ниже, форматирование разговорного метадискурса происходит по-особому для разных групп данных, то есть имеет разные параметры.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В данной главе нами были проанализированы теоретические основы исследования разговорного метадискурса. Для понимания его сущности это понятие было проанализировано в контексте разграничения следующих понятий: язык vs метаязык, коммуникация vs метакоммуникация, дискурс / текст vs метадискурс / метатекст.

На основе изучения теоретической литературы определено, что понятие метакоммуникации зародилось в рамках концепции М.М. Бахтина и М. Бубера, чьи идеи воплотились в современных исследованиях метакоммуникации и метадискурса.

За основу принята модель метакоммуникации Г. Кларка как наиболее объяснительная из всех существующих современных моделей. Эта модель объясняет коммуникацию и метакоммуникацию как реализацию коммуникативных и метакоммуникативных актов, постулируя, что коммуникация и метакоммуникация состоят из своих собственных структурных единиц, развертывающихся параллельно друг другу.

Определение дискурса как сообщения, передаваемого в процессе коммуникации (в коммуникативном акте), позволило определить метадискурс как сообщение, передаваемое в процессе метакоммуникации (в метакоммуникативном акте). Широкое понимание метадискурса функционально определяется той ролью, которую он играет в процессе интерпретации хода беседы и поддержания или изменения отношений между коммуникантами.

Обоснован выбор термина «разговорный дискурс», под которым понимается и бытовая, и институциональный дискурс в их разговорной форме. В понятии разговорного дискурса акцент делается не на сфере его использования, а на его сущности, тех особенностях, которые конституируют его как тип дискурса (взаимодействие говорящего / слушающего).

Обоснован выбор используемых в диссертации методов лингвистического анализа; основными из них являются методы речеактового, пропозиционального и конверсационного анализа, которые позволяют исследовать дискурс как с

точки зрения его структурирования, так и с точки зрения вовлеченности участников, их активной роли в выражении смыслов, в том числе и не прямых.

Объяснено различие понятий конструирования, форматирования и актуализации разговорного метадискурса.

Под конструированием разговорного метадискурса понимается конструирование метасмыслов в сознании говорящего и их соответствующее языковое оформление, их объективация в виде метадискурсивных высказываний.

Под актуализацией метадискурса понимаются свидетельства его наличия в разговорном дискурсе и его актуальности, значимости для говорящего и слушающего. Актуализации метадискурса в разговорном дискурсе способствует интерпретирующая активность участников, их активная обработка и переработка поступающей информации, в том числе информации о ходе беседы и об их отношениях.

Форматирование разговорного дискурса определяется нами как соотнесение представляющих данный дискурс высказываний с их когнитивными аналогами – форматами знаний, а именно: со знанием и метазнанием. Сделан вывод о том, что процесс форматирования охватывает собой знания, полученные не только в результате когниции, но и метакогниции.

ГЛАВА II. ЛИНЕЙНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА

2.1. Линейная модель разговорного метадискурса

Идея линейного моделирования дискурса и описания его линейных параметров была выдвинута М. Пешё. Он вводит понятие «нить дискурса» как такое функционирование дискурса, которое обеспечивает его последовательное развертывание. Это развертывание позиционирует то, что говорится сейчас, по отношению к тому, что было сказано раньше и будет сказано позже. Вместе с тем, нить дискурса – не простое следование одного содержания за другим, но его развертывание на основе линейного параметра кореференции. Замена одной группы референтов на другую создает новую нить дискурса, на структурном уровне представляющую собой синтаксическое вставление (*enchassement syntaxique*) [Пешё, 1999, с. 268-271].

Принимая эти положения за основу, приступим к моделированию метадискурса как отдельной нити разговорного дискурса и определим линейные параметры его форматирования.

Как было установлено в теоретической главе нашего исследования, традиционный конверсационный анализ трактует беседу как линейную структуру. Основные аналитические понятия конверсационного анализа включают последовательность (*sequence*), смежность / примыкание (*adjacency / nextness*), непрерывность (*contiguity*), поэтапное развертывание (*progressivity*) [Schegloff, 2007, р. 14-16]. Конверсационалисты осуществляют формальный, структурный тип анализа, исследуя природу движущей силы однонаправленного прогрессирующего развития беседы. Данной силой является прежде всего структурная взаимосвязь определенной реплики и проецируемой ею реакции. В рамках теоретического аппарата конверсационного анализа предлагается линейная одноуровневая модель беседы.

В теоретический аппарат традиционного конверсационного анализа не входит понимание беседы как двухуровневого / двухслойного образования. Такая трактовка беседы заложена в модели Г. Кларка (см. раздел 1.2.3).

Следует подчеркнуть, что последовательно развертывающаяся линейная нить разговорного дискурса едина, но в целях анализа мы делим ее на две нити, чтобы показать самостоятельную структурную сущность разговорного метадискурса.

В предлагаемой модели разговорный дискурс рассматривается как двухуровневое (двухслойное) образование, в котором метадискурс представляет собой «другой» дискурс, сопровождающий исходный, первичный. Соответственно, метадискурс может быть вырезан из разговорного дискурса «семантическими ножницами», в терминах А. Вежбицкой (см. раздел 1.3.2 диссертации).

Попеременное линейное форматирование фактуального дискурса и метадискурса наблюдается в следующем разговоре:

At six o'clock he <Duncan> rang Ellen at the cottage, but all he got was her belligerent house guest <Jo-Jo>.

“Is Ellen there?” he asked.

“Yes”.

“Well?”

“Well, what?”

“Can I speak to her?”

“Don't you mean, *may* I speak to her?”

“Are you doing this deliberately?”

“Doing what deliberately?”

“Oh, for goodness' sake, just tell Ellen I want to speak to her” (James-2, 293).

Данный разговор иллюстрирует схему 2. В разговоре участвуют двое (Дункан и Джо-Джо): Дункан просит Джо-Джо позвать к телефону Эллен, его невесту. С точки зрения содержания беседы фактуальный дискурс ограничивается двумя первыми репликами (Is Ellen there? – Yes). Согласно Кооперативному принципу П. Грайса, о котором мы писали в разделе 1.4, произведен минимальный по объему запрос информации и такой же минимальный по объему ответ, то есть соблюдается категория количества Кооперативного принципа и ее максимы, определяющие количество информации, предоставляемой каждым из говорящих: с одной стороны, оно должно быть достаточным для текущих це-

лей беседы, с другой стороны, информации не должно быть слишком много. После этого разговор мог бы быть окончен; к телефону была бы приглашена Эллен. Но поскольку этого не происходит, говорящий заполняет паузу междоуметием, произнося его с вопросительной интонацией (Well?) и выражая уже не фактуальный, а метасмысл о нетерпении говорящего и его желании поторопить собеседницу. Метасмысл несет в себе информацию об отношениях между говорящими, а именно о недостаточно быстром, с точки зрения говорящего, исполнении собеседницей роли в стандартном сценарии «Позвать кого-либо к телефону»; данный метасмысл выражен имплицитно. Пропозицию-импликатуру, стоящую за репликой (Well?), можно сформулировать следующим образом: «Вы недостаточно быстро реагируете на мою просьбу; я недоволен этим». Говорящий передает имплицитное сообщение о своем негативном отношении к выполнению собеседницей коммуникативной роли адресата.

Данное сообщение форматируется как метасообщение, поскольку оно является результатом метакогниции говорящего, его осмысления хода беседы и оценки реагирования на его реплику как неадекватного. Метасообщение носит сопровождающий характер; этот термин, на наш взгляд, соответствует термину “collateral message” Г. Кларка.

Становится очевидным, что в линейном развертывании разговорного дискурса метадискурс сопровождает фактуальный дискурс, и эти два формата разговорного дискурса имеют отличающееся друг от друга референтно-тематическое и пропозициональное содержание (просьба позвать невесту к телефону vs упрек в недостаточно быстром реагировании на эту просьбу).

Последовательное развертывание анализируемой беседы показывает, что произошла актуализация метадискурса: его наличие не осталось незамеченным, и он был правильно проинтерпретирован адресатом (в соответствии с герменевтическим подходом, актуализация представляет собой форму понимания текста на уровне его интерпретации, когда читатель или слушатель выделяет характеристики текста, соотносимые с его смысловыми структурами).

Адресат резко реагирует на вербально не выраженный, имплицитный, но актуализированный в ее сознании, понятый ею метасмысл упрека и переадресу-

ет его говорящему, атрибутируя ему самому неадекватное выполнение коммуникативной роли (Well, what?). С помощью этой реплики выражается метасмысл о том, что говорящий не сумел правильно задать вопрос, то есть неадекватно выполнил свою коммуникативную роль спрашивающего. В терминах П. Вацлавика, между участниками начинают складываться симметричные отношения (оба упрекают друг друга). В терминах теории речевых актов, они оба используют один и тот же косвенный речевой акт (упрек – упрек).

Далее говорящий вновь переводит разговор в фактуальный формат, повторяя свой вопрос (Can I speak to her?). Однако эта повторная просьба несет в себе также повтор имплицитного метасмысла о некомпетентности собеседницы в ее коммуникативной роли адресата: метасмысла о том, что она не расслышала его вопрос с первого раза.

В ответ собеседница переходит к эксплицитному агрессивному метади-скурсу (Don't you mean, *may* I speak to her?). Согласно Р.О. Якобсону, в этом высказывании реализуется метаязыковая функция, указывается на неправильное употребление модальных глаголов (can вместо may). При этом акцентируется незнание не языковых, но социальных норм: may используется для того, чтобы спрашивать или давать разрешение (to ask for or to give permission) [OD]. Подруга невесты говорящего, гостящая в ее доме, позиционирует себя как человека, который вправе позволить или не позволить ей и ее жениху поговорить по телефону.

Этот дискурс настолько не соответствует стандартному дискурсу, производимому в рамках сценария «Позвать кого-либо к телефону», что говорящий осознает это (Are you doing this deliberately?). В этом вопросе проявляется интерпретирующая активность говорящего: он показывает собеседнице, что понимает ее враждебное отношение к нему и хочет выяснить, намеренно ли она ведет себя враждебно.

В ответе на заданный вопрос собеседница подтверждает преднамеренный характер своей враждебности (Doing what deliberately?). Это высказывание, хотя и является прямым речевым актом вопроса, объективирует косвенный речевой акт издевки, который несет в себе, во-первых, метасмысл о неумении точно

выразить мысль (говорящий, в интерпретации собеседницы, не раскрыл смысл слова *this*) и, во-вторых, метасмысл о презрении, которое говорящий в связи с этим заслуживает.

На данном этапе разговора говорящий понимает, что целью собеседницы является демонстрация враждебного отношения к нему; это понимание объективируется конструкцией (*Oh, for goodness' sake*). Междометие *oh* реализуется здесь в значении восклицания, используемого для выражения ряда эмоций, включающих удивление, гнев, разочарование, радость или в качестве реакции на реплику собеседника (*exclamation used to express a range of emotions including surprise, anger, disappointment, or joy, or when reacting to a remark*) [OD]. Устойчивое выражение *for goodness' sake* обозначает раздражение или удивление, особенно в комбинации с глаголом в повелительном наклонении (*said when you are annoyed or surprised, especially when telling someone to do something*) [LDOCE]. С помощью этих средств говорящий выражает такое же презрение к собеседнице, что и она к нему. Про себя он сразу характеризует ее как *belligerent – very unfriendly and wanting to argue or fight* [LDOCE], *hostile and aggressive* [OD]. Затем говорящий вновь переходит в формат фактуального дискурса и требует позвать невесту к телефону, используя на этот раз прямой речевой акт приказа (*just tell Ellen I want to speak to her*).

Фактуальный дискурс и метадискурс в данной беседе форматируются как две отдельные структурные части, различающиеся по своему содержанию. Фактуальный дискурс производится на тему «разговор по телефону с невестой»; метадискурс – на тему «враждебность и презрение говорящих друг к другу» (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Фактуальный дискурс и метадискурс как два отдельных структурных формата разговорного дискурса

Фактуальный дискурс	Метадискурс
Is Ellen there?	
Yes.	

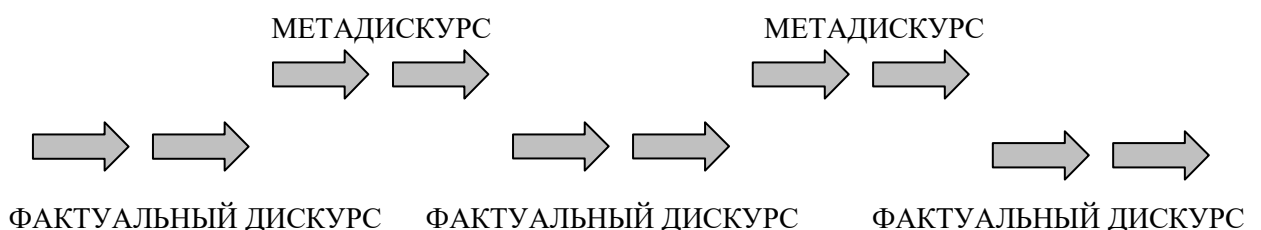
	Well?
	Well, what?
Can I speak to her?	
	Don't you mean, <i>may</i> I speak to her?
	Are you doing this deliberately?
	Doing what deliberately?
	Oh, for goodness' sake,
just tell Ellen I want to speak to her.	

В данной таблице фактуальный дискурс и метадискурс представлены как два обособленных формата единой беседы, выделенных путем анализа. Форматирование фактуального дискурса и метадискурса предполагает объединение входящих в каждый из них реплик и обособление метадискурса как «другого» дискурса, сопровождающего фактуальный дискурс.

Непосредственный процесс развертывания беседы объясняется нами с помощью еще одной линейной двухуровневой модели (см. Схему 3).

Данная модель позволяет представить фактуальный дискурс и метадискурс как две нити разговорного дискурса, то есть как две линейные дискурсивные последовательности единиц (реплик, высказываний, речевых актов), чередующихся друг с другом в развертывании единой беседы. В отличие от Таблицы 1, Схема 3 отражает не результат, а процесс постепенного форматирования фактуального дискурса и метадискурса.

Схема 3. Параллельное линейное форматирование фактуального дискурса и метадискурса

Расположение линии метадискурса над линией фактуального дискурса в данной модели отражает сущность метадискурса как результата метакогниции, то есть когниции о когниции, познающего, интерпретирующего взгляда на фактуальный дискурс с более высокого уровня. Метадискурс надстраивается над фактуальным дискурсом-фундаментом в качестве дополнительного, сопровождающего дискурса.

В дальнейшем в данной главе мы будем рассматривать примеры, подобные выше проанализированному, и углублять анализ процесса форматирования метадискурса в разговорном дискурсе.

2.2. Форматирование разговорного метадискурса

в языковом сознании говорящего

Действие линейной модели, охарактеризованной выше, проявляется уже на этапе конструирования и форматирования разговорного метадискурса в языковом сознании говорящего.

Как отмечалось в теоретической главе исследования, в психолингвистике в настоящее время начинает изучаться новейшая проблема конструирования языкового сознания. Понятие конструирования дополняет собой понятие порождения сообщения во внутренней речи / внутреннем дискурсе. В то время как порождение дискурса может быть бессознательным процессом, при котором внутренняя речь характеризуется отрывочностью, фрагментарностью, нерасчлененностью, асинтаксичностью [Выготский, 2005], внутреннее конструирование дискурса представляет собой осознанный процесс его обдумывания, планирования, внутреннего проговаривания.

Идея конструирования языкового сознания восходит к трудам А.А. Шахматова, который включает в понятие коммуникации первоначальный психологический акт движения воли, направленной к сообщению мысли собеседнику, и отмечает, что этот акт в процессе внутренней и внешней речи доводится до обнаружения в слове. «Следовательно, начало коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи,

откуда уже переходит во внешнюю речь» [Шахматов, 1941, с. 20]. В современных исследованиях феномена языкового сознания акцентируется ведущая роль языка в структурировании сознания и возможность вербализации смыслов, сконструированных в языковом сознании, в актах коммуникации [Тарасов, 2000; Уфимцева, 2006].

Как показывает анализ, в конструирующем языковом сознании осуществляется процесс форматирования разговорного метадискурса, который может оставаться на уровне внутреннего дискурса, то есть не быть эксплицитно вербализован.

Во внутреннем метадискурсе говорящие интерпретируют для самих себя протекание беседы и складывающиеся в ходе беседы межличностные отношения. В процессе форматирования фактуальные смыслы и метасмыслы разворачиваются параллельно друг другу и в своей совокупности отражают процесс смыслообразования в беседе.

Рассмотрим феномен форматирования разговорного метадискурса в языковом сознании говорящего на следующем примере:

Clutter! Will's friend John's house was full of it. John and Christine had two children – the second had been born the previous week, and Will had been summoned to look at it – and their place was, Will couldn't help thinking, a disgrace. How could people live like this?

Christine came in holding the new baby while John was in the kitchen making him a cup of tea. 'This is Imogen,' she said.

'Oh,' said Will. 'Right.' What was he supposed to say next? He knew there was something, but he couldn't for the life of him remember what it was. 'She's...' No. It had gone. He concentrated his conversational efforts on Christine. 'How are you, anyway, Chris?'

'Oh, you know. A bit washed out.'

'Been burning the candle at both ends?'

'No. Just had a baby.'

‘Oh. Right.’ Everything came back to the sodding baby. ‘That would make you pretty tired, I guess.’ He’d deliberately waited a week so that he wouldn’t have to talk about this sort of thing, but it hadn’t done him any good. They were talking about it anyway.

‘What about you, anyway, Will?’

‘I’m fine, thanks.’

‘Any desire for a family of your own yet?’

I would rather eat one of Barney’s dirty nappies, he thought. ‘Not yet,’ he said.

‘You are a worry to us,’ said Christine.

‘I’m OK as I am, thanks.’

‘Maybe,’ said Christine smugly. These two were beginning to make him feel physically ill. He didn’t want to meet Imogen, or know how Barney was, and he didn’t want to hear about Christine’s tiredness, and there wasn’t anything else to them any more. He wouldn’t be bothering with them again (Hornby, p. 7-9).

Пример из художественного произведения позволяет реконструировать вербально не эксплицированную метакогнитивную деятельность говорящего и его внутренний метадискурс, его интерпретирующую активность в ходе беседы.

Уилл приглашен навестить знакомую семейную пару по случаю рождения их второго ребенка. Еще до начала разговора он дает мысленную оценку увиденного (Clutter! Will’s friend John’s house was full of it; their place was a disgrace; How could people live like this?).

Эти высказывания не озвучиваются; они формируются в языковом сознании говорящего, в его мыслях (Will couldn’t help thinking).

Непроизнесенные вслух высказывания несут в себе фактуальный смысл о беспорядке в доме (Clutter! Will’s friend John’s house was full of it) и метасмысл о негативном отношении гостя к хозяевам в связи с беспорядком. Это отношение негативное, поскольку беспорядок оценивается как позорное поведение и нарушение общепринятых норм (Their place was a disgrace; How could people live like this?).

Проводимое нами разделение высказываний на фактуальные и метади-
скурсивные соответствует принимаемому в диссертации разграничению когни-
ции и метакогниции. Как уже указывалось в теоретической главе, это разграни-
чение, в какой-то мере, носит условный характер, поскольку базовым, всеохва-
тывающим понятием остается понятие когниции как всех форм постижения
мира и формирования сведений о нем [Кубрякова, 2012, с. 21].

Анализируя языковые данные (в этом примере и далее в диссертации),
мы придерживаемся лингвистического подхода к изучению проявлений мета-
когниции, предлагаемому Е.С. Кубряковой. К метакогниции она относит ког-
нитивные процессы, происходящие в ходе описания языка, и не только в науч-
ном, но и в житейском, обыденном познании. Языковые проявления метаког-
ниции она обозначает как метаязыковые высказывания и метаязыковые описа-
ния. Отвечая на вопрос: «Что же заставляет нас удваивать подобным образом
термины?», Е.С. Кубрякова отмечает целесообразность анализа метаязыковых
высказываний в живой, разговорной речи как способствующего более глубоко-
му представлению о постепенном накоплении знаний говорящим, о все боль-
шей выделенности для говорящего объекта в процессе его восприятия и осмыс-
ления. Е.С. Кубрякова указывает на важность определения статуса отдельных
языковых единиц в метаязыковых описаниях в разговорной речи и приводит в
качестве примера речевой акт перформатив как высказывание, имеющее мета-
языковой характер [Кубрякова, 2012, с. 55-57].

Опираясь на данные положения, мы рассматриваем в качестве языкового
проявления метакогниции говорящего в разговорном дискурсе сдвоенность вы-
сказываний, когда определенное фактуальное высказывание сопровождается
определенным метадикурсивным высказыванием. В своей совокупности эти
высказывания формируют в составе разговорного дискурса две его части –
фактуальный дискурс и метадикурс.

Возвращаясь к анализу нашего примера, мы видим, что в конструирую-
щем языковом сознании гостя, намеревающегося вступить в беседу с хозяева-
ми, еще до начала беседы происходит параллельное конструирование с помо-

щью соответствующих высказываний фактуального дискурса (Clutter! Will's friend John's house was full of it) и метадискурса (Their place was a disgrace; How could people live like this?); ни тот, ни другой не озвучиваются и остаются имплицитными.

Беседу начинает хозяйка дома с помощью речевого акта декларатива (This is Imogen), передающего одновременно фактуальный смысл о новом положении вещей в мире – появлении в этом мире новорожденной, и метасмысл о том, что мать восхищается ребенком и ожидает такого же восхищения со стороны гостя. Выражение восхищения заложено в структуру когнитивного сценария «Посещение семьи по поводу рождения ребенка»; в этой стандартной ситуации принято выражать только доброжелательное отношение.

Но гость не в состоянии выразить восхищение, поскольку на уровне метакогниции оценивает приглашение посмотреть на ребенка как давление на себя и приказ (Will had been summoned to look at it. Ср.: summon – order someone to be present [OD]). У него нет соответствующего прагматического намерения (то есть преднамеренности, стратегического замысла, существовавшего у говорящего еще до высказывания [Демьянков, 1989, с. 41-42]), поскольку доминирующие в его сознании концептуально-тематические области формируют у него специфический когнитивный контекст восприятия, характерный для несемейного человека. *Ребенок* и *семья* не являются составляющими этого контекста.

Единственное, что гость произносит при виде новорожденной девочки и слыша ее имя, – междометия Oh и Right. Как будет показано далее, в разделе 2.4, oh выражает диапазон смыслов от фиксации полученных знаний до фиксации полученных знаний, которые производят неожиданное и / или неприятное впечатление, а right – также фиксацию полученной информации и законченность фрагмента беседы.

Метасмысл, передаваемый этими междометиями, следующий: гость воспринял информацию о том, как назвали ребенка, то есть адекватно исполнил свою коммуникативную роль адресата. Однако не такое метадискурсивное со-

общение соответствует коммуникативной ситуации поздравления родителей с рождением ребенка; собеседница явно ожидает, что гость выразит восхищение, например, в форме комплимента. В лингвистических терминах, в данной ситуации востребовано выражение позитивной вежливости, то есть оценочных высказываний с мелиоративной семантикой, направленных на сохранение позитивного лица собеседника (его самоуважения) [Brown, 1987].

В описании внутреннего состояния мужчины показана работа его языкового сознания, пытающегося сконструировать необходимое высказывание (What was he supposed to say next?). Не сумев сделать это, он пытается вспомнить какое-либо типичное для данной ситуации высказывание (He knew there was something, but he couldn't for the life of him remember what it was). Он даже начинает озвучивать это еще не найденное высказывание, выражающее восхищение новорожденной девочкой (She's...). В наших терминах, говорящий полагается на конструирующую силу своего языкового сознания, на то, что необходимое высказывание всплывет из глубины его сознания само собой. Но кажущееся уже близким высказывание так и не было сконструировано; говорящий воспринимает это как то, что оно окончательно ушло из его сознания (No. It had gone).

Метод интроспекции подтверждает приведенное в художественном произведении описание работы языкового сознания: мы все знаем, насколько трудно порой бывает подобрать нужное выражение и какие усилия приходится для этого прилагать. В анализируемом примере говорящий терпит коммуникативную неудачу: он вводит тему, но не развивает ее.

Испытывая трудность в конструировании метадискурса на тему *ребенок*, языковое сознание говорящего концентрируется на теме *подруга* (He concentrated his conversational efforts on Christine). Концептуально-тематическая область *дружба* – более привычный для него когнитивный контекст. Беседа, по сути, начинается заново, на что указывает фатическое высказывание, целью которого является установление контакта (How are you, anyway, Chris?). Очевидно, спрашивающий ожидает стандартного фатического ответа (Fine, thanks).

Фатическое общение, как указывает В.В. Дементьев, осуществляется говорящими исключительно ради самого процесса общения, а так называемый *small talk* (инициируемый в данном случае говорящим) как один из жанров фатического общения представляет из себя неинформативную беседу, ориентированную на инерционное поддержание отношений и включающую в себя большое количество этикетных, социально регламентированных речевых действий (например, *How are you? – Fine, thanks*) [Дементьев, 1995; 2014].

Однако в данной ситуации спрашивающий получает фактуальный, а не метадискурсивный ответ: женщина, только что родившая ребенка, описывает свое реальное состояние (*A bit washed out*), заменяя тему *подруга* темой *мать*. Описание своего физического состояния она сопровождает высказыванием (*Oh, you know*), которое несет как фактуальный смысл (апелляция к общему разделяемому знанию о том, что значит родить ребенка), так и метасмысл (сочувствие к самой себе и ожидание сочувствия со стороны собеседника).

Однако собеседник, начав с фатического вопроса, воспринимает ее ответ тоже как фатический, то есть информативно ничего не значащий, и продолжает разговор в русле фатического общения (*Been burning the candle at both ends?*). Это выражение означает ‘to get very tired by doing things until very late at night and getting up early in the mornings’ [LDOCE]. Использование данного выражения в риторическом вопросе предполагает согласие и направляет дальнейший разговор в рамки привычного для гостя дружеского общения на самые разные темы.

Но женщина не поддерживает новую беседу, а продолжает уже начатую, развивая тему своего состояния после родов. Она дает отрицательный ответ на шуточный вопрос гостя, показывая тем самым, что считает вопрос неуместным в серьезной жизненной ситуации (*Been burning the candle at both ends? – No. Just had a baby*). Здесь наряду с фактуальным смыслом выражается метасмысл упрека в нетактичности.

Гость реагирует с помощью междометий (*Oh. Right*), которые несут метасмысл о том, что он понял упрек собеседницы. Про себя он произносит вы-

сказывание (Everything came back to the sodding baby), выражающее одновременно два метасмысла: фиксацию того, что не удалось сменить тему разговора, и испытываемое им отвращение к теме *ребенок* (ср.: sodding – (adjective, British English, spoken, not polite) said when somebody is angry or annoyed, or to emphasize what they are saying [LDOCE]).

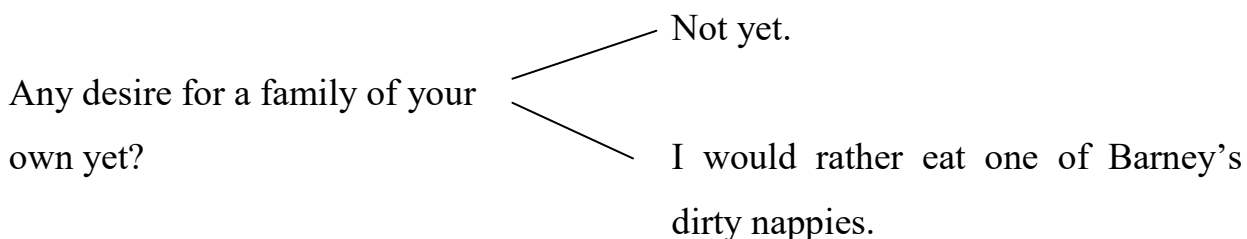
Анализ данного коммуникативного взаимодействия через призму понятия когнитивного контекста показывает, что доминирующие в сознании участников концептуально-тематические области определяют конструируемые ими метасмыслы, однако прагматически неприемлемые метасмыслы остаются имплицитными, незвученными. Выражающие их метадикурсивные высказывания переходят на уровень внутренней речи.

Анализируемый пример интересен тем, что показывает форматирование прямо противоположного по своему содержанию эксплицитного (озвученного) и имплицитного (неозвученного) метадикурса. В эксплицитном метадикурсе говорящий выражает понимание и дружеское отношение к собеседнице. Он развивает передаваемый ее высказыванием фактуальный смысл, выражая при этом также метасмысл сочувствия (Just had a baby. – That would make you pretty tired, I guess). Но во внутренней речи форматируется иной фактуальный дикурс, информирующий о том, что он специально выжидал неделю перед визитом (He'd deliberately waited a week), и иной метадикурс, передающий его возмущение по отношению к собеседнице, заставившей его все-таки говорить о ребенке (so that he wouldn't have to talk about this sort of thing, but it hadn't done him any good. They were talking about it anyway).

После этого хозяйка дома меняет тему разговора; этой темой становится сам гость. Ее вопрос, как у него дела, воспринимается им как начало фатического общения, и он дает необходимый стандартный фатический ответ, что все хорошо (What about you, anyway, Will? – I'm fine, thanks). Очевидно, он надеется, что далее они будут говорить на другую тему.

Но следующая реплика собеседницы показывает, что она делает не фатический, а фактуальный запрос о делах собеседника, а именно, хочет ли он соз-

дать семью. Этот вопрос о факте будущего мира (будет ли у него семья) обрабатывается как на уровне когниции, так и метакогниции, что можно представить следующим образом:

Когниция (понимание того, каким будет факт будущего мира) реализуется в отрицательном ответе на заданный вопрос (Not yet). Сопровождающая когницию метакогниция конструирует в сознании говорящего иносказательное, аллегорическое и абсурдное высказывание (I would rather eat one of Barney's dirty nappies), которое, несомненно, является удвоенным метаязыковым описанием, в терминах Е.С. Кубряковой. Это высказывание производится говорящим не в целях развития беседы, а своего собственного произнесенного вслух высказывания и выражения отвращения по отношению к теме разговора и навязывающей эту тему собеседнице.

Далее следует метадискурсивное высказывание хозяйки дома, в котором она выражает свою с мужем обеспокоенность в отношении друга (You are a worry to us); за этим метасмыслом стоит имплицитный фактуальный смысл о том, что друг неудачник, поскольку в 36 лет не имеет семьи, а за ним, в свою очередь, еще один метасмысл об их жалости к нему. Жалость концептуализируется говорящими как оценочное отношение к тому, кто вызывает сочувствие и сострадание, нуждается в помощи и защите в виду своей ущербности, отношение, которое может акцентировать беспомощность объекта жалости [Бейлинсон, 2017].

Ответ мужчины свидетельствует о том, что он понял все имплицитные метасмыслы, то есть в наших терминах, они были актуализированы. Он отвергает фактуальный смысл о том, что он неудачник, говоря, что у него все хорошо, и вместе с этим смыслом отвергает отношение жалости к себе, при этом фор-

мально благодарит собеседницу, оставаясь в рамках вежливого общения. Та в ответ выражает метасмысл сомнения в его искренности ('I'm OK as I am, thanks'. – 'Maybe', said Christine smugly). Он оценивает ее манеру говорить как самодовольную (ср.: smug – showing too much satisfaction with your own cleverness or success – used to show disapproval [LDOCE]).

Неприемлемые для говорящего метасмыслы, передаваемые собеседницей, вызывают отторжение связанной с этими смыслами фактичности (He didn't want to meet Imogen, or know how Barney was, and he didn't want to hear about Christine's tiredness, and there wasn't anything else to them any more. He wouldn't be bothering with them again). Таким образом, неприемлемый метадискурс как выражение неприемлемых человеческих отношений изменяет физическое и коммуникативное окружение данного человека.

В данном случае такое расхождение между тем, что озвучивается, и тем, что удерживается во внутренней метакоммуникации, вызвано прагматическим намерением говорящего не обижать собеседницу, его прагматическим выбором в пользу соблюдения в беседе стратегии вежливости. В.З. Демьянков указывает на то, что «понимание двухфазисно или даже трехфазисно», то есть включает в себя разные степени имплицитности. «Когда говорят об имплицитности, имеют в виду, что говорящий чего-то недоложил в свою речь, которую, тем не менее, адресат способен понять и доинтерпретировать» [Демьянков, 2006, с. 36]. В данном случае собеседница не смогла интерпретировать имплицитные метавысказывания, обусловленные когнитивным контекстом, сформированным в сознании говорящего и имеющимся у него специфическим метазнанием, относящимся к его пониманию своей личности и своего отношения к людям.

Мы нашли иллюстрацию процесса активного форматирования метасмыслов в сознании говорящего также в документальной прозе:

Now Marilyn leaned towards me. "Do you love me, Colin?"

How is it that beautiful women can throw me completely off balance just when I think I am being smooth and wise and completely in control? Every time Marilyn looked me straight in the eyes I seemed to lose my grip on reality. I was certainly at

the mercy of a powerful emotion, but was it love? And what sort of love? Love, passion? Love, sex? Love, romance? Love, marriage? I didn't know what language we were talking.

“Yes, I love you, Marilyn”, I said desperately, “but I love you like I love the wind, or the waves, or the earth under my feet, or the sun coming out from behind a cloud. I wouldn't know how to love you as a person. If I loved you as a person, then I would want to possess you. But that would be impossible. I could never even dream of possessing you. Perhaps, no man can, or should even try. You are like a beautiful force of nature, Marilyn, for ever out of reach” (Clark, 343).

У молодого ассистента режиссера, снимающего фильм с участием Мэрилин Монро, неожиданно формируются с ней доверительные отношения с элементами влечения. Однако он проявляет осторожность, понимая, что кинозвезда замужем, ее поведение может быть по-детски неожиданным, а симпатии непостоянны. Поэтому на вопрос “Do you love me, Colin?” он не может ответить сразу: его сознание начинает всесторонне анализировать прозвучавшее высказывание. Прежде всего его удивляет своя неожиданная реакция на него (How is it that beautiful women can throw me completely off balance just when I think I am being smooth and wise and completely in control? Every time Marilyn looked me straight in the eyes I seemed to lose my grip on reality). Затем его сознание формулирует возможные способы интерпретации затронутого в вопросе феномена любви: он не уверен, можно ли испытываемые им чувства назвать любовью (I was certainly at the mercy of a powerful emotion, but was it love? And what sort of love? Love, passion? Love, sex? Love, romance? Love, marriage?). Также он не уверен, что имеет в виду собеседница, произнося это слово (I didn't know what language we were talking). Наконец он переходит на уровень внешней речи, решившись ответить «да», но с большими оговорками, вызванными упомянутыми выше опасениями: да, он «любит», но не так, как мужчина любит обычную женщину (Yes, I love you, Marilyn <...> but I love you like I love the wind, or the waves, or the earth under my feet, or the sun coming out from behind a cloud. I wouldn't know how to love you as a person). При этом его внешняя речь звучит

«отчаянно» (*desperately*), так как его раздирают противоречия: невозможно ответить отрицательно на вопрос “Do you love me?”, прозвучавший из уст самой прекрасной женщины в мире, и невозможно ответить положительно, не покрывив душой. Кроме того, ее реакция непредсказуема, и это тоже заставляет его нервничать.

Мы можем сделать вывод, что форматирование метадискурса в языковом сознании говорящего диалогично, то есть связано с ожиданиями собеседника, но не всегда в полной мере отвечает им, поскольку зависит от возможностей говорящего.

Итак, проявление метакогниции в разговорном метадискурсе выражается в том, что говорящие интерпретируют протекание беседы и свои складывающиеся в ходе беседы межличностные отношения. Форматирование в языковом сознании говорящего фактуального дискурса и метадискурса осуществляется параллельно друг другу и в своей совокупности отражает процесс смыслообразования в беседе. Последнее охватывает собой целый спектр фактуальных и метасмыслов, как эксплицитных, так и имплицитных, глубоко личностных. Процесс смыслообразования включает стимулирующее столкновение смыслов и конструирование новых на этой основе. При этом метасмыслы имеют не меньшую, а в ряде случаев и большую значимость для говорящих, чем смыслы фактуальные.

Показав сущность процесса линейного форматирования разговорного дискурса как его разделения на два формата – фактуальный дискурс и метадискурс, обратимся к анализу формата метадискурса и докажем, что метадискурс форматируется как отдельная структурная часть разговорного дискурса с помощью особых фонетико-акустических, лексических и синтаксических средств.

2.3. Фонетико-акустический параметр форматирования разговорного метадискурса

В данном разделе мы проведем анализ естественных бесед по методологии конверсационного анализа, выявим в них метадискурс и охарактеризу-

ем процесс его форматирования с помощью фонетических и акустических средств. Мы используем примеры из постоянно пополняемого корпуса бесед разных типов Talk Bank (talkbank.org), создатели которого заявляют своей целью поощрение фундаментальных исследований в области человеческой коммуникации; примеры из опубликованной части корпуса London-Lund (Svartvik, 1980), включающего записи устной монологической и диалогической речи на британском английском, сделанные в период примерно с 1959 по 1980 гг.; записи со страницы видного представителя конверсационного анализа Э. Щеглоффа на сайте Калифорнийского университета (Schegloff's homepage). Данные три корпуса мы соответственно будем обозначать аббревиатурами TBE, LLC и SHP. В основном, мы сохраняем транскрипцию источников, иногда упрощая или унифицируя ее. Как уже указывалось в первой главе, система нотации, принятая в конверсационном анализе, отражает значимые с точки зрения этого направления фонетико-акустические явления: особенности произношения и интонации, длительность пауз, наложение речи, слышимое дыхание, смех, плач, неконвенциональные вокализации, удлинение звуков, ускорение и замедление речи и т.п. Условные символы, используемые в записях естественных разговоров, приведены в Приложении. После примеров мы даем краткие пояснения к их нотации.

Рассмотрим фрагмент записи естественной беседы Нэнси и Хилы:

N: What's doing,

(.)

H: aAh:, noth[i:n

N: [Y'didn't go meet Grahame?

H: 'pt' hhhhahh Well I got home... (*continues on topic*) (TBE).

Использованные в приведенном примере символы означают следующее: запятая в конце реплики (,) маркирует незаконченную интонацию, в данном случае менее «вопросительную», чем та, которая обозначена обычным знаком вопроса; точка в скобках ((.)) – короткая пауза (не более 0,2 секунды); двоеточие (:) – удлинение предшествующего звука; левые квадратные скобки ([) отме-

чают начало наложения речи двух говорящих; повторяющиеся буквы hh отражают слышимое дыхание.

С точки зрения конверсационного анализа о данном разговоре прежде всего можно сказать, что он обладает основными свойствами разговорного дискурса. Имеет место смена говорящих (минимальное требование состоит в том, чтобы таковая происходила хотя бы однократно); как правило, в каждый момент времени говорит только один человек; наложения речи двух и более говорящих случаются, но коротки по времени. Чередование реплик происходит гладко, без наложений и пауз, либо сопровождается незначительными наложениями или паузами; порядок реплик и их размер не фиксированы; длительность разговора, относительное распределение и содержание реплик не устанавливается заранее. В беседе участвуют двое (вообще, количество говорящих может варьироваться, если их более двух, то они могут использовать различные приемы передачи роли говорящего, также участники могут осуществлять «самовыбор», начав говорить); реплики в данном случае непрерывны (вообще, они могут прерываться паузами); используются различные виды минимальных репликовых единиц – здесь от одного слова до предложения (в принципе, размер минимальной репликовой единицы может варьироваться от более или менее конвенциональной вокализации (междометия) до нескольких клаузов).

Таким образом, данный фрагмент несомненно принадлежит к разговорному дискурсу, который, как уже указывалось, определяется как подчиняющееся определенным регламентациям устное непринужденное общение двух или более говорящих, либо такое же устное общение, но подвергнутое жёсткой регламентации (например, любого рода церемониальное), либо миметическое отображение такого общения в художественной и документальной прозе.

В приведенном фрагменте форматирование метадискурса начинается с последовательности (секвенции), порождающей причиной для которой служит вопрос Нэнси (What's doing.), мотивированный желанием услышать некий рассказ, обозначаемый конверсационалистами как *telling*. Границы секвенции в конверсационном анализе определяются прежде всего через понятие действия: что делает говорящий, производя центральное для секвенции (оно может быть

первым, но не всегда) высказывание – просит, спрашивает, рассказывает, объявляет, сообщает, оценивает, жалуется, призывает к вниманию или что-либо еще. Разные типы действий требуют определенных ответных действий. Поэтому минимальная секвенция, а соответственно, и беседа, состоит из двух реплик.

Первые две реплики анализируемого фрагмента являются типичной смежной парой вопрос-ответ. Смежная пара – это особо тесно связанная пара реплик, произведенных разными говорящими последовательно и примыкающих друг к другу. Высказывания в смежной паре упорядочены и связаны друг с другом определенным образом: первое должно принадлежать к классу первых составляющих смежных пар (*first pair parts*), второе – к классу вторых составляющих (*second pair parts*), причем не любых, а только соответствующего типа или типов. Например, за вопросом должен следовать ответ, за приветствием – приветствие, за приглашением – принятие или отказ, за оценкой – согласие или несогласие, как правило, в форме встречной оценки, за жалобой – извинение или объяснение, отрицание, встречная жалоба, рекомендация по улучшению ситуации, предложение помощи, за сообщением или объявлением – регистрация полученной информации как новой или уже известной, оценка и т.д. Первое высказывание в смежной паре часто проецирует следующего говорящего и всегда проецирует тип следующего речевого акта, создавая релевантную позицию для передачи хода, формируя ожидание, которому следует второй говорящий [Schegloff, 1968; 1973; Sacks, 1974].

В данном случае ожидание первой говорящей оправдывается не полностью: реплика Хилы (aAh:, nothi:n) структурно завершает смежную пару, но курс действия, начатый Нэнси, не достигает успеха, так как ожидаемого рассказа она пока не слышит. Это заставляет ее продолжать начатую секвенцию, вводя новую вопросно-ответную смежную пару, причем содержание вопроса на этот раз носит более конкретный характер.

Конверсационный анализ иногда критикуют за чрезмерное усложнение записи разговора, отражающей многочисленные фонетико-акустические явления. На первый взгляд, без них действительно можно обойтись. Подобная сложная система нотации не всегда оказывается нужна исследователю: это за-

висит от конкретных аспектов, на которые он обращает внимание. Например, Г. Баттон и Н. Кейси используют данный фрагмент для иллюстрации процесса темопорождения (topic generation): Хила при ответе на вопрос не произносит ничего, что могло бы инициировать обсуждение новой темы, поэтому Нэнси перехватывает у нее реплику, номинируя тему (Y'didn't go meet Grahame?) [Button, 1984].

Анализ процесса генерирования и формулирования тем в разговоре мог бы обойтись без специфической нотации. Вместе с тем, есть много работ, в которых обращается внимание на явления фонетико-акустического ряда и их роль в интеракции. Значимы они и для вводимого нами понятия форматирования разговорного метадискурса, а именно разговорного метадискурса в качестве «другого» дискурса, с точки зрения которого мы анализируем данный пример.

На наш взгляд, обсуждаемые фонетико-акустические явления следует выделить в отдельный уровень – уровень метадискурсивных сигналов, сопровождающих фактуальный дискурс. Форматирование разговорного метадискурса с помощью фонетико-акустических средств в приведенном примере мы отразили в Таблице 2.

Таблица 2. Линейное форматирование разговорного метадискурса с помощью фонетико-акустических средств

Фактуальный дискурс	Метадискурс
N: What's doing?	(.)
H: Nothing.	H: aAh:, noth[i:n
N: Y'didn't go meet Grahame?	H: 'pt' hhhhhahh
H: I got home... (<i>continues on topic</i>)	H: Well

Традиционная запись фрагмента, из которой удаляются специальные символы конврсационалистов, не принимает во внимание фонетико-акустические сигналы, представленные в левой части таблицы.

Вместе с тем данные сигналы формируют отдельную структурную часть разговорного дискурса – метадискурс, поскольку они производятся гово-

рящими для своих собеседников и предназначены для выражения определенных смыслов. Так, произнося aAh, Хила демонстрирует собеседнице свою нерешительность и сомнение по поводу того, как именно она будет отвечать на заданный вопрос о новостях, а, возможно, и вообще нежелание участвовать в разговоре или в обсуждении этой темы. Нэнси, убедившись в последнем, перебивает Хилу, вводя новый референт (Y'didn't go meet Grahame?). Ответная реплика Хилы начинается с вокализации 'pt' hhhhhahh, которая сигнализирует о трудности, испытываемые говорящей при формулировании ответа на вопрос. Данные сигналы не являются конвенциональными, то есть они не принадлежат определенной языковой системе, в том числе – системе английского языка, в которой им бы придавалось особое значение. Но они, безусловно, являются контекстуально значимыми, выражая метасмыслы, создаваемые и передаваемые в режиме взаимодействия собеседников лицом к лицу в процессе развертывания беседы.

Анализируемый разговор создается по линейной модели: в нем различаются два уровня, две отдельные структурные части. Наиболее очевидный, лежащий на поверхности уровень связан с тем, ради чего, собственно, и предпринимается разговор – это уровень фактуального дискурса. Параллельно ему выстраивается второй – метадискурсивный уровень. На дискурсивном уровне говорящие обсуждают определенную тему. На метадискурсивном уровне они обмениваются сообщениями о своей вовлеченности в совместный процесс коммуникации и решают координационные проблемы.

Выявив действие фонетико-акустического параметра в форматировании метадискурса в составе разговорного дискурса, продолжим анализ и дадим обобщенную классификацию фонетико-акустических метадискурсивных средств. На наш взгляд, такие средства, по своей сути, являются сигналами.

Необходимо обосновать выбранный нами термин «сигнал», поскольку толкования его в науке варьируются. В фонетике, кибернетике, теории информации, а также биологии и этологии сигналом считается любое физическое явление (событие, процесс, предмет), несущее информацию – соответствие некоему событию, след какого-либо факта или события, которое уже произошло

или должно произойти [Полетаев, 1958, с. 5, 25-27; Куликовский, 1987, с. 5; Златоустова, 1997, с. 54; Панов, 2012, с. 58, 105].

Прототипическое понятие сигнала не включает допущений о его адресном характере, поэтому, если в сигналах есть необходимость, их специально оговаривают. Так, М. Томаселло, анализируя коммуникацию в биологическом мире, предлагает различать коммуникативные демонстрации и коммуникативные сигналы (в узком смысле); критерием различия выступает способность существа, подающего сигнал, осознавать его воздействие на других и намеренно его контролировать, гибко регулировать его использование. В отличие от таких произвольных сигналов, чрезвычайно редких и характерных практически исключительно для человекообразных обезьян, огромное большинство интеракций в биологическом мире осуществляется посредством коммуникативных демонстраций – физических характеристик, влияющих на поведение других особей, и негибких, произвольных рефлекторных видов поведения [Томаселло, 2011, с. 35-36].

Сторонники функционального подхода в теории информации называют сигналом лишь то явление, которое имеет значимость для принимающей его самоорганизующейся системы, то есть способно ее изменить. Отсюда следует, что одно и то же физическое явление внешнего мира может быть или не быть сигналом для разных самоорганизующихся систем [Куликовский, 1987, с. 5].

В целом, понятие сигнала подразумевает один из следующих двух аспектов: 1) наличие осознанного намерения у отправителя сигнала (то есть, то, что он, производя сигнал, вкладывает в него некое значение для реципиента, которое, как он знает или надеется, тот расшифрует, поймет); 2) интерпретация сигнала реципиентом как значимого, релевантного, несущего информацию.

Для нашего исследования понятие сигнала удобно тем, что позволяет включить в анализ метадискурса фонетико-акустические средства, не являющиеся знаками языка. В лингвистике такие средства изучаются в сигнальной фонетике, которая рассматривает коммуникативно значимые звуковые последовательности (вокализации) и акустические сигналы [Златоустова, 1997, с. 109].

К фонетико-акустическим сигналам мы относим те вокализации, которые явным образом предназначаются для собеседника и коммуникативную значимость которых необходимо подвергнуть интерпретации, в противоположность вокализациям, порожденным абсолютно произвольно и лишенным такой направленности (заикание, вдохи, отрыжка, стоны, кашель и т.п.). В разговорном анализе последние тоже учитываются и отражаются в записи. Но, в отличие от того, что Н. Уорд называет «нелексическими разговорными звуками» (non-lexical conversational sounds) [Ward, 2006], а мы называем фонетико-акустическими метадикурсивными сигналами, говорящий не ставит целью придать, например, заиканию или вдоху коммуникативную значимость, они не являются намеренными сигналами, предназначенными для интерпретации собеседником, равно как и последний вряд ли станет их рассматривать таким образом. Заикание, вдох, кашель (обычный, произвольный, а не нарочитый) – все это часть естественного, мало контролируемого поведения человека. Напротив, производство вокализаций типа uh-huh несомненно, контролируется говорящим, им придается коммуникативная значимость, и они явно предназначены для интерпретации слушающим.

На основе анализа естественных бесед мы выделили пять классов метадикурсивных сигналов; они классифицируются по типу выражаемого ими метасмысла:

- 1) сигналы хезитации;
- 2) сигналы обратной связи;
- 3) сигналы оценки;
- 4) сигналы-директивы;
- 5) смех как сигнал.

Рассмотрим каждый из выделенных нами классов.

1) Сигналы хезитации включают в себя паузы, заполнители пауз (uh, um, er, erm), прерванное начало слов и фраз, корректирующие замены, повторы, удлинения звуков.

Традиционно принято считать, что подобные явления просто затрудняют речь, способствуют снижению беглости речи, однако, с нашей точки зрения,

они являются не нарушениями в беседе, а способами решения возникающих в коммуникации проблем. Эти средства используются говорящими, чтобы сигнализировать, во-первых, о наличии проблемы с конструируемым дискурсом (например, что высказывание еще не сформулировано полностью), и, во-вторых, о том, что говорящий это осознает и предпринимает соответствующие усилия для решения возникшей проблемы. Как показывает анализ, хезитационные маркеры дают понять адресату, что говорящему требуется немного больше времени для формулирования и вербализации его смыслов. Например (знак ° слева и справа от слова означает, что оно было произнесено заметно тише, чем остальной дискурс):

B: .hhh Uh::, (0.3) I don't know I guess she's aw- she's awright she went to thee uh:: hhospital again tihda:y, (SHP);

M: .hh because I c- (.) you know I told mother what'd ha:ppened yesterday there at the party,

S: [°Yeah.°]

M: [a : :]nd uh, .hhhhh (0.2) uh you know she asked me if it was because I'd had too much to dri:nk and I said no (SHP)

В приведенных примерах наблюдается значительное количество сигналов хезитации: паузы, заполнители пауз (uh), вдохи, прерванные артикуляции (aw-, c-) и повтор артикуляций (she's aw- she's awright), удлинения звуков (маркируются двоеточиями). Данные метадискурсивные сигналы свидетельствуют о том, что со стороны говорящего имеет место обдумывание, размышление, сомнение в правильности конструируемого дискурса.

Стилизованный в художественном произведении разговорный дискурс также иллюстрирует использование хезитационных маркеров. Например:

A voice she didn't recognize – a man's voice – came at her out of the ether:
“Hello?”

“I want Frank”, she said.

“Yes?” the voice said. “Who is this?”

“Miriam. His wife. And who the hell are you?”

“Uh... sorry”. The phone was muffled; someone was whispering. “One moment, please” (Boyle, 43-44).

Оказавшись в неожиданной ситуации направленной на него вербальной агрессии (And who the hell are you?) и не уверенный, захочет ли муж разговаривать со звонящей женой, говорящий колеблется, передавая данный метасмысл при помощи заполнителя пауз uh.

2) Сигналы обратной связи представляют собой сигналы продолжения, согласия или подтверждения (mm hm, mm, uh huh, yeah и т.п.).

Эти сигналы способствуют преодолению ограничений на использование языка в коммуникации лицом к лицу. Суть этих ограничений в том, что говорящий не может производить связные высказывания, слушая другого, а слушающий не может полноценно слушать и одновременно говорить. Термин «обратный канал» (back channel) мы понимаем в его трактовке В. Ингве: на самом деле оба, и тот, кто говорит, и его партнер, одновременно заняты в процессах говорения и слушания; это происходит благодаря существованию так называемого обратного канала, по которому человек, производящий реплику, получает краткие сообщения, такие, как yes и uh-huh, не отказываясь при этом от права продолжать свою реплику [Yngve, 1970, p. 568]. Такие сигналы играют важную роль в разговоре при производстве расширенных реплик, так как они помогают коммуникантам достичь взаимопонимания относительно того, кто в данный момент является «основным» говорящим, и препятствуют узурпации права говорения лишь одним из собеседников, показывая, что слушающий тоже хочет высказаться. Например:

B: Becuz they're gonna do the operation on the teeuh duct.

f[f i: r s] t. Before they c'n do t [he cata] ract]s.

A: [Mh-hm] [Right.] Yeah,] (SHP);

N: I was like .h ↑this is the first time ever that I've only had two ↓weeks to do:

(.) an assign[men]t=

J: [yeah:]

N: =oh less than two weeks [now=.

J: [yeah:

N: =because they made that [on Tu:esda:y,

J: [↑When is she gonna put it up? (TBE).

Вертикальные стрелки ↑ ↓ маркируют особенно значительное повышение или понижение тона. Характерной общей особенностью приведенных двух фрагментов естественных разговоров является то, что сигналы обратной связи в них звучат одновременно с речью собеседника, которого можно назвать основным говорящим, поскольку именно он производит расширенную реплику. Сигналы обратной связи со стороны слушающего дают ему понять, что интеракция происходит в нормальном режиме, что слушающий проявляет внимание к его речи и готовность слушать дальше: он выказывает специфическое отношение к конструируемому дискурсу, а именно понимание его как целого, которое еще не завершено.

Метадискурсивный характер таких сигналов в том, что они передают смыслы, связанные исключительно с отношениями между говорящими как участниками данной беседы. Наложения сигналов реципиента на основную реплику не воспринимаются говорящим как проблема, так как они осуществляют минимальное временное вмешательство в его дискурс и не прерывают его расширенную реплику. При этом сигналы *uh huh*, *mm hm*, *yeah* и т.п. произносятся слушающим (реципиентом основной реплики) не где угодно, а на границе между минимальными репликовыми единицами. Такое позиционирование означает примерно следующее: «один смысловой отрезок воспринят, следующий ожидается». Заметим, что на стыках репликовых единиц вообще нет пауз: говорящий, не замедляя темпа речи, продолжает реплику еще до окончания вокализаций собеседника, то есть воспринимает их именно как метадискурсивные сигналы, несущие в себе смысл «Продолжай говорить».

3) В качестве сигналов оценки используются вокализации *hey*, *wow*, *yuk*, *ugh*, *oops*, *ouch*, *whew* (*phew*), *aha*, *ah*, *tch*, *tsk-tsk*, *tut-tut*, *uh-oh*, *huh!* и т.п.

Относительно этих сигналов необходимо отметить, что они не всегда носят метадискурсивный характер, а лишь если соблюдается условие их референциальной отнесенности к говорящим, то есть референтами свернутых пропози-

циональных смыслов, стоящих за ними, являются либо сами говорящие и их отношения, либо их дискурс. Например:

I had a tiff with someone very dear to me the other day, and at some point during the argument I was hit with, “don’t analyse me, leave it to the experts” – ouch! (OD)

Здесь восклицание *ouch* употреблено говорящим для характеристики его внутреннего состояния и отношения к сказанному любимым человеком во время ссоры, – ощущения причиненной душевной боли, уязвимости и обиды.

Оценка выражается с помощью фонетико-акустического средства также в следующем примере:

BMWs are cheap cars, huh! (Cruz, 2009, p. 186)

Восклицание *huh* используется, помимо прочего, для выражения насмешки, издевки, презрения, гнева, удивления (OD). Используя метод расширения пропозиций, можно предложить следующий вариант интерпретации данного высказывания: «Абсурдно / смехотворно полагать, что машины марки БМВ – дешевые машины». Таким образом, *huh!* сигнализирует об оценке говорящим фактуального сообщения о машинах определенной марки как неверного, удивительного, смехотворного.

4) Сигналы-директивы (например, *ahem*, *hey*, *oi*, *ps(s)t*, *shush/shh*, *(h)uh?*) выступают в роли свернутых директивных метаречевых актов: вопросов, просьб и т.п., побуждающих адресата к определенного рода поведению в беседе: проявлению внимания (*ahem*, *hey*), в том числе проявлению внимания в грубой и сердитой форме (*oi*), проявлению внимания, скрытого от других присутствующих (*ps(s)t*), молчанию (*shush/shh*), повтору уже сказанного, согласию или ответному комментарию (*huh?*), передаче реплики (стратегические перебивания). Например:

A: um had these two presentations, a midterm, and a uh (.) assignment

B: [mhm]

A: [due] um (0.5) it’s been a relaxing weekend though thus far

B: mhm

A: huh?

V: uh yeah I'm listening eh hh hh (TBE).

В данном случае смысл, стоящий за huh? можно выразить пропозицией «Что ты сказал?» Это переспрос, вызванный проблемой непонимания: говорящий А неверно трактовал сигнал обратной связи (mhm) – он не воспринял его таковым, ему показалось, что собеседница сказала нечто, требующее его реакции.

В следующем примере продленное, утрированное shh звучит как шутовская или ироничная просьба говорить потише:

Shshshshshshshshsh... walls have ears, you never know who is listening!
(Goddard, http://eprints.lancs.ac.uk/66197/1/Bye_alligator_2004_posted_2013.pdf).

Аналогичный свернутый метаречевой акт – приказ замолчать – иллюстрирует пример из художественной прозы:

“She’s married him for his money, my dear, make no mistake about that”.

“Shush! Ralph!” (Shaw, 12)

В следующем фрагменте коммуниканты – подростки: мальчик непопулярен в новой для него школе, где с ним никто не хочет общаться, а девочка известна как местная хулиганка. Oi, использованное ею для повторного привлечения внимания собеседника, выражает досаду и раздражение, звучит грубовато и несколько сердито:

“How come every squitty little shitty snotty bastard knows my name?”

Marcus couldn't believe she was talking to him, and when he looked at her it seemed as though he was right to be doubtful, because she was still looking the other way. He decided to ignore her.

“Oi, I'm talking to you. Don't be so fucking rude” (Hornby, 136).

В следующем примере молодожены, увлеченные друг другом, не замечают появления соседа, который привлекает их внимание театрально звучащим «Ahem!», имитирующим кашель:

We were interrupted by a loud “Ahem!” from behind the paddock fence (Gabaldon).

Таким образом, фонетико-акустические сигналы хезитации, обратной связи, оценки, сигналы-директивы представляют собой метасообщения – свер-

нутые метаречевые акты, которые при помощи анализа можно восстановить до полных пропозиций, выражающих метасмыслы, сопровождающие фактуальный дискурс беседы.

5) В последний класс фонетико-акустических метадискурсивных средств мы включили смех, о котором, имея в виду его самую непосредственную, непроизвольную форму, А.Г. Козинцев пишет, что это особый физиологический механизм, приводящий к временному прерыванию речи и обслуживающий антиреферентивную функцию языка. Данную функцию он добавляет к шести, выделенным Р.О. Якобсоном: она, как и поэтическая, направлена на сообщение, но «не усложняет референцию, а уничтожает ее». Смех, по мнению ученого, это «метакоммуникативный знак, направленный против обычных знаков», он «не просто говорит, а кричит: «Это не знаки, не придавайте им значения!» [Козинцев, 2008, с. 63].

Впрочем, Г. Джефферсон, которая много занималась вопросами смеха и его коммуникативной значимости в разговорном дискурсе [Jefferson, 1972; 1984; 1985; 1987; 2004a], пришла к выводу, что смех не всегда бывает неудержимым, неконтролируемым (*laughter may not always be a matter of flooding out*), но говорящий может им управлять и задействовать в качестве интерактивного ресурса, систематической, планируемой деятельности (*can be managed as an interactional resource, as a systematic activity*) [Jefferson, 1985, p. 34]. К регулярным практикам, например, принадлежит использование смеха: при рассказе о проблемах с целью демонстрации «сопротивления невзгодам» (*troubles-resistance*) [Jefferson, 1984, p. 351]; с целью своеобразной «маскировки» произносимых непристойностей [Jefferson, 1985]; в знак солидарности в ответ на неприличную шутку, как средство конструирования более близких отношений [Jefferson, 1987]. Наиболее распространенной практикой в ситуации, которая не является проблемной (в самом широком смысле слова), можно назвать присоединение: один из коммуникантов начинает смеяться, другой к нему присоединяется. Целью такой практики, по-видимому, прежде всего, является аффилиация; она диктуется естественной психологической потребностью человека в сближении,

вовлеченности в отношения с другими людьми. Именно так это происходит в следующем разговоре друзей:

H: That makes you more interesting th'n [ever actually]=

L: [ehh heh ha ha]

L: =Oh [thank you] Ha[l.

H: [h e h h a] (ha) [Ya[h.

L: [he:h hu[hu-.uh-u

H: [ahh ah! .hhh [Jefferson, 2004a, p. 123].

В приводимом ниже примере стилизованного разговорного дискурса смех не транскрибируется (он вообще редко транскрибируется в художественной литературе), но описывается факт и причины осознанного порождения смеха одного из участников беседы.

“The following of the norms and strictures. I can be like that too”, he said, and he gave a wink to preface the sequel, “but I hope you won’t be shocked, Sato-San, if I’m *improper* more than I am proper. Wouldn’t want to pin a man down, would you? Shackle him with convention?”

I didn’t know where the conversation had sailed off to, but I understood that this was a form of banter and that the only answer necessary was a soft murmured, “No”.

“But you’re the one from Harvard, via the Institute of Technology, isn’t that right?”

“Yes”.

“My observation” – he was forever making pronouncements, as I would come to learn, and he’d made this one before – “is that Harvard takes perfectly good plums as students and makes prunes of them”.

His tone indicated that laughter was called for and so I laughed and told him that he was right (Boyle, 13-14).

Участники данной беседы – обладатели разного социального статуса: знаменитый архитектор, занимающийся с небольшим количеством учеников, и недавний выпускник университета, надеющийся стать одним из этих учеников. Эта разница позволяет занимающему более высокое положение собеседнику

свободно, непринужденно производить шуточный дискурс, добродушно подтрунивать вначале над собой (I hope you won't be shocked, Sato-San, if I'm *improper* more than I am proper), а затем над учебным заведением, в котором учился молодой человек (Harvard takes perfectly good plums as students and makes prunes of them); тем самым он позиционирует себя как остроумного человека, демонстрируя и этим в том числе свой статус и власть. Вышестоящий говорящий производит шуточный дискурс явно стратегически – он готовит собеседника к «правильному» восприятию своих высказываний именно как шуток при помощи невербальных метасообщений – подмигивания, особого тона голоса (he gave a wink to preface the sequel; His tone indicated that laughter was called for). Но поскольку в разговоре практически ничего не совершается с уверенностью в одностороннем порядке (in conversation little if anything can be done assuredly unilaterally) [Schegloff, 1984, p. 45], для того, чтобы, как пишет Джефферсон, такое действие (проект), как рассказывание шутки, было успешно завершено [Jefferson, 1972, p. 449], обязательно требуется соответствующая реакция слушающего – смех (His tone indicated that laughter was called for and so I laughed).

Иногда вклад одного из участников общения ограничивается практически исключительно смехом, и никакое вербальное действие им не производится, что мы наблюдаем в следующем примере:

The man put his laptop on the table and rammed himself into the seat. Eventually the man gasped, “Typical, I wait hours for a seriously delayed train then when it comes in I'm in a queue at the Baguette Bar”.

Jack didn't want to talk, so, after giving a small laugh that recognized the irony of having to hurry for a train that was six hours late, he closed his eyes, which in any culture signified that he did not want to take part in a conversation (Townsend-1, 93).

Незнакомец, чуть не опоздавший на электричку, общителен и легко идет на контакт, что отражает его шуточная реплика, выражающая досаду на свое поведение, обращенная к человеку, которого он видит впервые в жизни. Такое высказывание могло бы послужить завязыванию знакомства, однако адресат не испытывает такого желания и избирает путь минимального метадискурсивного участия в беседе – его усмешка (a small laugh) завершает проект (рассказывание

шутки), инициированный новым пассажиром, служа признанием его успешности. Дальнейшее действие тела – закрывание глаз – недвусмысленно сигнализирует вновь прибывшему о нежелании продолжать разговор и ставит точку на его участии в коммуникации.

Наконец, приведем пример абсолютно семиотического, произвольного, контролируемого использования даже не самого смеха, а знака смеха:

“Fine. Then let me beat the shit out of him”.

Gina and Thea exchanged glances. “I don’t know”, Gina said. “What do you think?”

“Could work”, said Thea. “Sure, why not?” She turned to Mitch. “Okay, you can beat the shit out of him”.

“Ha-ha”. He took a swallow of coffee. “I should – just to show you how it works – but I’ll give diplomacy a shot first”.

“Oh, goodie”, Thea said dryly (Goodman, 383).

Очевидно, что для естественно звучащего смеха все-таки требуется то, что можно назвать легким расположением духа. Если же таковое отсутствует, а необходимость в смехе как в аффилиативном действии есть и не отрицается говорящим, то один из возможных способов справиться с такой проблемой – имитировать смех, продуцировав соответствующую вокализацию (ha-ha).

Завершая данный раздел, сформулируем обобщенные метасмыслы, передаваемые фонетико-акустическими сигналами и формирующие метадиалог в составе разговорного дискурса:

1) сигналы хезитации: говорящий передает метасмысл, что он колеблется, формулируя фактуальный смысл;

2) сигналы обратной связи: говорящий передает метасмысл, что он вовлечен в процесс интеракции, внимателен, просит продолжать;

3) сигналы оценки: говорящий передает метасмысл, что он вовлечен и выражает оценочное / эмоциональное отношение к тому, о чем идет речь;

4) сигналы-директивы: говорящий передает метасмысл, что он управляет ходом беседы;

5) смех: говорящий передает метасмысл, что он понимает необходимость смеха в данный момент взаимодействия.

Из проведенного анализа следует, что некоторые сигналы используются в разных значениях, например, wow может звучать как оценка, а может – одновременно как оценка и сигнал обратной связи, hey – как оценка или как директив. Это неудивительно, так как это вообще свойственно языку: одно средство может выполнять множественные функции, а для выполнения одной функции часто существуют различные средства.

Следует согласиться с Г. Кларком [Clark, 1996] в том, что сигналы во многом подобны знакам, поскольку у них есть план выражения и план содержания, но в то же время один и тот же сигнал может служить выражению самого разного содержания, а некоторые сигналы вообще не имеют четко закрепленного содержания и в каждом конкретном случае требуют отдельной интерпретации.

В связи с этим несомненна научная ценность метода конверсационного анализа естественной беседы, позволяющего систематизировать неконвенциональные вокализации, которые редко отражаются в письменной форме, но весьма тщательно фиксируются и изучаются конверсационалистами.

Однако в конверсационном анализе фонетико-акустические сигналы изучаются сами по себе, по принципу: сигнал – его возможные значения, а не как средства форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса. Мы же поставили перед собой именно эту задачу и выявили пять типов метасообщений, передаваемых с помощью фонетико-акустических сигналов.

Данные метасообщения являются дополнительными, сопровождающими фактуальный дискурс. Однако это не умаляет их значимости, что доказывается анализом письменного дискурса, в котором фонетико-акустические сигналы не регистрируются, в связи с чем передаваемые ими метасообщения теряются. Метадискурс можно классифицировать также согласно тому месту, которое он занимает по отношению к фактуальному дискурсу – высказываниям, передающим основное сообщение. Метадискурс либо примыкает к ним, либо вставляется между ними.

Итак, с помощью рассмотренных фонетико-акустических средств в составе разговорного дискурса форматируется именно метадискурс как имплицитные, поверхностно не оформленные, но воссоздаваемые в результате интерпретирующей деятельности высказывания. Вне их интерпретации в рамках единой беседы отдельные фонетико-акустические средства не несут в себе метасмыслов.

2.4. Лексический параметр форматирования разговорного метадискурса

Как показывает анализ, к лексическим средствам форматирования метасмыслов относятся, в первую очередь, междометия и некоторые союзы и наречия. Мы не выделяем отдельно морфологический параметр, но подчеркиваем, что он объединен с лексическим параметром, поскольку в форматировании участвуют слова определенной частеречной принадлежности.

Можно выделить два основных подхода к пониманию междометий. Сторонники концептуалистского взгляда полагают, что междометия являются полноправной частью языка, обладают богатым семантическим содержанием и сложной концептуальной структурой, которую можно анализировать и описывать в виде набора пропозиций [Амека, 1992; Wierzbicka, 1992; Wilkins, 1992]. Одним из сторонников противоположного взгляда является Э. Гоффман. Он называет междометия «реактивными восклицаниями» (*response cries*) или «полу-словами» (*semiwords*), так как они представляют собой естественное, произвольное выражение эмоций [Goffman, 1978]. Современной лингвистике, однако, свойственны более тонкие подходы к неоднозначным явлениям: то, что раньше трактовалось с точки зрения строго дихотомических различий (например, язык – не язык), теперь глубже осмысливается как континуумы – шкалы со множеством градаций определенных признаков.

В любом случае, очевидно, что междометия являются широко используемым средством коммуникации, применяемым говорящими с разной степенью произвольности: от совершенно произвольного, искренне-испуганного ой! до ой! намеренного, произнесенного игриво-кокетливым тоном. Анализируя по-

добные примеры, Т. Уортон пишет о континууме естественное – лингвистически значимое употребление междометий [Wharton, 2003]. Интересна также идея диапазона знаковости Ю.С. Степанова, который выделяет десять типов знаковых систем по степени нарастания семиотических свойств и относит неявный, коннотативный уровень языка, то есть эмоциональную интонацию, неосознанный отбор слов, неосознанную стилистику речи к седьмому типу (означаемым здесь является неявный уровень психики, внутреннее состояние говорящего), а денотативный уровень языка (означаемое знаков-слов – предметы объективного мира, денотаты) – к восьмому [Степанов, 1971, с. 81-85, 107-116].

Как подчеркивается в исследованиях по конверсационному анализу, если бы значения междометий можно было выявить посредством опроса информантов, это давно было бы сделано. Однако как использование междометий, так и их интерпретация слушателями в качестве сообщений, влияющих на поведение этих слушателей, достаточно часто носит произвольный характер, что заставляет конверсационалистов работать с большим количеством естественных бесед и подсчитывать частотность реакций. Для нашего исследования важен не перечень возможных значений междометий в естественной беседе, а доказательство метадискурсивного характера этих значений.

Различные междометия, их формы и контекстуальные использования занимают нестрого определенные позиции в рамках континуума в зависимости от сочетания признаков естественное (произвольное) / лингвистически значимое (произвольное) использование, то есть от того, в какой степени они выступают в качестве проявлений неконтролируемых состояний, а в какой – в качестве несущих содержание сообщений. В нашем исследовании мы принимаем точку зрения М. Круза, который считает, что во многих случаях междометия следует трактовать как свернутые высказывания, побуждающие слушающего к осмыслению определенных пропозиций [Cruz, 2009]. Мы следуем данному подходу и в ходе анализа будем придавать контекстуальным значениям междометий пропозициональную форму и формулировать их в виде метавысказываний.

В естественной беседе очень трудно анализировать по отдельности разноразличные средства форматирования метадискурса. Рассматриваемые в данном разделе лексические средства формируют метадискурс одновременно с фонетико-акустическими и синтаксическими. В следующем примере говорящие (Алекс и Крис) производят метадискурс, свидетельствующий о том, что они испытывают трудности в координировании содержания разговора (строки пронумерованы для удобства анализа):

1 A: Oh. (.) You wanna hear something (d)interesting?

2 C: Sure.

3 A: .hAh::: ^I don't know – Okay this does not go e- hh I like

4 how =

5 C: = Hhe [h-heh-heh

6 A: [I'm playing as being .hh alright, = Uh::m.hh (0.2)

7 >okay< (1.2) Alright uh: I'll see if I can try to::: (0.5)

8 hh eh::: I like t' emancipate myself from my parents,

9 (0.2)

10 financially,

11 C: Legally?

12 A: Legally en financially,

13 C: Why: . (continues about the emancipation) (TBE).

Укажем на новые символы: ^ – отмечает отчетливое повышение тона, приходящееся на следующий за символом слог или гласный звук; знак равенства (=) – отсутствие паузы там, где ее можно было бы ожидать (например, после завершеного предложения); знаки «больше» и «меньше» (> <) – ускорение речи, заключенной между знаками; цифры в скобках (0.0) – длительность паузы в секундах.

В данной беседе наблюдается с трудом устанавливаемая говорящими координация по поводу фактуального содержания разговора. Фрагмент начинается с метадискурсивного высказывания (Oh. (.) You wanna hear something (d)interesting?). В базе данных, откуда взят приведенный фрагмент, ему пред-

шествует обсуждение другой темы, которое завершено и за которым следует пауза, длящаяся 1,5 секунды (это превышает среднюю продолжительность пауз в разговоре, которая составляет примерно 1 секунду [Jefferson, 1989]). Один из участников, Крис, пользуется представившейся возможностью, чтобы ввести новую тему посредством предварительного объявления (pre-announcement). Цель подобных предварительных объявлений – либо выяснить, знает ли уже собеседник то, о чем говорящий собирается ему рассказать, либо обозначить точку зрения говорящего на последующее сообщение, либо и то, и другое [Schegloff, 2007, p. 37]. В данном случае говорящий хочет убедиться в желании собеседника услышать будущее сообщение, а само это сообщение предварительно оценивается как интересное. Лексическое средство – междометие *oh*, предшествующее вводу новой темы, выполняет особую функцию. Согласно Г. Болден, исследовавшей последовательности, вводящие новые темы, которые говорящие начинают с *oh* и *so*, *oh* в подавляющем большинстве случаев предваряет темы, связанные с говорящим (self-attentive topics). Кроме того, *oh* позиционирует вводимую тему как нечто, только что пришедшее на память говорящему. Междометие *so* выражает противоположные смыслы: вводит темы, связанные с адресатом (other-attentive), обозначая их как такие, которые говорящий уже некоторое время хотел поднять. Г. Болден делает вывод, что *so* и *oh* выступают как лексические ресурсы взаимодействия, при помощи которых говорящий либо демонстрирует свою ориентацию на другого – заинтересованность в собеседнике, внимание к нему (*so*), либо, соответственно, стремится не показаться чрезмерно ориентированным на самого себя, очевидно полагая это неловким (*oh*) [Bolden, 2006].

Именно последнее значение выражает *oh* в приведенном примере: его использование Алексом показывает, что вводимая им тема касается его самого и что он только что об этом вспомнил. Крис в ответ использует наречие *sure*, имеющее значение подтверждения; оно свидетельствует о его готовности и намерении выслушать предстоящее сообщение. Вокализация *hAh* (строка 3) выражает нерешительность Алекса. Это значение еще более усиливается синтак-

сическим средством – метадискурсивным высказыванием (I don't know). Междометие *окау* в данном контексте подразумевает метасмысл («Я намерен продолжать»).

Далее Алекс употребляет лексические маркеры решимости (*okay, alright*) (строки 6-11) и фонетико-акустические маркеры хезитации (*Uh::m.hh, uh:, to:::, hh-eh*), причем многие из последних произносятся с удлинением звуков. В психолингвистике считается, что формулирование высказывания представляет собой прерывистый, циклический процесс. Говорящие редко имеют четкое представление о предстоящем высказывании до того, как они начинают его производить. Обычно имея лишь некий примерный план, они производят по одной короткой фразе за раз [Bock, 1994; Levelt, 1989]. Удлинение звуков в словах и выбор в пользу нередуцированных вариантов гласных – это один из способов объяснить собеседнику причину замедления своей речи, вызванную активно осуществляемым процессом формулирования высказывания. Такие объяснения необходимы, по мнению Г. Кларка, потому что любой участник беседы постоянно ощущает давление так называемого временного императива [Clark, 1996, p. 266-267; 2004b]. Необратимо текущее время приобретает особую ценность для участников совместных действий. То, что делает Алекс в свое время беседы, он также делает и во время, принадлежащее Крису, и наоборот. Время – это ресурс, который они стараются использовать экономно, поэтому долгие паузы нежелательны. Каждый из собеседников чувствует себя обязанным объяснить другому, как он тратит их совместное время. Удлинение звуков (*hAh:::;; Uh::m; uh::; to:::; eh:::*) предоставляет Алексу такую возможность, пока он формулирует сообщение, проецированное («обещанное») им ранее при помощи высказывания (*Oh. (.) You wanna hear something (d)interesting?*).

Противоречивость этих метадискурсивных сигналов указывает на то, что говорящий все еще испытывает сомнение по поводу объявленного им (в строке 1) сообщения, которое наконец звучит в строках 8-10 (*I like t' em:ncipate myself from my parents (0,2) financially*).

В Таблице 3 показано, что лексические средства форматировать метадискурс в тесном взаимодействии с фонетико-акустическими и синтаксическими средствами.

Таблица 3. Лексические средства форматирования метадискурса в их взаимодействии с фонетико-акустическими и синтаксическими средствами

Формат фактуального дискурса	Формат метадискурса
8 A: I like t' emancipate myself from my parents,	1 A: Oh. (.) You wanna hear something (d)interesting?
10 financially,	2 C: Sure.
11 C: Legally?	3 A: .hAh::: ^I don't know – Okay this does not go e- hh I like
12 A: Legally en financially,	4 how =
13 C: Why: . (<i>continues about the emancipation</i>)	5 C: = Hhe [h-heh-heh 6 A: [I'm playing as being .hh alright , = Uh::m.hh (0.2) 7 > okay < (1.2) Alright uh: I'll see if I can try to::: (0.5) 8 hh eh::: 9 (0.2)

В данном примере ведущую роль в форматировании метадискурса играют лексические средства; они представляют собой элементы, скрепляющие, интегрирующие метадискурс (oh – sure – okay – alright – okay – alright – uh). Суммировав метасмыслы, частично напрямую выраженные при помощи синтаксических средств (You wanna hear something (d)interesting?) и частично восстановленные до пропозиционального уровня из данного разговора (стоящие за лексическими и фонетико-акустическими элементами), получим следующую цепочку метапропозиций: «Кстати, я кое-что вспомнил; хочешь услышать нечто интересное, связанное со мной?», «Разумеется, хочу», «Я сомневаюсь / не знаю,

стоит ли это говорить / как мне это сказать», «Я определенно хочу это сказать». Таким образом, метадискурс, конструируемый участниками и постепенно формируемый ими как связная последовательность метадискурсивных высказываний, сопровождает процесс темопорождения в беседе: ввод новой темы – ее объявление, включающее запрос реакции слушающего, собственно сама эта реакция, отношение говорящего к развитию объявленной им темы, а именно – колебание между метасмыслами «сомнение» и «решительность».

Такая же интегрирующая роль присуща лексическим средствам выражения метасмыслов в следующем фрагменте записи естественного телефонного разговора между А и В:

A: Are yih busy,

B: Uh no. My liddle gran'daughter is here.

A: Oh. Oh so it's hard f'you to- uh,

B: That's alright (SHP).

Дефис после слова *to* означает, что говорящая внезапно прервала свою речь.

Первая реплика А в данном фрагменте представляет собой то, что Э. Щеглофф и Г. Сакс называют предложением инициировать закрывающую разговор последовательность, предшествующим очередному фрагменту беседы, посвященному новой теме (*pre-topic closing offering*). Подобные предложения предоставляют две неэквивалентные возможности собеседнику: центральную – отвергнуть предложение закончить разговор и продолжить его, а также альтернативную – принять предложение инициировать закрывающую последовательность [Schegloff, 1973, p. 315]. В приведенном примере В, казалось бы, отвергает предложение, отрицая свою занятость, но его ответу предшествует *uh*. Г. Кларк и Дж. Фокс Три, исследуя использование так называемых заполнителей пауз *uh* и *um* в естественной речи, приходят к выводу, что они часто выступают в роли междометий, поэтому их следует считать полноправными конвенциональными словами английского языка, использование которых планируется и контролируется говорящими так же, как и любых других слов. Как и другие

междометия, они выражают пропозициональный смысл, определяемый конвенциональными практиками их использования в определенных ситуациях. Согласно выводам исследователей, говорящие ведут мониторинг своих речевых планов и их реализации, отслеживая проблемы, стоящие комментария или коррекции. Комментирующее такие проблемы *uh* передает следующее сообщение: «Я иницирую, скорее всего, небольшую задержку в своей речи» (I am initiating what I expect to be a minor delay in speaking), а *um* – «Я иницирую, скорее всего, значительную задержку в своей речи» (I am initiating what I expect to be a major delay in speaking). На указанные базовые значения могут наслаиваться импликатуры («Я хочу продолжить свою реплику, не перебивайте меня», «Я хочу уступить вам право реплики», «Мне нужна помощь в завершении данного высказывания», «Я пытаюсь вспомнить нужное мне слово» и др.) [Clark, 2002].

В анализируемом нами примере *uh*, предшествующее ответу В на вопрос А, выражает имплицитный метасмысл («Я не уверен в том, что именно я хочу сказать»), перенося форматирование неуверенности на последующее по и заставляя адресата также сомневаться в том, стоит ли продолжать беседу в направлении, подразумеваемом этим отрицательным ответом, то есть начинать новую тему. Данное впечатление усиливается также сообщением В о присутствии внучки. Реакция А на это сообщение начинается с *oh*, оформленного фонетически как отдельная репликовая единица (интонация завершенности и пауза).

Вопросом значений, выражаемых междометием *oh* в разных секвенциональных окружениях в диалоге, занимается Дж. Херитэдж. Он доказывает, что *oh* прототипически выступает как знак изменения состояния (a change-of-state token) – в разных секвенциональных позициях может актуализироваться состояние знания или информированности [Heritage, 1984a].

В рассматриваемом нами примере *oh* выступает в качестве третьей, завершающей реплики в последовательности вопрос – ответ – реакция на ответ. Произнося *oh*, А регистрирует у себя наступление нового состояния знания, характеризуя таким образом свою позицию по отношению к только что произведенному собеседником дискурсу. Радиус действия такого метаэлемента мини-

мален, он влияет на очень узкий участок интеракции, на последующую одну реплику. Далее А продуцирует еще одну репликовую единицу, также начинающуюся с oh, на этот раз, судя по отсутствию паузы, включенному в единый интонационный контур фразы (Oh so it's hard f'you to- uh,). Этот повтор произведен с целью восстановить целостность фразы и, возможно, снять некоторое ощущение растерянности говорящего перед лицом возникшей проблемы (обнаруженного препятствия для продолжения беседы), которое создается первым, отдельно стоящим oh. Данная репликовая единица завершается заполнителем пауз uh, инициирующим задержку в речи. За выраженным смыслом здесь угадывается имплицитный метасмысл («Я не уверен, как мне сформулировать то, что я хочу сказать»), а также, возможно («Мне нужна помощь в завершении данного высказывания»). Своим ответом В демонстрирует понимание как этих имплицитных метасмыслов, так и метасмысла незавершенного высказывания А. Используемые в данном фрагменте междометия oh и uh выражают исключительно метасмыслы, поскольку они комментируют произведенный дискурс.

Устанавливая прототипический метасмысл междометия oh, можно сделать вывод, что данное междометие форматирует новое состояние знания. Это иллюстрирует следующий пример:

A: It's just about three o'clock, so she's probably free. I'll call her now.

B: What time is it?

A: Three, isn't it?

B: I thought it was earlier.

A: Oh, two. Sorry (SHP).

Подчеркивание слова означает повышение тона голоса и / или увеличение громкости.

Высказывание говорящего В (What time is it?) направлено на исправление допущенной собеседником ошибки в оценке времени. В результате говорящий А осознает свою ошибку (Oh, two), но не просто регистрирует правильное время, а с помощью oh выражает метасмысл («Я понял, осознал свою ошибку»).

Кроме того, использование *oh* нередко служит для собеседника сигналом того, что говорящий проблематизирует некий аспект (или аспекты) коммуникативной ситуации:

She grabbed the receiver eagerly and said, "Hello?"

"This is DCI Duvall".

Fiona felt intense disappointment. "Oh. Hello. I was expecting someone else" (McDermid, 456).

Говорящая поспешно отвечает на телефонный звонок в надежде услышать голос своего пропавшего мужа, за жизнь которого она очень переживает, так как в последнее время в его адрес поступали анонимные угрозы. Слыша голос агента полиции, она чувствует разочарование, что отражается в ее первой репликовой единице с завершенной интонацией (об этом свидетельствует точка в тексте), включающей единственное междометие (*Oh*). Это междометие выражает метасмысл о наличии у говорящей некой проблемы. Суть проблемы становится понятной, когда говорящая, поздоровавшись, произносит третью репликовую единицу (*I was expecting someone else*).

Помимо указания на появление нового знания, *oh* выражает метасмысл удивления. С помощью *oh* коммуникант реагирует на чрезвычайно удивительную для него информацию, настолько удивительную и странную, что он просто не знает, как ее оценить. Например:

"I don't even know what you do", Suzie said.

"Nothing".

"Oh". <...> "Well, what did you do before?"

"Nothing".

"You've never worked?"

"I've done the odd day here and there, but—"

"Oh. Well, that's..."

She trailed off, and Will knew why. Not having a job ever, that's... nothing. There was nothing to say about it at all, not immediately, anyway (Hornby, 46-47).

Утверждение собеседника, взрослого мужчины, о том, что он не работает и практически никогда не работал, изумляет говорящую; это изумление выражается с помощью междометия *oh* как прототипического способа отреагировать на новую информацию, при этом не рискуя ее оценить, чтобы не попасть в неловкое положение. Той же цели служит синтаксическое средство, высказывание, начинающееся с междометия *well* (*Well, that's...*). При помощи этого междометия говорящая дистанцируется от того, что должно последовать после *well* – отрицательной оценки только что сообщенной ей информации. Говорящая как бы стремится отложить высказывание этой оценки во времени: такое откладывание неосознанно воспринимается ею как смягчение неприятного метасмысла («Я не одобряю того, что ты никогда не работал»). Отреагировав вначале минимально посредством нейтрального с точки зрения оценки междометия *oh*, она затем, очевидно, собиралась все-таки каким-то образом оценить полученную информацию (*that's...*), а ее самопрерывание свидетельствует о том, что в ее сознании конструировалось именно отрицательное оценочное суждение.

Еще одним метасмыслом междометия *oh* является выражение непонимания, когда говорящий ставит под сомнение релевантность или уместность заданного вопроса. *Oh* служит сигналом наличия некой проблемы, суть которой неясна и которая либо проясняется в дальнейшем, либо остается на уровне догадки слушающего. Например:

H: Did you learn to speak (.) Chine [:se.

A: [hh Oh yes.

(0.7)

A: .hhhh You ca::n't live in thuh country without speaking
thuh lang [uage it's impossible .hhhhh=

H: [Not no: cour:se (TBE).

Это фрагмент радиointервью, взятого у британского писателя, в котором ведущий спрашивает о его жизни и работе в Пекине. Ответ на вопрос о том, изучал ли он китайский язык, писатель начинает с *oh* (*Oh yes*). Отсутствие ре-

акции со стороны журналиста (достаточно значительная, по меркам конверсационного анализа, пауза в 0,7 секунды) непонятно писателю и вынуждает его продолжить реплику, давая объяснение. К концу этого объяснения интервьюер, наконец, выказывает понимание того, что положительный ответ в данном случае очевиден и вопрос был не нужен, о чем свидетельствует его торопливая, накладывающаяся на речь писателя реплика (Not no: cour:se).

Таким образом, проанализировав случаи применения говорящими междометия oh, мы приходим в выводу, что оно выражает следующие наиболее типичные метасмыслы:

1) «То, что вы сказали, – для меня новость» (oh актуализирует новое состояние знания у говорящего);

2) «Кстати, я вдруг кое-что вспомнил и хочу об этом сказать» (oh актуализирует желание говорящего ввести новую тему);

3) «У меня возникла проблема» (oh актуализирует состояние затруднения, вызванное предшествующим сообщением);

4) «Я удивлен и не могу (сразу) оценить ваше сообщение» (oh актуализирует состояние удивления);

5) «Я не понимаю / недоумеваю» (oh актуализирует сомнение говорящего в релевантности / уместности предшествующего сообщения).

В роли подобных вводных ориентирующих метадискурсивных лексических средств выступают многие союзы и междометия (and, but, so, well, oh, now, right, ok, anyway). Несмотря на свойственные каждому из них особенности употребления, их объединяют передаваемые ими метасмыслы – то, что, пользуясь такими средствами, говорящий просит внимания собеседника. На них часто наслаиваются и другие метасмыслы, связанные с регулированием процесса общения. Мы уже упоминали о различии между oh и so, регулярно вводящими, соответственно, темы, связанные с говорящим и слушающим. Для иллюстрации этого различия приведем еще два коротких примера из художественной прозы с вводным ориентирующим междометием so:

Gina studiously avoided making eye contact. “So”, Thea said finally, “perhaps you want to tell me why you’re here” (Goodman, 357);

The waitress reappeared asking for their orders. He got the turkey club. Mitch had the Reuben. “So”, he said after the waitress left, “you weren’t clear on the phone about why we should have lunch together” (Goodman, 386).

В этих примерах междометие *so* используется говорящими после некоторого перерыва в беседе для предупреждения собеседника о возобновлении разговора и вводе новой темы, связанной с адресатом.

Так же, как и *oh*, все другие лексические средства выражения метасмыслов требуют отдельной интерпретации в зависимости от контекста. Рассмотрим пример с вводным элементом *well*, который в данном случае является междометием:

B: do you recognize this, (.) that’s Velasquez’, Pope Innocent the fourth,

(.) a copy of, (0.5)

A: are these [copies?]

B: [well] that’s a copy, (LLC)

Здесь наблюдается наложение речи: вводный ориентирующий сигнал *well* порождается говорящей В еще во время звучания реплики собеседника, что свидетельствует о ее желании инициировать ответную реплику; восстанавливается следующий метасмысл («Я хочу / собираюсь ответить на ваш вопрос»). Представляется также, что *well* здесь выполняет и характерную для него в данной позиции (как элемента, предваряющего ответ на вопрос) функцию дистанцирования от предыдущего контекста (a disjunction marker) [Stubbs, 1983, p. 69]. В наиболее общем виде формулирует эту функцию теория релевантности: в разных секвенциональных окружениях *well* выступает указателем на необходимость пересмотра созданного предыдущим дискурсом релевантного контекста при интерпретации следующего за *well* высказывания, то есть указателем на сдвиг релевантного контекста (a shift in the relevant context) [Jucker, 1993]. Более конкретно, *well* в данном случае актуализирует метасмысл («Последующий ответ на заданный вопрос будет недостаточным – непрямым или неполным»).

Общий вопрос (*are these copies?*) требует положительного или отрицательного ответа относительно некоего множества предметов, однако из ответа (*well that's a copy*) становится ясным, что ответ касается лишь одного предмета. Очевидно, что ответ об остальных предметах множества как минимум требует дополнительных пояснений, которые отвечающий может пожелать или не пожелать дать в дальнейшем.

Схожую роль *well* выполняет и в приведенном ниже примере, в начале второй реплики:

A: ... *well* never mind. It's not important.

B: Well, it is important. (SHP)

В разговорном анализе отмечается различие предпочтительных и нежелательных реакций беседе. Предпочитаются высказывания, способствующие успешности предшествующего высказывания. Они являются немаркированными с точки зрения структурной организации беседы: коммуникант говорит в хорошем темпе, не выражая сомнения (значит, отсутствуют значительные паузы и другие маркеры хезитации). Напротив, производство нежелательных реплик (например, отказа в просьбе, несогласия с оценкой, отвергания предложения и т.п.) зачастую носит маркированный характер: говорящий делает задержки, высказывает сомнение, уклоняется от прямого высказывания, недоговаривает, приводит объяснения. Высказывания говорящих А и В образуют пример типичной смежной пары оценка – согласие / несогласие, причем согласие с высказанной оценкой является предпочтительной реакцией, а несогласие – наоборот, нежелательной. Это отражается в реплике коммуниканта В: он производит ее с задержкой, то есть оттягивает свое несогласие при помощи *well*, дистанцируясь от оценки собеседника. Междометие *well* актуализирует метасмысл («Я не хочу высказываться сразу; я скорее не согласен с вами»).

Говорящие не только производят дискурс на определенную тему, раскрывают тему и завершают ее обсуждение, но и интерпретируют свое коммуникативное поведение по отношению к теме дискурса и друг другу в метадискурсе. Таким образом, метадискурс имеет свои собственные референты и темы, отли-

чающиеся от референтов и тем фактуального дискурса. Референтно-тематическое и пропозициональное содержание фактуального дискурса может быть сколь угодно разнообразным, поскольку оно представляет собой информацию о каком-либо конкретном положении вещей в мире, которой обмениваются участники. В противоположность этому, референты, темы и пропозиции метадискурса фиксированы. Референтами и темами метадискурса являются сам разговор, сама данная беседа и ее участники как адресант и адресат. В метадискурсе отмечается успешность или неуспешность протекания разговора, уместность или неуместность его фактуального содержания, внимание или невнимание участников друг к другу, их заинтересованность или незаинтересованность в общении и т.д.

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что разговорный метадискурс имеет свои собственные специфические средства языкового форматирования, в данном случае – фонетико-акустические и лексические. Синтаксические средства форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса будут подвергнуты анализу в следующем разделе.

2.5. Синтаксический параметр форматирования разговорного метадискурса

Синтаксический параметр форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса указывает на наличие в дискурсе эксплицитно оформленных на языковом уровне метавысказываний, передающих метасмыслы.

Проанализированные выше фонетико-акустические и лексические средства форматирования метадискурса также интерпретировались через метавысказывания, однако в примерах данные высказывания не были оформлены на языковом уровне и выводились нами путем анализа как формулировки поверхностно не выраженных пропозиций.

При форматировании метадискурса посредством синтаксических средств говорящий использует высказывания, которые ясно передают его отношение к теме дискурса и собеседнику. Так, в следующем телефонном разговоре говорящий В недостаточно ясно передает при помощи фонетико-акустических

средств собеседнику А метасмысл о том, что он внимательно слушает его. Этих средств оказывается недостаточно, и говорящий В эксплицитно выражает необходимый метасмысл с помощью метавысказывания (I'm listening), а в конце разговора он также показывает свое отношение к обсуждаемой теме (загруженности собеседника на работе), выражая сочувствие к собеседнику в метавысказывании (I'm sorry).

1 A: um, it's been um (1.0) wel- this was a uh incredibly busy week probably the busiest one I've had here yet [this] uh year

2 B: [mmm]

3 A: um had these two presentations, a midterm, and a uh (.) assignment

4 B: [mhm]

5 A: [due] um (0.5) it's been a relaxing weekend though thus far

6 B: mhm

7 A: huh?

8 B: uh yeah I'm listening eh hh hh

9 A: umm (.) emotionally (.) it's been oh-kay (0.5) Friday was not very good

10 B: I'm sorry (TBE).

В этом разговоре говорящий А описывает, чем он занимался и как себя чувствовал в течение предыдущей недели. Он продуцирует несколько репликовых единиц (строки 1, 3, 5). На протяжении его речи собеседник В несколько раз производит сигналы подтверждения своего понимания: в строке 2 – mmm, в строках 4 и 6 – mhm. Эти сигналы служат свидетельством того, что он, во-первых, правильно, с его точки зрения, интерпретирует обращенное к нему высказывание, распознавая смыслы составляющих его слов, и, во-вторых, что он воспринимает данное высказывание именно как расширенное, требующее от него соответствующего, продолженного периода внимания. Эти сигналы несут в себе импликацию «Пожалуйста, продолжай, я внимательно слушаю». Но поскольку упомянутых не прямых свидетельств успешного понимания оказывается недостаточно, говорящий В предоставляет также и прямое свидетельство такового в рамках побочного – чисто метадикурсивного – обмена, инициируемого говорящим А (huh? – uh yeah I'm listening). Междометие huh, произнесенное

с вопросительной интонацией, приобретает метасмысл свернутого вопроса (Ты внимателен к тому, что я говорю?). Говорящий В в ответ эксплицитно вербализует метасмысл, подразумеваемый обращенным к нему вопросом (yeah I'm listening).

В данном примере также присутствует большое количество хезитационных маркеров, или слов-заполнителей, *um* и *uh* (строки 1, 3, 5, 9), и пауз. Наблюдается коррекция в форме замены одного фрагмента другим (строка 1 – *it's been <...> this was*), а также используется междометие *well* (строка 1 – *wel-*), в данном контексте свидетельствующее о том, что говорящий «консультируется с собой», ищет более подходящую формулировку, рассматривая разные варианты [Clark, 1996, p. 273].

Синтаксические средства форматирования метадискурса, как и фонетико-акустические и лексические, направлены на достижение понимания между участниками относительно достаточного внимания адресата к обращенному к нему поведению адресанта; идентификации им высказывания адресанта; его интерпретации; рассмотрения им вариантов ответной реакции. Поэтому адресаты (в отличие от, например, присутствующих, но не участвующих в разговоре) с неослабевающим вниманием следят за дискурсом и постоянно демонстрируют собеседнику меру успешности / неуспешности своего участия во взаимодействии.

Возникает вопрос, каким образом при форматировании метадискурса говорящие оценивают степень успешности взаимодействия. Негативного свидетельства – отсутствия заявлений о неуспешности понимания со стороны адресата – часто бывает недостаточно, так как адресат, о чем свидетельствует анализируемый пример, может не осознавать имеющуюся проблему: он может не осознавать, что он чего-либо не услышал, не понял или понял неправильно. Самостоятельно участники не всегда могут определить, насколько успешно они взаимодействуют. С помощью метадискурса происходит тонкая и постоянная координация говорящих, совместное отслеживание процесса понимания посредством запроса, предоставления и подтверждения позитивных свидетельств

того, что участники слушают, распознают и понимают обращенные к ним высказывания, а также правильно на них реагируют.

На основе анализа всего корпуса наших примеров мы выделили синтаксические средства управления беседой, маркирующие переход от дискурса к метадискурсу в ее линейном развертывании. Например, это средства, указывающие на:

- слушание (I'm listening; Sorry, I wasn't really listening);
- прямое или косвенное управление поведением собеседника в разговоре (Listen; Ok, everyone, listen up!; Now listen very carefully; Look; Look here; Won't you listen to reason?; You haven't been listening to a word I've said!; You need to listen to me!; I wanted to talk to you. Will you be very angry if I say something to you; Are you telling me...?; Don't tell me...; Promise you won't tell; Promise not to tell on me; Could you tell me...?; Come on, tell me; Tell me all; I beg you to tell me; Answer the question; What is it you want to say?; What have you got to tell me?; Say what you mean; Don't mince your words, tell us what you really think; I want a straight answer; Stop asking me...; I was joking; Shut up; Stop being so melodramatic; Be reasonable; Be serious; Just between us girls; You're being stupid; Don't be silly; How dare you speak to me like that?; Is it necessary to shout?; You should be ashamed);
- управление темой разговора (Stop it; Drop the subject; Drop it; Let's change the subject; Let's move on; We can talk about it later; I have a question to you; There's something I have to tell you; I want to say something to you; I'll tell you what...; There's nothing to tell; I don't want to talk about this with you; Do you want to hear something interesting?);
- интерпретацию говорящим хода протекания беседы, ее содержания, поведения – своего или слушающего (You're making me self-conscious; Are you being deliberately vague?; Are you being funny?; Are you talking to me?; You're joking!; You're being a bit melodramatic; So...that's a no?; Is that a promise?; Are you trying to say...?; What are you doing? Threatening me?; Are you saying that to try and make me feel better?; What makes you say that?; I'm not exaggerating a bit;

I'm not threatening you, I'm warning you; I'm serious. I mean it; I'm sorry to hear that; It's kind of you to say so; Why did you ask all those pointless questions?; Your mind is so narrow. You're so narrow, so predictable; You're always quick enough to find fault; Why are you always trying me out?);

- выражение понимания / непонимания (I see what you mean; What are you talking about?; What's so funny?);
- выражение эмоционального состояния (I tell you; I'm telling you; I can tell you; Tell me another!; You're telling me!; You don't say!).

Кроме синтаксических средств управления ходом беседы, форматирование метадискурса осуществляется высказываниями, выражающими метазнание о межличностных отношениях между говорящими, проявляющихся в данной беседе. В первую очередь к ним относятся средства установления контакта.

Как уже указывалось в теоретической главе диссертации, в большинстве имеющихся исследований метакоммуникации суть передаваемых в ней сообщений трактуется через призму понятия фатического общения и вежливости. Метакоммуникация понимается в этих исследованиях как коммуникация, направленная на установление контакта с собеседником посредством демонстрации дружеских намерений по отношению к нему.

Такая трактовка опирается, во-первых, на концепцию коммуникативного акта Р.О. Якобсона, а именно на его понятие фатической функции языка сообщения. Во-вторых, данное понимание метакоммуникации учитывает теорию вежливости и ее два основных вида: позитивную и негативную вежливость [Brown, 1987]. Средства позитивной вежливости, согласно П. Браун и С. Левинсону, направлены на сохранение позитивного лица собеседника (его самоуважения); к ним относятся комплименты и оценочные высказывания с мелиоративной семантикой. Средства негативной вежливости возвращают собеседнику отнятое при обращении к нему (например, с просьбой) негативное лицо (право не быть потревоженным); к ним относятся высказывания, включающие особые формы негативной вежливости (please, thank you, could you please и т.п.).

Как уже указывалось, в нашей работе мы принимаем более широкий подход к метакоммуникации (Г. Бейтсон, П. Вацлавик и др.). Согласно принятому подходу, метакоммуникация включает в себя любой тип межличностных отношений между говорящими. Межличностные отношения требуют объяснения в каждой конкретной беседе, поскольку влияют на ее общее содержание и развертывание.

Так, в следующем примере отсутствие форм вежливости не означает, что собеседники относятся друг к другу недружелюбно; напротив, это свидетельствует об их близости, более глубокой, чем простая вежливость:

“I told Gina that it was very likely that Thea wouldn’t be here today. Just her lawyer. I’m sure...”

Mitch held up one hand, cutting Wayne off. “You told Gina?”

“Hmmm. Yesterday, I think. I made a note somewhere of when I called” (Goodman, 2-3).

На данном примере мы убеждаемся, что использование языка является совместной деятельностью, требующей постоянной координации составляющих ее более мелких проектов (термин Г. Кларка), реализующихся в дискурсе в виде смежных пар и последовательностей. Уэйн обращается к Митчу с репликой, содержащей три минимальных репликовых единицы, две из которых составляют ассертивный речевой акт (I told Gina that it was very likely that Thea wouldn’t be here today. Just her lawyer). Любому высказыванию в принципе, по мнению Кларка, сопутствует стоящий за ним, не выраженный на поверхностном уровне вопрос (Вы понимаете, что я под этим имею в виду? Вы слышите, распознаете, понимаете это сейчас?) [Clark, 1996, p. 243].

Таким образом, при форматировании метадискурса на глобальные метаотношения «Я говорящий – Ты слушающий» должны наслаиваться также отношения «Я производящий осмысленное сообщение – Ты идентифицирующий сообщение, понимающий его смысл и адекватно на него реагирующий». Эти метасмыслы формируются в беседе пошагово – с каждой последующей репликой. В анализируемом примере Уэйн производит две репликовых единицы беспрепятственно – в соответствии с принципом экономии усилий и принци-

пом минимально достаточных свидетельств со стороны собеседника, что некое действие успешно совершено [Clark, 1996, p. 224; 2004b]. Очевидно, что до определенного момента ничего в невербальном поведении Митча не настораживает Уэйна и не сигнализирует о проблемах в форматировании необходимого метаотношения. Однако, начав третью репликовую единицу (I'm sure...), Уэйн ее не заканчивает, и ее смысл остается неясным в связи с прерывающим жестом собеседника (Mitch held up one hand, cutting Wayne off) и его вопросом (You told Gina?), который является повтором части реплики Уэйна и инициирует побочную последовательность с целью уточнения. Жест поднятия руки сигнализирует собеседнику, что он должен остановить высказывание, и одновременно выражает просьбу слушающего о смене коммуникативных ролей. Переспрос в данном случае выражает в свернутом виде примерно следующие пропозиции: «Я не уверен, что ты сказал “Я сказал Джине”. Подтверди, что ты сказал “Я сказал Джине”». Под воздействием данных дополнительных метасмыслов течение интеракции принимает новое направление: Уэйн производит сигнал подтверждения (Hmmm), а также сообщает о конкретных обстоятельствах, связанных со звонком, что призвано убедить собеседника в его искренности и отсутствии ошибки. Таким образом, упомянутый жест, вопрос-переспрос и ответ на него в виде подтверждающего сигнала выступают здесь в качестве метадискурсивных сообщений, фиксирующих и корректирующих возникший сбой в коммуникации – сбой в формировании минимально необходимого для передачи фактуальных смыслов метасмысла понимания. Если рассматривать данный пример с точки зрения межличностных отношений, то использование невербального метадискурса (жест) и очень экономный вербальный метадискурс, не содержащий каких-либо формул вежливости, свидетельствует о наличии между говорящими отношений достаточной степени близости.

Формальные средства выражения вежливости в некоторых случаях требуют иной интерпретации, отличающейся от конвенциональной. Так, в следующем примере высказывание, содержащее стандартную форму позитивной вежливости (Yes, dear), не направлено на поддержание позитивного лица собе-

седника, а наоборот, выражает невнимание, желание говорящей, чтобы ее оставили в покое.

His wife was already there.

“I’ve done my round”, he said.

“Yes, dear”.

“Everything coming along very nicely”.

“Yes, dear” (Waugh, 299).

Может показаться, пишет Кларк о подобных примерах, что такие обмены представляют собой стандартные соположенные (смежные) пары (adjacency pairs), однако это не так [Clark, 2004a, p. 372]. Говоря «Да, дорогой», говорящая имеет в виду не «Да, ты обошел территорию»; строго говоря, она не знает этого точно, не будучи свидетелем события. Скрытая пропозиция, стоящая за yes в данном случае: «Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, говоря “Я обошел территорию”». Оба употребления yes здесь относятся не к содержанию предыдущих реплик как таковому, но к идентификации говорящей этого содержания («Да, я понимаю тебя достаточно хорошо для целей текущей интеракции»). Таким образом, yes в позиции, следующей за утверждением, выступает в роли сигнала подтверждения идентификации и понимания собеседником предыдущей реплики, из которого адресат, как правило, выводит импликацию «Пожалуйста, продолжайте». Поэтому, по-первых, это значит, что yes в данном случае выступает как сигнал обратной связи и выражает специфические метаотношения («Говорящий вовлечен в процесс интеракции в качестве слушателя, внимателен, просит продолжать»). Как мы уже упоминали в предыдущих разделах, такие сигналы играют важную роль в процессе совместного форматирования метадискурса, поскольку они «санкционируют» для говорящего продолжение расширенной реплики, «вмешиваясь» в нее минимальным образом – так, чтобы сознание говорящего только успело их зафиксировать.

Однако, помимо этого, в данных репликах можно усмотреть и выражение чувств говорящей по отношению к собеседнику. С одной стороны, там, где можно было бы обойтись фонетико-акустическим сигналом типа mm hm, говорящая употребляет синтаксически четко оформленную реплику (Yes, dear); с

другой стороны, повтор этой, пусть даже и синтаксически оформленной, реплики производит неприятное впечатление механического обмена: жена в разговоре с мужем могла бы реагировать более живо, заинтересованно и дружелюбно. Отсюда выводится ее безразличие или даже антипатия к собеседнику, то есть метаотношения «Я слушаю тебя, я все понимаю и со всем согласна, только оставь меня в покое».

Мы можем сделать вывод, что здесь метадикурс в виде синтаксически оформленной реплики (Yes, dear) используется двояко: во-первых, он выступает как средство управления беседой (а именно, как сигнал обратной связи), во-вторых, как средство выражения межличностных отношений. И то, и другое осуществляется на отчетливо ином уровне, нежели передача фактуальных смыслов.

Кроме средств установления контакта или выражения желания прекратить контакт с данным собеседником, выделяются и другие метасмыслы, передаваемые, в частности, в таких речевых актах, как:

- упрек (Don't be like that; Don't shout at me; Don't be aggressive; Don't be ridiculous; Don't be silly; Don't be so bitter; Don't say "Caroline" in that tone of voice; You don't have to blame me; Have I done anything to offend you?);
- возмущение (You've been telling lies again; Is that what you call it?; Are you being funny?; You're being a bit melodramatic; You're joking!; Are you doing this deliberately?; Are you being deliberately vague?; Are you threatening me?; How dare you speak to me like that?);
- удивление (Are you suggesting what I think you're suggesting?);
- извинение / оправдание (Sorry, I was being rude; I was joking; I forgot what I was going to say; I don't know how else to say it; That wasn't what I meant; I shouldn't say that in front of you);
- угроза (I'm warning you).

Дж. Серль пишет, что английский язык содержит более 5000 иллокутивных глаголов [Searle, 1979]. Естественно предположить, что все эти глаголы могут использоваться для фиксации отношений между говорящими, то есть для

выражения метасмыслов. Таким образом, наличие в разговорном дискурсе такого глагола, особенно в форме первого или второго лица или в повелительном наклонении, может служить косвенным признаком передачи метасмыслов. С другой стороны, как мы убедились, это не обязательно. Для идентификации метадискурса нам важны общие параметры – субъектоцентричная референциальная отнесенность пропозиций, либо выраженных на поверхностном (синтаксическом) уровне, либо выведенных из каких-либо фрагментов дискурса или из дискурса как целого посредством инференции, а также их функциональное предназначение, выражающееся в их использовании говорящими для управления ходом беседы, для выражения своих межличностных отношений (их установления, формирования, поддержания, изменения), либо для того и другого.

Итак, если фонетико-акустические и лексические средства форматирования метасмыслов интерпретируются не сами по себе, а в составе не выраженных на поверхностном уровне, свернутых высказываний, которые говорящие понимают благодаря своей интерпретирующей активности, а исследователь выводит на основе процедуры инференции, то синтаксические средства форматирования метасмыслов можно формально отграничить от синтаксических средств форматирования фактуального дискурса.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В данной главе нами была разработана линейная модель разговорного метадискурса на основе понимания разговорного дискурса как последовательности высказываний, попеременно передающих фактуальные и метасмыслы.

Выделены три параметра линейного форматирования разговорного метадискурса: фонетико-акустический, лексический и синтаксический, и показано, что фонетико-акустические, лексические и синтаксические средства формируют метадискурс в тесном взаимодействии друг с другом.

Сделан вывод, что в метадискурсе говорящие интерпретируют свое коммуникативное поведение по отношению к теме дискурса и друг к другу. Метадискурс имеет свои собственные референты и темы, отличающиеся от референтов и тем фактуального дискурса. В отличие от референтно-тематического и пропозиционального содержания фактуального дискурса, которое может быть сколь угодно разнообразным, референты, темы и пропозиции метадискурса фиксированы: это сам разговор, сама данная беседа и ее участники как адресант и адресат. В метадискурсе отмечается, насколько успешно или неуспешно протекает разговор, уместно или неуместно его фактуальное содержание, внимательны участники друг к другу или нет, заинтересованы или не заинтересованы в общении и т.д.

Определены обобщенные метасмыслы, имплицитно передаваемые фонетико-акустическими сигналами и интерпретируемые слушающим в контексте конкретной беседы.

При помощи метода пропозиционального анализа, позволяющего придавать контекстуальным значениям междометий пропозициональную форму, определен метадискурсивный характер значений, выражаемых многими междометиями, некоторыми союзами и наречиями, формирующими метадискурс на лексическом уровне.

Показано, что в отличие от фонетико-акустического и лексического, синтаксический параметр форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса указывает на наличие в дискурсе эксплицитно оформленных на язы-

ковом уровне метавысказываний, передающих метасмыслы об отношении говорящего к теме дискурса и собеседнику. Как и фонетико-акустические и лексические, синтаксические средства форматирования метадискурса направлены на пошаговое достижение понимания между участниками успешности / неуспешности своего участия во взаимодействии.

Установлено, что при наличии в составе разговорного дискурса средств выражения метасмыслов исследователь может формально отграничить формат метадискурса от формата фактуального дискурса, «вырезать» формат метадискурса «семантическими ножницами».

Определено, что между выделенными линейными параметрами форматирования разговорного метадискурса и уровнями языка нет полного совпадения, так как метадискурс передают не фонемы, а фонетико-акустические сигналы и вокализации; кроме того, классификация не включает морфологический параметр. Параметр является переменной величиной, поэтому в конкретных беседах исследователь может фиксировать различные проявления выделенных линейных параметров (например, не всех одновременно), а также отсутствие таких проявлений вообще.

Таким образом, в отличие от имеющихся работ, в которых подвергались описанию отдельные языковые средства, в разной терминологии – метаязыковые, метадискурсивные, метакоммуникативные (но при этом вообще не рассматривались фонетико-акустические средства), в данной главе эти средства впервые систематизированы и проанализированы не как отдельные вкрапления в беседу, а как метадискурс, совокупность метавысказываний, создающих самостоятельный дискурсивный формат.

ГЛАВА III. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПАРАМЕТР ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА

3.1. Недостаточный интерпретирующий потенциал линейной модели форматирования разговорного метадискурса и важность пространственного параметра

В предыдущей главе мы предложили линейную модель разговорного метадискурса, учитывающую прежде всего его структурную языковую составляющую. Согласно этой модели, метакоммуникация в процессе беседы и производимый в ней метадискурс связаны с коммуникацией и фактуальным дискурсом и имеют дополнительный характер «другого» дискурса, метасообщения о ходе беседы и складывающихся между участниками отношениях.

Линейная модель позволяет объяснить явные случаи разделения разговора на фактуальный дискурс и метадискурс и определить характер отношений участников. В приводимом ниже примере (метадискурс в нем выделен) фактически разворачиваются параллельно друг другу две беседы: первая из них фактуальная, организованная должным образом, согласно Кооперативному Принципу, в которой запрашивается и предоставляется информация. Именно такое «идеальное» речевое взаимодействие предполагает Кооперативный Принцип П. Грайса, ставящий во главу угла учет интересов адресата. Как пишет Грайс, он «сформулировал постулаты таким образом, будто целью речевого общения является максимально эффективная передача информации» [Грайс, 1985, с. 224]. Наряду с первой разворачивается вторая беседа – метабеседа; ее можно вычленивать – «вырезать ножницами», используя термин А. Вежбицкой. В метабеседе говорящие делают референтами самих себя, свои отношения. П. Грайс признает целесообразность нефактуального типа беседы: «естественно, это определение слишком узко, и все построение должно быть обобщено в применении к таким общим целям, как воздействие на других людей, управление их поведением и т.п.» [Грайс, 1985, с. 224]. В примере наблюдается явное управление одной собеседницей другой:

“So what is he like?” asked Caroline.

Kate smiled. **“You are impossible, you really are”**.

“Answer the question. I want to know what kind of man you’re keeping with. **Tell me all”**.

“There’s nothing to tell”.

“Not much, there isn’t. You’ve come the colour of my nail varnish”.

Kate gave in. **“He’s quite tall”**.

“How tall?”

“Five foot ten-ish”.

“Hair?”

“Yes”.

“Don’t get clever. What colour?”

“Fair-ish”.

“Eyes?”

“Blue-ish”.

“Age?”

“Mid-thirties-ish”.

“And I suppose if I were to ask what kind of car he drove **you’d say** it was **fast-ish. Are you being deliberately vague?”**

Kate smiled, **“He drove a Porsche and it was silver grey-ish”**.

They both laughed (James-1, 238).

Линейная модель позволяет интерпретатору выделить в данной беседе структурный формат метадискурса и на основе входящих в него высказываний определить стоящие за ними метасмыслы. Речевые акты приказа (Answer the question; Tell me all), обвинения (Are you being deliberately vague?), угрозы (Don’t get clever) в метадискурсе Кэролайн передают сообщение о том, что она управляет собеседницей, вправе отдавать ей приказы и требовать их исполнения.

Инициатива в метакоммуникации принадлежит только Кэролайн. Причиной инициирования ею метадискурса становится коммуникативная неудача, которую она терпит в самом начале диалога, когда Кейт ставит под сомнение ее

право контроля над собой (*You are impossible, you really are*). За этим высказыванием стоят метапропозиции («С тобой невозможно разговаривать», «Эта беседа невыносима»). Ожидания спрашивавшей нарушены: коммуникации «по Грайсу» не происходит. Она получает ответы, но они малоинформативны и звучат уклончиво вследствие использования собеседницей суффикса *-ish*, к тому же его повторение имплицитно выражает насмешку со стороны отвечающей. Эта насмешка, с одной стороны, выражает определенного рода неаффилиативное, нетолерантное метаотношение, а с другой подвергает сомнению высказываемые фактуальные смыслы. Это не остается без внимания Кэролайн, чье завершающее метадискурсивное высказывание выражает понимание ею протеста подруги, ее сопротивления оказываемому на нее давлению (*And I suppose if I were to ask what kind of car he drove you'd say it was fast-ish. Are you being deliberately vague?*) И все же сформатированный метадискурс позволяет Кэролайн практически восстановить статус кво: в последней реплике ее собеседницы наблюдается ее возврат к информированию, к полному ответу на поставленный вопрос, хотя вновь использован суффикс со значением приблизительности *-ish*, уже в качестве завершающей безобидной шутки (а безобидной эта шутка становится ввиду уже произведенного метадискурса, эксплицировавшего метаотношение «Ты шутишь – Я понимаю, что ты шутишь»). Кроме того, совместный смех в конце, который, как было установлено в предыдущей главе, относится к разряду фонетико-акустических метадискурсивных средств, также сигнализирует о некоем примирении, принятии метаотношений «доминирующая подруга – подчиняющаяся подруга» за метаотношения «дружелюбная подруга – дружелюбная подруга».

Квинтэссенция линейной модели – процедура применения «семантических ножниц» – позволяет представить соотношение фактуального дискурса и метадискурса в данной беседе в виде следующей таблицы (см. Таблицу 4 на следующей странице).

Структурно отграничив формат метадискурса от формата фактуального дискурса и определив основные метасмыслы участников («дружелюбие»,

Таблица 4. Различие смыслов, формируемых фактуальным дискурсом
и метадискурсом

	Фактуальные смыслы: запрос и передача информации	Метасмыслы: дружелюбие, доминирование, подчинение
C.	So what is he like?	
K.		You are impossible, you really are.
C.		Answer the question. I want to know
	what kind of man you're keeping with.	
		Tell me all.
K.		There's nothing to tell.
C.		Not much, there isn't. You've come the colour of my nail varnish.
K.	He's quite tall.	
C.	How tall?	
K.	Five foot ten	-ish.
C.	Hair?	
K.		Yes.
C.		Don't get clever.
	What colour?	
K.	Fair-	-ish.
C.	Eyes?	
K.	Blue-	-ish.
C.	Age?	
K.	Mid-thirties-	-ish.
C.		And I suppose if I were to ask <...>
	what kind of car he drove <...> it was fast	you'd say -ish
		Are you being deliberately vague?

К.	He drove a Porsche and it was silver grey-	-ish.
----	--	-------

«доминирование», «подчинение»), мы все же не можем в рамках линейной модели объяснить, почему формируются именно эти, а не другие метасмыслы. Линейная модель не обладает достаточным интерпретирующим потенциалом и не позволяет сделать однозначный вывод об отношениях участниц, а именно: находятся ли они в равных отношениях и просто шутят или же они находятся в отношении «доминирование – подчинение». Для правильной интерпретации формируемого метазнания необходим анализ множества их бесед, то есть анализ метадискурсивного пространства данной беседы.

Обращение к литературному произведению, из которого взят данный пример, показывает, что давление Кэролайн на собеседницу связано с привычкой получать удовлетворяющие ее ответы от данной подруги. Ее удивляет неожиданный протест, который не соответствует норме. Н.Д. Арутюнова пишет: «Человек воспринимает мир избирательно и, прежде всего, замечает аномальные явления <...>. Было бы неэкономно доводить до сведения других обо всем, что соответствует норме. Сообщают и доносят о девиациях» [Арутюнова, 1988, с. 300].

Кэролайн, вступив когда-то в дружбу с Кейт, требует от нее соответствующих этому статусу демонстраций: открытости, доверия, откровенности. Однако над дружескими, доверительными, фамильярными отношениями все же главенствуют отношения «доминирование – подчинение», именно поэтому Кэролайн требует от Кейт полного отчета. Закрепленные в многочисленных интеракциях отношения не могут измениться в пределах одной беседы: выраженный Кейт метасмысл «Я не хочу с тобой разговаривать об этом мужчине» в начале беседы заменяется метасмыслом «Я подчиняюсь твоему давлению и даю нужную тебе информацию» в конце.

С точки зрения пространственного параметра фактичность (окружающий мир и его объекты как референты) отступает на задний план. Более важными

для говорящих оказываются они сами как субъекты дискурса и согласовываемые и восстанавливаемые между ними по ходу беседы метаотношения «доминирующий – подчиняющийся». Соответственно, пространственный параметр форматирования метадискурса требует отдельного изучения.

3.2. Пространственная модель форматирования разговорного метадискурса

Понятие пространства широко используется в современной лингвистике: выделяют пространство текста [Топоров, 1983], ментальные пространства [Faconnier, 1994], пространство языка [Степанов, 1985; Кубрякова, 2004], дискурсивное пространство [Лухъенбурс, 1996; Казыдуб, 2006; Плотникова, 2018; Лушникова, 2013; Moulin, 1995], коммуникативное пространство [Гаспаров, 1996; Почепцов, 2001; Плотникова, 2008] и др.

Впервые мысль о возможности анализа текста с применением понятия пространства была высказана В.Н. Топоровым в начале 80-х гг. XX в. Согласно его теории, текст и пространство соотносятся двояко. С одной стороны, текст обладает признаком пространственности; он пространствен постольку, поскольку он входит в множество, понимаемое как пространство Лейбница – нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей. Пространство определенного рода текстов создается, конституируется ими. С другой стороны, само пространство является текстом, так как оно наполнено смыслами (например, мифопоэтическое пространство) и может быть понято как сообщение [Топоров, 1983, с. 226-227].

Эти два подхода к текстовому пространству явились основой теории дискурсивного пространства С.Н. Плотниковой. Вместе с тем, по ее мнению, дискурсивное пространство обладает своей собственной спецификой в силу сложной природы самого дискурса как явления. Она относит дискурсивное пространство не только к текстам и считает, что произошедшая в последнее время интеграция лингвистики текста и лингвистики дискурса привела к тому, что равноправными объектами изучения лингвистики дискурса стали письменная

речь и текст как ее обработанный и завершённый продукт, а также устная речь и разговор (беседа, диалог). С.Н. Плотникова определяет дискурсивное пространство как пространство не только текстовое, но и пространство разговора, разговорного дискурса [Плотникова, 2018].

Дискурсивное пространство понимается как среда сосуществования и функционирования неких дискурсов, например, принадлежащих одному автору или посвященных одной теме. Дискурсивное пространство – это сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов [Плотникова, 2008; 2018]. По выражению Г.И. Лушниковой, дискурсивное пространство – это интегративное образование, системный субстрат, в котором происходят процессы реального речепроизводства [Лушникова, 2013].

Понятие дискурсивного пространства в трактовке С.Н. Плотниковой позволяет анализировать разговорный метадискурс с точки зрения его существования среди других, предшествующих ему метадискурсов, в аспекте их взаимодействия. Вводя понятие метадискурсивного пространства, мы будем устанавливать связи конкретного метадискурса в рамках дискурсивной системы, существующей в пространственном измерении.

Мы также опираемся на понятие дискурсивного пространства Б. Мулина. В его трактовке, дискурсивное пространство (*discourse space*) представляет собой прагматическую форму контекста, в котором происходит порождение и интерпретация дискурса. Например, высказывание *I love you* входит в разные дискурсивные пространства, когда Джон говорит это Мэри и когда актер говорит это актрисе в фильме. Говорящий помещает свой дискурс в контекст / дискурсивное пространство, а задача слушающего или интерпретатора – определить контекстуальную / пространственную отнесенность дискурса, чтобы правильно позиционировать себя по отношению к полученной информации [Moulin, 1995].

Принимаемые нами теории, на наш взгляд, являются взаимодополнительными. С точки зрения сосуществования дискурсов в примере Б. Мулина дискурс Джона входит в пространство признания в любви, а дискурс актера в фильме – в пространство фикционального дискурса. Соответственно, интерпре-

татор должен понять не только смысл произносимых высказываний, но также тот смысл, который придается этим высказываниям окружающим их дискурсивным пространством, их прагматическим контекстом.

Понятие дискурсивного пространства как прагматического контекста можно также соотнести с введенным Н.Н. Болдыревым понятием когнитивного контекста как контекста знаний, включающего в себя определенные концептуально-тематические области, в пределах которых осуществляется интерпретирующая и дискурсивная деятельность [Болдырев, 2017а].

Из трех проанализированных понятий мы выбираем понятие «метадискурсивное пространство», определяя его как среду сосуществования интегративного множества метадискурсов, а также как когнитивный и прагматический контекст интерпретации метасмыслов.

При этом считаем необходимым ввести дополнительно понятие «эго-пространство» в его трактовке Н.Н. Болдыревым и И.Ю. Безукладовой. Эго-пространство организуется вокруг человека; в таком пространстве особенности концептуализации и взаимодействия концептуальных и языковых структур обуславливаются лингвокреативной деятельностью человека, креативностью его мышления при когнитивном освоении пространства и создании эго-пространства [Болдырев, 2018, с. 72-73].

В разговорном дискурсе метадискурсивное пространство – это, в первую очередь, эго-пространство каждого участника и взаимодействие, слияние эго-пространств участников.

Опираясь на вышеизложенные положения, мы предлагаем пространственную модель форматирования разговорного метадискурса (см. Схему 4 на следующей странице).

С точки зрения понимания пространства как среды сосуществования дискурсов данная схема позволяет объяснить, что метадискурс, формируемый в конкретной беседе, сосуществует в общем пространстве с множеством ранее сформированных метадискурсов.

Схема 4. Пространственная модель форматирования разговорного
метадискурса

С точки зрения понимания пространства как когнитивного и прагматического контекста, в данном случае, контекста метазнания, метадискурс, формируемый в конкретной беседе, соотносится с закрепленным в эго-пространстве метазнанием об отношениях говорящих и с их прагматическим выбором данных отношений.

Возвращаясь к примеру, проанализированному в предыдущем разделе, с помощью линейных параметров метадискурс говорящих может быть сформирован как сообщение об их дружбе, а с помощью пространственного параметра — как сообщение о том, что одна из них выступает в роли доминирующей, а другая — подчиняющейся. Тем самым, структурное и пространственное форматирование разговорного метадискурса могут объективироваться в разных метасообщениях.

Метадискурсивное эго-пространство выступает как одновременно когнитивный и прагматический контекст, необходимый для интерпретации той или иной конкретной беседы. В частности, в примере Г. Гарфинкеля, проанализированном в разделе 1.5, характерное для говорящей эго-пространство враждебного метадискурса позволяет объяснить, почему она предпочитает враждебный дискурс в этом конкретном разговоре; такой дискурс когнитивно закреплен в ее сознании и является ее прагматическим выбором.

В линейной модели метадискурс определяется как вторичный, поскольку он структурно возникает как вторичное сообщение – дополнительное, сопровождающее первичное сообщение о новости в мире. Но вместе с тем конструирование метадискурса является осознанным и заранее спланированным со стороны экспериментатора, который, собственно, и вступает в разговор ради выяснения реакции на свой метадискурс, то есть в иерархии сообщений для данного собеседника метадискурс первичен. То же самое можно сказать и о его собеседнице, поскольку ее метадискурс враждебности, скорее всего, относится не только к данному конкретному собеседнику, но характерен для ее взаимодействия с людьми в целом. Иными словами, тип метадискурса, свойственный ей в наибольшей степени, актуализируется во множестве конкретных разговоров, и в этом смысле его можно назвать первичным. Это двуединство – не только вторичный, но и первичный характер метасообщений в разговорном дискурсе – будет раскрыто нами в дальнейшем анализе языкового материала.

Дополнение линейной модели пространственной моделью позволяет расширить понимание разговорного метадискурса, поскольку пространственная модель репрезентирует метадискурс как главенствующий над фактуальным дискурсом и неустранимый, а также как проникающий в фактуальный дискурс своими метасмыслами. Сущность метадискурса в рамках представленной модели мыслится как смещение фокуса, перенос референции из тематической сферы в сферу личностных качеств и характеристик идентичностей говорящих. Форматирование метадискурса является результатом извлечения говорящими смыслов из метадискурсивного эго-пространства – уже существующего или создаваемого / изменяемого во время данной конкретной беседы.

3.3. Специфика пространственных метасмыслов: концептуализация метаотношений говорящих

Пространственная модель разговорного метадискурса выдвигает в фокус исследовательского интереса проблему анализа специфики передаваемых пространственных смыслов в их полном объеме, с учетом имплицитных метасмы-

слов, извлекаемых из уже сформированного или формируемого метадискурсивного пространства.

Наблюдаются беседы, в которых, со структурной точки зрения фактуальный дискурс практически не переплетается с метадискурсом, и хотя они вычлениются как два отдельных формата беседы, все же анализ с использованием линейной модели обладает недостаточной объяснительной силой, и лишь анализ в рамках пространственной модели позволяет установить метаотношения говорящих и сущность метадискурса во всей его глубине.

В частности, линейная модель не позволяет в полной мере интерпретировать метадискурс в примерах следующего типа:

“Hello. Is that Laurence Olivier Productions?”

“Yes. Can I help you”.

“Is Sir Laurence there?”

“No, I’m afraid he’s in America until the end of the week”.

“Oh. Thank you. I’ll ring next week”.

“Any message?”

“No thank you” (Clark, 31-32).

Перед нами сугубо информативный диалог. Минимально присутствующие в разговоре метадискурсивные элементы (Hello; Oh; Thank you; I’m afraid) носят конвенциональный характер. Вслед за А. Вежбицкой их можно назвать «метаорганизаторами высказываний» [Вежбицкая, 1978, с. 403-405].

С помощью «семантических ножниц» в данном случае можно «вырезать» слой метадискурса, то есть второй, дополнительный слой в линейной модели разговорного дискурса. «Вырезанный» таким способом метадискурс дает информацию об отношениях «говорящий – слушающий», а также «запрашивающий информацию – дающий информацию». Совершенно очевидно, что эти отношения относятся к разговорному метадискурсу в целом, а не только к анализируемому примеру, то есть в данном случае линейная модель не обладает необходимой объяснительной силой.

Интерпретируя анализируемый пример в свете пространственной модели, можно определить базовые метаотношения, то есть отношения, надстраиваемые над указанными выше. Эти метаотношения заданы институциональными ролями собеседников: «представитель социального института – клиент».

Пространственная модель помещает данную беседу в распределенную систему дискурсов, в которых метаотношения участников концептуализируются через концепты *вежливость*, *доброжелательность*, *почтительность*. Доброжелательный метадискурс в такой распределенной дискурсивной системе форматируется вне конкретной беседы, то есть не в каждом конкретном разговоре, а в постоянно создаваемом и пополняемом дискурсивном пространстве, в рамках широкого когнитивного контекста как контекста знаний об особенностях институционального взаимодействия и прагматического контекста, благодаря которому каждый из говорящих мотивированно ориентируется на доброжелательное общение. Участники беседы извлекают из метадискурсивного пространства, сформированного множеством других бесед такого типа, имплицитные метасмыслы, связанные с сотрудничеством. Каждый из них понимает, что и как он может сказать в такой беседе конкретному собеседнику. Н.Н. Болдырев называет это концептуальным взаимодействием коммуникантов, соответствием их концептуально-тематических областей, настройкой их концептуальных систем относительно друг друга и условий коммуникации [Болдырев, 2015; 2016а].

Метасмыслы, с помощью которых концептуализируются метаотношения говорящих, закрепляются в их метапамяти. Понятие метапамяти определяется в когнитивной науке как вытекающее из понятия метакогниции и связанное со стратегиями совладания, с помощью которых человек справляется с трудными ситуациями. Характеристикой метапамяти человека является его знание о своем собственном знании, способность оценивания своих действий и контроля над ними [Холодная, 2010; Фурс, 2017; Flavell, 1975; Nelson, 1990; Schwartz, 1994].

Именно метапамять лежит в основе планирования будущей беседы менеджером по продажам фильтров для воды (S – Sales manager) с новичком (R –

Recruit), которого он детально инструктирует относительно технологичного проведения встречи с потенциальными покупателями.

S: First, identify your customer. Find out exactly where the customer lives – and before you go, check your appearance.

R: Sort of smart but casual?

S: Exactly! No way-out, scruffy clothes, but not too prosperous either, if you see what I mean! Then the kit – you must take all the equipment you need for the water test ... and you must look enthusiastic and smile! The right attitude is vital.

Spend the first two minutes greeting the occupants of the house. This greeting stage is vital. Better to see a husband and wife together, ideally, and *don't* prejudge what kind of people they might be. You'd probably be wrong! You'll hear the usual objections at the door but introduce yourself politely and keep smiling!

The first thing you do is make friends, then identify any problems your new 'friends' may have and find out what they need and really want. Once you've done this, you'll find it easy to start selling. You need to qualify the company really. Now comes the time to ask questions.

R: What kind of questions?

S: Oh, things like 'How long have you lived here?' – you can probably use the answer later! Do you work locally? And a very important one: 'Are you the sole owner of the property?'

R: The sole owner? Oh, yes, of course. If there are several people sharing the premises, it's more difficult for one alone to make a decision.

S: It's impossible! The next stage is scene setting. In fifteen minutes you should have set the scene for your sales pitch. At this particular stage you should watch for any barriers, such as finding the necessary money, deposit, etc. The next five minutes you should spend qualifying the product and gently insisting that you need a decision that night.

R: And when do you mention the price?

S: Only at the thirty to forty minute stage – when you approach the trial closing. You're still selling the product but on your way to closing the deal.

R: So the trial closing is a kind of practice run?

S: In a way, yes. The actual closing gives you a final opportunity to handle any remaining objections.

R: What kind of objections might there be at this closing stage? I would have thought that by this point...

S: No, no. Never assume anything. The reluctant customer will always keep one or two remaining objections up his sleeve to try and squeeze out at the last minute but you can deal with this by using as many closes as you need.

R: And what about the final stage?

S: Well, this is what we term 'consolidate'. You check the order form and the customer copy, be reassuring, and, most importantly, tell them what happens next. They'll be eager for further details. When you've gone through what the next step is, talk about something completely different, then thank them for their hospitality and tell them that you'll see them when the product is installed. Any questions?

R: Er... dozens but I can't quite pin them down at the moment...

S: Well, good luck and remember – your first sale is always the best!

R: Yes, if you ever make one! (Gude, Duckworth, 84)

Приведенный пример доказывает, что метасмыслы могут форматироваться в пространстве отдельно от пространства данной конкретной беседы. Здесь мы можем проследить их форматирование на уровне метаотношений, которые затем будут реализованы в последующей беседе с потенциальными покупателями.

Наставник обучает новичка правилам ведения разговора с потенциальным клиентом / клиентами, налаживанию контакта (фатическому общению), обучающийся внимательно слушает и пытается запомнить, так как его поведение в разговоре носит активный и заинтересованный характер: он неоднократно задает уточняющие вопросы с целью получения более подробных разъяснений. Подобному технологичному общению обучают персонал фирм, поскольку от характеристик этого общения зависит результативность работы служащих. Выражение институциональной вежливости к клиенту и получение от него соответствующей ожиданиям реакции свидетельствуют об уровне метадискурсив-

ной компетенции персонала; эта компетенция вырабатывается в метадискурсивном пространстве, охватывающем собой множество подобных институциональных разговоров. Такое общение считается технологичным, то есть подразумевает осознанное, спланированное, обдуманное применение некой цепочки действий в дискурсе с целью управления собеседником, избежания случайностей и гарантии возобновляемости успеха, достижения желаемой цели. Понятие технологизации дискурса (technologisation of discourse) ввел Н. Фэрклоф, охарактеризовав ее как тенденцию, характерную для современного общества, включающую в себя анализ существующих успешных дискурсивных практик, создание новых в зависимости от целей конкретной фирмы или социального института и обучение персонала этим созданным дискурсивным практикам [Fairclough, 1996]. В ходе разработки таких практик «планируется концептосфера будущего мира», дискурс кодифицируется, то есть происходит осознанное закрепление в памяти служащих принципов его порождения с целью его последующего автоматического воспроизведения в нужных обстоятельствах [Плотникова, 2006, с. 97]. Технология основывается на планировании дискурса, при этом она не обязательно предполагает конкретное языковое содержание, но общие принципы и приемы коммуникативного взаимодействия с адресатом [Плотникова, 2011, с. 25].

Приведенный пример интересен тем, что в нем детально обговаривается и планируется вербальный и невербальный метадискурс будущих бесед в рамках институциональных отношений «агент – клиент», из чего становится понятным большое значение, которое коммуниканты придают метадискурсу как средству пошагового управления собеседником и ситуацией общения. Будущий технологичный метадискурс закладывается на уровне концептуального взаимодействия (см. Таблицу 5):

Таблица 5. Предварительная концептуализация метаотношений «продавец – потенциальный покупатель» в виде конкретных метасмыслов

Планируемые метасмыслы будущего технологичного	Языковые средства форматирования метасмыслов в обучающей беседе
---	--

КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТАМИ, ФОРМУЛИРУЕМЫЕ В ВИДЕ ЗАДАЧ	
получить информацию о потенциальном покупателе заранее	<ul style="list-style-type: none"> • identify your customer • find out exactly where the customer lives
уделить внимание своему внешнему виду, одежде	<ul style="list-style-type: none"> • check your appearance • sort of smart but casual • no way-out, scruffy clothes, but not too prosperous either
иметь определенное выражение лица, улыбаться	<ul style="list-style-type: none"> • you must look enthusiastic and smile!
демонстрировать правильное отношение в целом	<ul style="list-style-type: none"> • The right attitude is vital. • be reassuring
правильно распределять стадии беседы во времени	<ul style="list-style-type: none"> • Spend the first two minutes greeting the occupants of the house. • Now comes the time to ask questions. • And when do you mention the price?
определить предпочтительный состав участников будущей беседы	<ul style="list-style-type: none"> • better to see a husband and wife together, ideally
не строить свой метадискурс и вообще взаимодействие исходя из имеющихся представлений / смыслов о людях, т.к. можно ошибиться	<ul style="list-style-type: none"> • <i>don't</i> prejudge what kind of people they might be. You'd probably be wrong! • Never assume anything.
противодействовать вероятному нежеланию разговаривать	<ul style="list-style-type: none"> • You'll hear the usual objections at the door but introduce yourself politely and keep smiling!
установить «дружеские» отно-	<ul style="list-style-type: none"> • The first thing you do is make friends, then

шения	identify any problems your new ‘friends’ may have and find out what they need and really want.
планировать конкретное содержание дискурса, в том числе нужные вопросы, ответы на которые могут помочь совершить продажу	<ul style="list-style-type: none"> • How long have you lived here? • Do you work locally? • Are you the sole owner of the property? • tell them what happens next • tell them that you’ll see them when the product is installed
выяснить наличие факторов, препятствующих совершению покупки	<ul style="list-style-type: none"> • At this particular stage you should watch for any barriers, such as finding the necessary money, deposit, etc.
быть готовым услышать возражения в последний момент и ответить на них	<ul style="list-style-type: none"> • The actual closing gives you a final opportunity to handle any remaining objections. • The reluctant customer will always keep one or two remaining objections up his sleeve to try and squeeze out at the last minute but you can deal with this by using as many closes as you need.
планировать фатический дискурс на определенных стадиях беседы	<ul style="list-style-type: none"> • This greeting stage is vital. • talk about something completely different • thank them for their hospitality

Помимо метадискурса в обучающей беседе планируется и будущий фактуальный дискурс: нужные вопросы, ответы на которые помогут совершить продажу (How long have you lived here?; Do you work locally?; Are you the sole owner of the property?), подготовка к демонстрации и собственно демонстрация товара (The next stage is scene setting. In fifteen minutes you should have set the scene for your sales pitch; In the first half-hour you should have gone through your demonstration), упоминание цены товара (And when do you mention the price? –

Only at the thirty to forty minute stage – when you approach the trial closing), другие высказывания определенного содержания (tell them what happens next; tell them that you'll see them when the product is installed). Но этот фактуальный дискурс планируется именно в рамке метадискурса: без соответствующего доброжелательного метадискурса невозможно будет осуществить цель фактуального дискурса – продать товар. Фактуальный дискурс планируется в метапространстве, которое должны конституировать такие метасмыслы, как *дружелюбие, доброжелательность, вежливость, энтузиазм, внимание, поддержка*. О жизненной важности этого метапространства для достижения цели свидетельствует ключевая пропозиция, высказываемая дискурсивным технологом: “The right attitude is vital”.

Так же, как и фактуальный дискурс, метадискурс бывает спонтанным, осуществляемым на основе неосознанного свободного выбора – это касается, например, метаотношений, закрепленных в сознании говорящего с детских лет и воспроизводимых им каждый раз при встрече с данным адресатом. Но иногда, чтобы получить какой-то результат – некое желаемое изменение референтной ситуации, – говорящему приходится прибегать к осознанному, технологичному применению метадискурса: тогда он заранее обдумывает и планирует свою метаконцептуальную позицию [Плотникова, 2009] в предстоящей беседе, прогнозируя нужную ему реакцию собеседника. При этом в ходе осуществления самой беседы подобные технологично устанавливаемые, специально организованные метаотношения выдаются за естественную, спонтанную стратегичность межличностного или институционального общения.

Именно это мы наблюдаем в рассматриваемом примере: осознанное, технологичное использование дискурса превращает его в средство изменения окружающего мира – управления собеседником и достижения нужного результата (продажи). Языковые средства, используемые менеджером в начале беседы (plan, a complete strategic approach) синонимичны научному понятию технологии. С этой точки зрения, вся беседа представляет собой не что иное, как пример воплощения третьей ступени процесса технологизации дискурса, по Н. Фэарклофу [Fairclough, 1996]: обучение персонала коммерческих фирм дис-

курсивным практикам, специально разработанным в соответствии с институциональными планами и целями.

Можно сделать вывод, что специфика пространственных метасмыслов состоит в концептуализации метаотношений говорящих – как межличностных, так и институциональных. Такая концептуализация, представляя собой осмысление говорящими своих концептуальных систем в аспекте их взаимодействия, становится возможной на основе интерпретации системы метасообщений, порождаемых в рамках распределенной системы дискурсов. Дискурсы объединяются в систему либо потому что их порождают одни и те же говорящие, либо потому что они принадлежат к одному и тому же типу бесед, например беседы между наставником и учеником, представителем социального института и клиентом. Таким образом, к списку метаконцептов, которые, по мнению Н.Н. Болдырева и О.Г. Дубровской, обуславливают содержание концептуальных систем говорящих и их дискурсов, а именно: *ценность, норма, роль, стереотип, языковой опыт* [Болдырев, 2016б], представляется возможным добавить также метаконцепт *метаотношения говорящих*.

Итак, пространственный параметр форматирования метадискурса представляет собой основанное на метапамяти распределение метазнания и метадискурса в эго-пространстве говорящего. Благодаря действию пространственного параметра метадискурс формируется как распределенная дискурсивная система в рамках широкого когнитивного и прагматического контекста интерпретации метасмыслов.

3.4. Концептуальное взаимодействие говорящих при установлении метаотношений

В предыдущем разделе мы рассмотрели специфику пространственных метасмыслов, заключающуюся в концептуализации метаотношений говорящих. Метаотношения могут находиться на разных стадиях развития. Рассмотрим примеры концептуального взаимодействия говорящих, реализуемого в ходе установления метаотношений:

“Thirty pence”, the butcher said, brusquely, wrapping them loosely in a sheet of paper. The Queen handed him a pound coin and he took the change from a bag of coins and handed it to her without a smile.

“May I have a carrier bag?” the Queen asked.

“No, not for thirty pence”, said the butcher.

“Oh well, thank you and goodnight”, said the Queen. She didn’t know how much it would cost to buy a carrier. She couldn’t risk spending perhaps twenty or thirty pence more.

The Queen said again, “Goodnight”.

The butcher turned his back and began to place the plastic parsley around the edge of the display shelves.

The Queen said, “Have I offended you in some way?”

The butcher said, “Look, you’ve got your thirty pence worth, just close the door behind you” (Townsend-3, 124-125).

Сюжет романа С. Таунсенд “The Queen and I” носит фантазийный характер: очередные парламентские выборы и смена политической власти в Великобритании приводят к низложению монархии. Все члены королевской семьи, включая королеву, лишены своих богатств, переселены в бедный район и вынуждены жить на социальное пособие. Участники беседы, фрагмент которой приведен, – бывшая королева и торговец мясом. Королева, у которой есть только три фунта, покупает кости для бульона. Несмотря на то, что разговор относится к бытовому общению, покупательница номинируется по ее политическому статусу (the Queen). Когнитивный контекст, который определяет ее интерпретацию происходящего, формируется доминирующей в ее сознании пропозицией «Я – королева»: она «задержалась» в этом статусе и производит привычный для нее политический дискурс «благосклонности», ожидая соответствующего почтительного дискурса реагирования от своего подданного. Однако прежние метасмыслы «благосклонность монарха – почтительность подданного», определявшие содержание политического дискурса, разрушены, и формирование прежнего метадискурса не встречает поддержки со стороны собеседника. Бывший подданный, уже осознавший новые межличностные отноше-

ния, в которых его социальный статус представителя среднего класса выше статуса женщины, живущей на пособие, настойчиво переводит бывшую королеву в пространство новых отношений, в новый когнитивный контекст. Таким образом, дискурсивное поведение говорящих определяется расхождениями в их когнитивном контексте, который для королевы формируют одни концептуально-тематические области (*монарх, благосклонное поведение, подданные, почтительное поведение*), а продавца – другие (*средний класс, пониженный социальный статус, небрежное / грубое поведение*). Для обоих участников происходит переформатирование метаотношений, установление их заново в силу изменившихся прагматического и когнитивного контекстов.

Приведенный пример примечателен в том смысле, что он демонстрирует диссонанс, расхождение между метадискурсивными ожиданиями одного из говорящих (королевы) и дискурсом ее партнера. Очевидны несоответствие ожидаемой прототипической беседе, отсутствие ритуальных формул почтительности, благодарности и прощания. Из фактуальной просьбы получить пакет для приобретенного товара (*May I have a carrier bag?*) и фактуального же отрицательного ответа (*No, not for thirty pence*) явно выводится метасмысл «недоброжелательность». Невербальный дискурс партнера сух и неэмоционален и выражает крайнюю степень недоброжелательности (*he said, brusquely; handed it to her without a smile; The butcher turned his back*). Его вербальный дискурс носит подчеркнуто фактуальный характер (*Thirty pence; No, not for thirty pence; Look, you've got your thirty pence worth, just close the door behind you*), в нем полностью отсутствует фатика. Ее полное демонстративное отсутствие порождает не прямой, имплицитный метасмысл «Я невежлив, потому что вы больше не королева». Смежная пара «прощание – прощание» не образуется; продавец молчит. Частичный повтор королевой своей реплики (*The Queen said again, "Goodnight"*) – реакция на молчание собеседника, продиктованная стремлением исключить наиболее простую причину молчания (он мог ее не услышать); она не подозревает его в намеренной грубости. Не получив ответа во второй раз и видя продавца, повернувшегося к ней спиной, королева, тем не менее, все еще не понимает, что ее статус и, соответственно, метаотношения с окружающими изме-

нились. Она по-прежнему благосклонна к своему подданному и величаво просит его ответить, не обидела ли она его (Have I offended you in some way?). Собеседник же никак не отвечает на заданный вопрос и не прощается, а дает выход своей грубости в прямом директивном речевом акте, побуждающем собеседницу закончить коммуникацию и уйти, не требуя от него соблюдения норм вежливости (Look, you've got your thirty pence worth, just close the door behind you).

Несогласованность метасмыслов приводит к сбою в сосуществовании фактуального и метадискурса – один из говорящих делает попытку вывести метасмыслы на поверхность и сделать их предметом обсуждения, но терпит неудачу. Беседа здесь переплетается с метабеседой, дискурсивное пространство – с метадискурсивным пространством, в силу чего фактичность (окружающий мир и его объекты как референты дискурса) отступает на задний план. Более важными для говорящих оказываются они сами и их устанавливающиеся на протяжении разговора новые метаотношения.

Рассмотрим еще один пример установления метаотношений между говорящими:

Outwardly friendly, we circled each other cautiously in conversation, watching each other from the corners of our eyes. Jamie's sister, Jamie's wife; Jamie was the central point, unspoken, about which our thoughts revolved.

Our conversation ran on casual lines, but with the words unspoken clearly heard beneath.

“You've run the house here alone since your mother died?”

“Oh, aye. Since I was ten.”

I had the nurturing and the loving of him as a boy. What will you do with the man I helped make?

“Jamie says as you're a rare fine healer.”

“I mended his shoulder for him when we first met.”

Yes, I am capable, and kind. I will care for him.

“I hear ye married very quickly.”

Did you wed my brother for his land and money?

“Yes, it was quick. I didn’t even know Jamie’s true surname until just before the ceremony.”

I didn’t know he was laird of this place; I can only have married him for himself.

And so it went through the morning, a light luncheon, and into the hours of the afternoon, as we exchanged small talk, tidbits of information, opinions, small and hesitant jokes, taking each other’s measure (Gabaldon, www.e-reading.club).

Прагматический контекст интерпретации данной беседы определяется следующими обстоятельствами: Клэр, недавно неожиданно вышедшая замуж за Джейми, знакомится с его сестрой Дженни, любящей его и игравшей до сих пор важную роль в его жизни. Соответственно, интерпретация высказываний определяется и заново образовавшимся когнитивным контекстом, и уже сформированным, а именно доминирующей в сознании собеседниц концептуально-тематической областью *Джейми*.

Их диалог представляет собой эксплицитный фактуальный дискурс, референтами которого ожидаемо становятся жизненные обстоятельства собеседниц: их занятия (You’ve run the house here alone since your mother died?; Oh, aye. Since I was ten; Jamie says as you’re a rare fine healer), обстоятельства знакомства Клэр и Джейми (I mended his shoulder for him when we first met), обстоятельства недавней женитьбы (I hear ye married very quickly; Yes, it was quick. I didn’t even know Jamie’s true surname until just before the ceremony). Реагируя на высказываемые фактуальные смыслы, собеседницы одновременно интерпретируют стоящие за ними имплицитные метасмыслы, которые выступают продуктом когнитивной обработки / интерпретации поверхностных, эксплицитно выраженных пропозиций. Художественное повествование позволяет репрезентировать результаты этой интерпретации в их внутреннем дискурсе. Утверждение сестры Джейми о том, что она с десяти лет вела хозяйство и заменила ему мать (Oh, aye. Since I was ten), интерпретируется Клэр как заявление прав на особые метаотношения с ее мужем и сомнение в способности Клэр заботиться о нем так же хорошо (I had the nurturing and the loving of him as a boy. What will you do with the man I helped make?). В свою очередь, Клэр, делая фактуальное утвер-

ждение об оказанной ею Джейми медицинской помощи при первой их встрече (I mended his shoulder for him when we first met), имеет в виду цель косвенно охарактеризовать себя с положительной стороны как добрую женщину, способную позаботиться о муже (Yes, I am capable, and kind. I will care for him). Утверждение о быстроте женитьбы (I hear ye married very quickly) звучит как не прямое обвинение в корысти (Did you wed my brother for his land and money?), а фактуальный ответ с уточнением (Yes, it was quick. I didn't even know Jamie's true surname until just before the ceremony) – как отрицание упомянутого обвинения как несостоятельного (I didn't know he was laird of this place; I can only have married him for himself).

Форматирование непрямого метадискурса в данной беседе отражает концептуальное взаимодействие говорящих в ходе установления между ними метаотношений. Это неизбежно требует настройки их концептуально-тематических областей относительно друг друга посредством увеличения общего фонда знаний друг о друге и прежде всего установления базовых метаотношений принятия или отвержения друг друга.

В следующем примере наблюдается установление метаотношений между социальным работником и ее новой подопечной.

Trish liked to give the impression to each client that she just happened to be passing by and had dropped in for a chat.

“Well, how *are* things?” Trish asked in a voice that invited confidences.

“Things are pretty frightful, actually”.

“So, how can I help you?” asked Trish, abruptly, now playing the practical, sensible Trish, the Woman Who Got Things Done (Townsend-3, 168-169).

Триш – работница социальной службы, одна из обязанностей которой состоит в посещении малообеспеченных граждан и выяснении истинного состояния их дел, а также предложении посильной помощи. Поэтому вопрос (How are things?), в подавляющем большинстве контекстов правильно трактуемый адресатами как фатический, то есть конвенциональный и в значительной степени десемантизированный, выражающий не столько дружеское, сколько приятельское отношение, не предполагающий искренних излияний или, во всяком слу-

чае, маскирующий, скрывающий степень искренности [Coupland, 1992; Žegarac, 1998; 1999; Senft, 2009], здесь, несмотря на четко закрепленную форму и доминирующую конвенциональную интерпретацию, понимается собеседником в большей степени как вопрос о фактологии – о реальном положении дел, что доказывает ее ответ (Things are pretty frightful, actually). Тем не менее, не будучи фатическим, он выражает метасмысл подлинной, хотя и институциональной, заинтересованности в истинном положении дел собеседницы, а последующий вопрос (So, how can I help you?) формулирует институциональное предложение помощи от человека, который хочет и может оказать помощь. Таким образом, в рамках данной беседы устанавливаются метаотношения «представитель социальной службы, интересующийся истинным положением дел подопечного и предлагающий посильную помощь – подопечный, дающий искренний ответ на вопрос о положении дел».

В следующем примере, взятом из документальной прозы, можно наблюдать установление деструктивных метаотношений:

At 11.30, APJ emerged. Close-cropped black hair, pugnacious, bad tempered, puffy face. Naturally no apology – not even good morning or hello. He looked at my car with great disgust and got in.

He was carrying one copy of every single newspaper you can buy, and these he proceeded to read until we were on the A4 by the airport. Then quite suddenly he wound down his window and threw the whole lot out. I could see them in my mirror, blowing all over the road, blinding other drivers. It seemed to me the single most anti-social act I had ever seen. I couldn't resist a protest.

“In England we do not normally behave like that», I said icily”.

“Whadja talking about?”

“Throwing all those newspapers out of the window. They caused a terrible mess”.

“I've finished with them”.

Nothing more to say.

I can't believe everyone does that in America. He's just a totally egocentric and insensitive boor, and that's that (Clark, 40).

Еще до начала вербального общения собеседник оценивается как драчливый, воинственный (*ugnacious*), раздражительный (*bad-tempered*), обладающий неприятной внешностью – одутловатым лицом (*puffy face*), что он и подтверждает невежливым отношением к нижестоящему (*Naturally no apology – not even good morning or hello; looked at my car with great disgust*). Таким образом, с первых мгновений встречи формируются взаимно неодобрительные метаотношения на фоне неприемлемого поведения (*he wound down his window and threw the whole lot out*), оценку которого нижестоящий может позволить себе лишь во внутреннем дискурсе (*It seemed to me the single most anti-social act I had ever seen*). Сделанное ледяным тоном (*icily*) замечание-упрек (*In England we do not normally behave like that*) является косвенным: нижестоящий понимает, что ему следовало бы от него удержаться (*I couldn't resist a protest*). Однако этот метасмысл не интерпретируется, вышестоящий искренне не понимает, о чем идет речь, а, поняв, что реплика касалась выброшенных газет, считает исчерпывающим эгоистичное объяснение (*I've finished with them*). Передача на письме особенностей произношения (*Whadja talking about?*) служит дополнительным средством выражения негативного отношения к собеседнику. Как итог этой краткой беседы, в его сознании формируется отрицательная характеристика партнера своего босса как совершенно эгоистичного, бесцеремонного хама (*a totally egocentric and insensitive boor*). Так, в рамках короткой беседы устанавливаются и формируются метаотношения: со стороны нижестоящего – неодобрение, критичность, враждебность, со стороны вышестоящего – равнодушие, безразличие. Нетрудно представить, что дальнейшие интеракции данных коммуникантов будут проходить в этом установленном метапространстве.

Итак, концептуальное взаимодействие говорящих в процессе установления / первичного форматирования и реформатирования метаотношений испытывает влияние прагматического, ситуационного, контекста и характеризуется активным изменением когнитивного контекста, настройкой концептуальных систем говорящих относительно друг друга.

3.5. Концептуальное взаимодействие говорящих при поддержании метаотношений

Концептуальное взаимодействие говорящих при поддержании метаотношений отличается тем, что оно по большей части проходит в рамках уже установленного ранее когнитивного контекста. Само понятие поддержания метаотношений предполагает уже сложившееся совпадение концептуальных систем и эго-пространств говорящих в беседе. Форматирование уже существующих гармоничных метаотношений (гармоничных в широком смысле слова, то есть комплементарных, устраивающих обоих коммуникантов) не сопровождается значительной борьбой за метасмыслы и, во всяком случае, не приводит к разрушению метапространства.

В качестве примера подобного взаимодействия можно привести разговор Дика и Николь (мужа и жены), которые говорят о знакомой молодой актрисе Розмэри, в которую, как Николь справедливо подозревает, Дик влюблен:

An unfamiliar impatience settled on Dick; suddenly Nicole said:

“It seemed too bad to leave Rosemary like that – do you suppose she'll be all right?”

“Of course. She could take care of herself anywhere –” Lest this belittle Nicole's ability to do likewise, he added, “After all, she's an actress, and even though her mother's in the background she *has* to look out for herself.”

“She's very attractive.”

“She's an infant.”

“She's attractive though.”

They talked aimlessly back and forth, each speaking for the other.

“She's not as intelligent as I thought,” Dick offered.

“She's quite smart.”

“Not very, though – there's a persistent aroma of the nursery.”

“She's very – very pretty,” Nicole said in a detached, emphatic way, “and I thought she was very good in the picture.”

“She was well directed. Thinking it over, it wasn't very individual.”

“I thought it was. I can see how she'd be very attractive to men.”

His heart twisted. To what men? How many men?

– Do you mind if I pull down the curtain?

– Please do, it's too light in here.

Where now? And with whom?

“In a few years she'll look ten years older than you.”

“On the contrary. I sketched her one night on a theatre program, I think she'll last” (Fitzgerald, 208-209).

Дискурс носит отчетливо фактуальный, объектоцентричный характер; референтом его является Розмэри. Николь, подозревающая мужа в измене, провоцирует его с помощью речевых актов похвалы соперницы (She's very attractive; She's quite smart; She's very – very pretty and I thought she was very good in the picture; I can see how she'd be very attractive to men; I think she'll last). Смысл высказываний мужа – преуменьшение достоинств Розмэри; метасмысл – обман жены.

Несмотря на внешнюю фактуальность беседы, на глубинном уровне она представляет собой непрямой метадискурс – непрямой потому, что говорящие одновременно с участием в форматировании фактуального дискурса извлекают из метапространства имплицитные метасмыслы («Ты все еще любишь меня?», «Эта женщина привлекает тебя?» – «Да, я люблю тебя и забочусь о тебе», «Нет, она меня не привлекает»). Эти метасмыслы не вытекают прямо из содержания поверхностных пропозиций данной конкретной беседы, но выводятся путем инференции из распределенной системы всех произведенных говорящими дискурсов, знания о которых хранятся в их метапамяти. Эти метасмыслы по-прежнему имеют целью поддержание давно сформированных метаотношений супругов – любви, заботы, поддержки, внимания. Вместе с тем, уже начат процесс переформатирования: данные метаотношения начинают приобретать симулятивный характер со стороны одного из супругов.

Анализируемый пример служит наглядной иллюстрацией изложенных выше теоретических положений о том, что метадискурс распределен и в структуре отдельной беседы, и во множестве бесед, память о которых сохраняется не только как память об их фактуальном содержании, но и как метапамять об от-

ношениях участников. Находит подтверждение идея иерархического строения памяти, согласно которой ее высший уровень – метапамять, контролирует объектный уровень, собственно память, с помощью стратегий воспроизведения, поиска, модификации взаимодействий [Nelson, 1990]. Установленные в рамках многочисленных взаимодействий метаотношения участников анализируемой беседы образовали проекцию на будущее – на данную конкретную беседу. Их закрепленные метаконцептуальные позиции (любовь друг к другу) проецируются на их концептуальное взаимодействие в данной беседе, несмотря на то, что реально их отношения изменились. Хотя муж полюбил другую женщину, он воспроизводит привычный метадиалог любви к жене, и та, ввиду привычности, предсказуемости этого метадиалога, не распознает неискренность мужа. Это доказывает, что при пространственном форматировании метасообщение, сохраняемое в метапамяти, предшествует метасообщению в беседе в виде не оформленных на языковом уровне пропозиций-импликатур и влияет на вербализованный метадиалог, на его линейные параметры, как его «причина». Благодаря метадиалогу, сохраняемому в метапамяти на уровне пропозиций, предсказывается характер линейного метадиалога, его содержание, которое, как показывает данный пример, с трудом поддается переформатированию.

Таким образом, потенциальный характер пространственного, структурно не оформленного метадиалога обуславливает конкретный метадиалог в беседе. Из потенциального, скрытого в метапамяти состояния метадиалог переходит в наличное состояние, получая языковую реализацию.

Рассмотрим беседу, в которой участвуют более двух говорящих, сочетающую в себе как поддержание существующих метаотношений – между одними участниками, так и переформатирование метаотношений – между другими.

“Well then,” Leon said. “Have you behaved even worse than usual today?”

All eyes were on her.

“Good heavens, you’re blushing. The answer must be yes.”

“I’m awfully hot, that’s all. And the answer is yes. I behaved very badly. I persuaded Emily against her will that we should have a roast in your honor, regardless of

the weather. Now you're sticking to salad while the rest of us are suffering because of you."

Leon smiled at Briony by his side. "Have you done something bad today on account of the terrible heat? Have you broken the rules? Please tell us you have." He took her hand in mock-beseeching, but she pulled it away.

Briony said, "It's boring of me, but *I've* done nothing wrong today."

Robby had underestimated her. The emphasis could only have been intended for him and her sister (McEwan, 54).

Вопрос (Have you behaved even worse than usual today?) порождает два метасмысла; первый из них – обвинение в нарушении правил поведения. Это прямой метасмысл, поскольку он укоренен непосредственно в значениях составляющих пропозицию слов, то есть это эксплицитный, прямой метадикурс.

Второй метасмысл – остроумная реплика, требующая в равной степени остроумного ответа (I'm awfully hot, that's all. And the answer is yes. I behaved very badly), – представляет из себя фатическое наслоение. В этом ракурсе высказывание является своего рода вторичным метадикурсом

Для всех присутствующих главным интерпретируемым метасмыслом является «Сесилия сделала что-то плохое (худшее, чем обычно) / Сесилия совершила проступок». В своем ответе собеседница выражает метасмысл враждебности (I persuaded Emily against her will that we should have a roast in your honor, regardless of the weather. Now you're sticking to salad while the rest of us are suffering because of you).

Другая собеседница сознательно пользуется возможностью выразить метасмысл враждебности, который будет доступен только избранным, «тем, кто в курсе происходящего», и недоступен остальным участникам беседы (It's boring of me, but *I've* done nothing wrong today). Те, для кого предназначен этот имплицитный метасмысл, без труда понимают, что она имеет в виду (The emphasis could only have been intended for him and her sister).

Следующий пример демонстрирует концептуальное взаимодействие говорящих при поддержании давно установившихся между ними метаотношений любви и заботы:

She was still coughing; Charles turned worried eyes on her, “Are you all right, darling?”

She nodded that she was (Townsend-2, 3).

Вопрос мужа, обращенный к закашлявшейся в процессе курения жене, выражает одновременно и метасмысл о внимательном, бережном отношении к близкому, дорогому человеку, и фактуальный смысл – запрос о положении вещей, о здоровье этого человека. Концептуальное взаимодействие этих людей при поддержании метаотношений свидетельствует о стабильности установленного между ними метапространства, совпадении их концептуальных систем, отсутствии противоречий в выражаемых ими метасмыслах.

Как показывает проведенный анализ, в конкретной, разворачивающейся «здесь» и «сейчас» беседе человек интерпретирует свои отношения с собеседником в контексте уже установленных между ними метаотношений и прагматически мотивирован на их поддержание, что обусловлено метакогнитивными аспектами памяти, метапамяти. Вместе с тем процессы саморефлексии, осмысления и оценивания текущей ситуации могут изменить метаконцепты интерпретации межличностного взаимодействия и привести к переформатированию сложившихся метаотношений, а также привести к их симуляции.

3.6. Концептуальное взаимодействие говорящих при симуляции метаотношений

С точки зрения концептуального взаимодействия участников коммуникации симуляция метаотношений характеризуется тем, что говорящий реализует особую стратегию неискренности: он скрывает от адресата истину, на которую направлена подлинная интенциональность его сознания; иными словами, одни концепты выдаются за другие, соответственно, одни метаотношения подменяются другими (например, безразличие выдается за любовь). Такую стратегию симуляции метаотношений можно назвать разыгрыванием метадискурса.

Симулятивный метадискурс можно наблюдать в следующем примере из романа М. Пьюзо «Крестный отец», где член мафиозной группы (Клеменца) планирует убийство своего подчиненного-предателя (Поли Гатто):

Clemenza ran over his plans. You had to be careful with Paulie, the man was like a rat, he could smell danger. First, he had to have a good excuse for Rocco to accompany them. Second, he had to have a plausible mission for the three of them to go on.

Clemenza pondered and rehearsed his lines, the expressions of his face. He would be curt with Paulie, as if displeased with him. With a man so sensitive and suspicious as Gatto this would throw him off the track or at least leave him uncertain. Undue friendliness would make him wary. But of course the curtness must not be too angry. It had to be rather an absent-minded sort of irritation. And why Lampone? Paulie would find that most alarming, especially since Lampone had to be in the rear seat. Paulie wouldn't like being helpless at the wheel with Lampone behind his head. It was going to be tricky. Very tricky. Then the solution hit him, logical and to the point.

He would tell Paulie that their job today was to find an apartment in case the Family decided to "go to the mattresses." It was natural for Clemenza to be sent on such an errand. It was natural for him to take Gatto and Lampone with him to arrange all the details, including the furnishing of the apartment. Also, Clemenza thought with a grin, Paulie Gatto had proved he was greedy and the first thought that would pop into his head was how much he could get from Sollozzo for this valuable intelligence.

When Clemenza got into the front seat with Gatto he merely grunted in greeting, an exasperated look on his face. He looked at his wristwatch as if he expected to find that Gatto was late.

The ferret-faced button man was watching him intently, looking for a clue.

Clemenza said sourly to Gatto, "Damn that Sonny, he's running scared. He's already thinking of going to the mattresses. We have to find a place <...>. You know a good location?"

As he had expected, Gatto's eyes became greedily interested (Puzo, www.HomeEnglish.ru).

В предшествующем встрече внутреннем дискурсе Клеменца в деталях обдумывает предстоящий разговор и свое поведение. В рамках объектоцентричной референтной ситуации помимо главной неречевой цели (убийства), перед ним стоит также задача самосохранения: в настоящем он хочет усыпить бдительность жертвы, а в будущем – обезопасить себя от возможных обвинений со стороны закона. Таким образом, Клеменца самому себе объясняет необходимость обдуманного подхода. Он заранее детально планирует как объектоцентричную референтную ситуацию – правдоподобное объяснение присутствия третьего человека, их «задание» (First, he had to have a good excuse for Rocco to accompany them. Second, he had to have a plausible mission for the three of them to go on), так и субъектоцентричную – придумывает и репетирует свои реплики и выражения лица (Clemenza pondered and rehearsed his lines, the expressions of his face). На уровне внутреннего дискурса форматируется подлинный метадискурс враждебности, неприязни и желания избавиться от человека, ставшего источником проблем (You had to be careful with Paulie, the man was like a rat, he could smell danger; Clemenza thought with a grin, Paulie Gatto had proved he was greedy). На уровне внешнего вербального и невербального дискурса осуществляется перереформатирование, разыгрывание метаотношений и метадискурса, нужных здесь и сейчас. Ввиду повышенной подозрительности подчиненного и его способности чувствовать малейшую опасность, начальник выбирает стратегию, которая призвана сбить его с толку (With a man so sensitive and suspicious as Gatto this would throw him off the track or at least leave him uncertain). Эта стратегия состоит в том, чтобы симулировать метаотношения недовольства и рассеянного раздражения, говорить отрывисто-грубо, но не переигрывать при этом (He would be curt with Paulie, as if displeased with him; But of course the curtness must not be too angry. It had to be rather an absent-minded sort of irritation), а также апеллировать к жадности Гатто и тем самым отвлечь его внимание (Gatto had

proved he was greedy and the first thought that would pop into his head was how much he could get from Sollozzo for this valuable intelligence).

В итоге все происходит так, как планировал Клеменца: он издает краткое ворчание в ответ на приветствие подчиненного (When Clemenza got into the front seat with Gatto he merely grunted in greeting), притворяясь рассерженным, раздраженным (an exasperated look on his face), демонстрирует желание придраться к подчиненному (He looked at his wristwatch as if he expected to find that Gatto was late). Дождавшись внимательного, ищущего взгляда подозрительного собеседника (The ferret-faced button man was watching him intently, looking for a clue), он сердито «жалуется» на их общего начальника (Clemenza said sourly to Gatto, “Damn that Sonny, he’s running scared).

Итак, в приведенной беседе происходит разыгрывание метадискурса, симуляция неподлинных метаотношений «раздраженный начальник, дающий задание надежному подчиненному», на фоне которых формируются другие, настоящие – враждебность, ненависть, желание убить. Это отражается на концептуальном взаимодействии участников: говорящий сознательно формирует у адресата нужный для его целей когнитивный контекст, отличный от своего когнитивного контекста. Доминантными в когнитивном контексте начальника являются концепты *предательство, ненависть, убийство*. Однако в своем симулятивном метадискурсе, разыгрываемом для адресата, он осуществляет референцию к другим концептам – *раздражение, срочное задание*.

Таким образом, при симуляции метаотношений маскируются истинные концепты, лежащие в основе искреннего внутреннего метадискурса, те, на которые направлена подлинная интенциональность сознания говорящего. В результате происходит переформатирование искреннего метадискурса в неискренний, истинных метаотношений – в симулятивные. Такой симулятивный метадискурс может становиться предметом расчетов и планирования и, следовательно, средством управления другими и подчинения других себе и своим целям.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В данной главе предложена пространственная модель форматирования разговорного метадискурса, которая позволяет объяснить, что метадискурс, формируемый в конкретной беседе, сосуществует в общем пространстве с множеством ранее сформатированных метадискурсов.

Метадискурсивное пространство определено как среда сосуществования интегративного множества метадискурсов, а также как когнитивный и прагматический контекст интерпретации метасмыслов. В разговорном дискурсе метадискурсивное пространство – это, в первую очередь, эго-пространство каждого участника и взаимодействие, слияние эго-пространств участников.

Установлено, что метадискурс, формируемый в конкретной беседе, соотносится с закрепленным в эго-пространстве участников метазнанием об их отношениях и с их прагматическим выбором данных отношений. Таким образом, для правильной интерпретации метадискурса в конкретной беседе необходим анализ контекста, в который входит множество бесед, то есть анализ метадискурсивного пространства как контекста знаний говорящих, включающего в себя определенные концептуально-тематические области, относящиеся к характеристике отношений между ними.

Показано, что дополнение линейной модели пространственной моделью позволяет расширить понимание разговорного метадискурса, поскольку пространственная модель репрезентирует метадискурс как главенствующий над фактуальным дискурсом и неустранимый, а также как проникающий в фактуальный дискурс своими метасмыслами. Сущность метадискурса в рамках представленной модели характеризуется как смещение фокуса, перенос референции из тематической сферы в сферу личностных качеств и характеристик идентичностей говорящих. Форматирование метадискурса является результатом извлечения говорящими смыслов из метадискурсивного эго-пространства – уже существующего или создаваемого / изменяемого во время данной конкретной беседы.

Сделан вывод, что специфика пространственных метасмыслов состоит в концептуализации метаотношений говорящих – как частных, так и институциональных; метаотношения могут отличаться от отношений, демонстрируемых в конкретной беседе.

Рассмотрено концептуальное взаимодействие говорящих на разных стадиях развития метаотношений: их установления / первичного форматирования и переформатирования, поддержания, а также в ситуации симуляции метаотношений.

Установлена сущность пространственного параметра форматирования метадискурса: основанное на метапамяти распределение метазнания и метадискурса в эго-пространстве говорящего. Благодаря действию пространственного параметра метадискурс формируется как распределенная дискурсивная система в рамках широкого когнитивного и прагматического контекста интерпретации метасмыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертации впервые разработаны теоретические понятия разговорного метадискурса и его форматирования и проведен комплексный лингвистический анализ параметров форматирования разговорного метадискурса.

Понятие разговорного метадискурса получает определение через понятие разговорного дискурса. На основе анализа теоретической литературы установлен приоритет термина «разговорный дискурс» над терминами-аналогами «конверсационный дискурс», «диалогический дискурс», «устный дискурс».

Обосновано, что понятие разговорного дискурса шире понятий конверсационного и диалогического дискурса, поскольку позволяет анализировать не только отдельную беседу, но и ее части, а также множество бесед и беседы не только двух, но и нескольких участников. В то же время понятие разговорного дискурса уже понятия устного дискурса, поскольку устный характер может носить не только беседа, но и нарратив, а также дискурс, обращенный к массовому адресату.

Принимается подход к разговорному дискурсу, согласно которому его сущность характеризуется как взаимодействие говорящего и слушающего, соответственно, к данному типу дискурса относится и бытовая, и институциональный дискурс в их разговорной форме.

Разговорный метадискурс определяется в диссертации как отдельный формат разговорного дискурса. Предлагаемое определение базируется на принятом в современной лингвистике понимании формата как целостной структуры знания и дискурса, выделяемой в рамках общей конфигурации знаний в дискурсе.

Впервые вводя понятие форматирования дискурса, мы определяем его как постепенное создание дискурсивного формата, целостной структуры знания и дискурса; относительно объекта нашего исследования – целостной структуры метазнания и метадискурса, выделяемой в разговорном дискурсе.

Доказано, что разговорный дискурс имеет два основных формата: формат фактуального дискурса и формат метадискурса. Фактуальный дискурс передает

знание об обсуждаемом говорящими положении вещей; метадискурс передает метазнание об интерпретации говорящими хода беседы и своих отношений.

Метадискурс как результат метакогниции, более высокого по отношению к когниции интерпретирующего уровня, надстраивается над фактуальным дискурсом-фундаментом. В процессе метакогниции форматируется, то есть обособляется как таковая, целостная структура интерпретирующего метазнания: совокупность метасмыслов об особенностях взаимодействия участников. Метасмыслы конструируются говорящим, объективируются на языковом уровне, актуализируются для слушающего, распределяются от высказывания к высказыванию и постепенно формируют метадискурс в составе разговорного дискурса.

С точки зрения разграничения коммуникации и метакоммуникации фактуальный дискурс производится в коммуникативном акте, а метадискурс – в отдельном метакоммуникативном акте, поскольку он представляет собой «другое», интерпретирующее, сообщение, сопровождающее основное, фактуальное, сообщение.

Установлено, что языковым проявлением процессов метакогниции и метакоммуникации выступает удвоенный характер высказываний в разговорном дискурсе, когда фактуальные высказывания сопровождаются метавысказываниями, имеющими отличающееся референтно-тематическое и пропозициональное содержание.

Доказано, что содержание метадискурса определяется доминирующими в сознании участников беседы концептуально-тематическими областями, при этом прагматически неприемлемые метасмыслы и выражающие их метавысказывания остаются неозвученными и формируют внутренний метадискурс.

Выделены два вида форматирования разговорного метадискурса: линейное и пространственное форматирование.

Разработана линейная модель разговорного метадискурса, в которой формат метадискурса представлен как отдельный линейный уровень, развертывающийся параллельно формату фактуального дискурса. В беседе линейный

формат метадискурса имеет самостоятельную структурную сущность и, соответственно, может быть «вырезан», отделен от фактуального дискурса и смоделирован как отдельное сообщение, сформатированное по своим собственным линейным параметрам.

Выделены три линейных параметра форматирования разговорного метадискурса – фонетико-акустический, лексический и синтаксический. Линейные параметры, в соответствии с общенаучным пониманием параметра, представляют собой классификаторы групп данных, выделяемых в качестве средств последовательного форматирования метадискурса в беседе.

Классифицированы фонетико-акустические сигналы форматирования метадискурса и установлены пять типов метасообщений, передаваемых с их помощью: 1) сигналы хезитации: говорящий передает метасмысл, что он колеблется, формулируя фактуальный смысл; 2) сигналы обратной связи: говорящий передает метасмысл, что он вовлечен в процесс интеракции, внимателен, просит продолжать; 3) сигналы оценки: говорящий передает метасмысл, что он вовлечен и выражает оценочное / эмоциональное отношение к тому, о чем идет речь; 4) сигналы-директивы: говорящий передает метасмысл, что он управляет ходом беседы; 5) смех: говорящий передает метасмысл, что он понимает необходимость смеха в данный момент взаимодействия.

Определено, что к лексическим средствам выражения метасмыслов и форматирования метадискурса относятся междометия, союзы и наречия. Как и фонетико-акустические сигналы, они служат для регулирования процесса общения, в частности, выражают метасмыслы о новом состоянии знания у говорящего, о желании ввода новой темы в беседе, о затруднениях, связанных с общением, метасмыслы удивления, сомнения, решимости, просьбы о внимании слушающего, дистанцирования от предыдущего контекста.

Фонетико-акустические и лексические средства выражения метасмыслов формируются как не выраженные на поверхностном уровне, свернутые высказывания, которые слушающие понимают благодаря своей интерпретирующей активности на основе процедуры инференции.

На синтаксическом уровне метадискурс форматируется в виде эксплицитно оформленных метавысказываний, передающих метасмыслы об отношении говорящего к теме дискурса и собеседнику. Выделены синтаксические средства управления беседой, маркирующие переход от фактуального дискурса к метадискурсу: 1) средства, указывающие на внимательное слушание; 2) средства, с помощью которых осуществляется управление поведением собеседника в разговоре; 3) средства, указывающие на управление темой разговора; 4) средства, выражающие эмоциональное состояние говорящего; 5) средства, указывающие на интерпретацию говорящим хода протекания беседы, ее содержания, поведения – своего или слушающего; 6) средства, выражающие понимание / непонимание; 7) средства установления и завершения контакта (фатические); 8) средства позитивной и негативной вежливости.

Сделан вывод, что классификация средств по линейным параметрам не полностью соответствует их классификации по уровням языка: фонетико-акустический параметр объединяет не языковые средства (фонемы), а фонетико-акустические сигналы и вокализации; отсутствует морфологический параметр, поскольку не обнаружены морфологические средства форматирования метадискурса. В конкретной беседе может проявляться действие какого-либо параметра (например, фонетико-акустического), в то время как средства, относящиеся к другим параметрам, могут отсутствовать.

Разработана пространственная модель разговорного метадискурса, в которой метадискурс участника конкретной беседы представлен как компонент интегративного метадискурса множества бесед, сохраняемого метапамятью данного участника в его метадискурсивном эго-пространстве.

Действие пространственного параметра форматирования разговорного метадискурса заключается в сохранении интерпретирующего метазнания и его распределении на множество бесед. Пространственный параметр объясняет системный характер пропозиционального содержания метадискурса участника беседы и его предсказуемость для адресата. Благодаря действию пространственного параметра метадискурс форматируется как распределенная дискурсив-

ная система в рамках широкого когнитивного и прагматического контекста интерпретации метасмыслов.

Пространственное форматирование разговорного метадискурса начинается в процессе установления метаотношений, образующих проекцию на будущее. Сущность устанавливаемых метаотношений определяется особенностями концептуального взаимодействия участников.

Установленные метаотношения постоянно воссоздаются, что придает метадискурсу континуальный, делящийся характер. Воссоздание метаотношений основывается на соответствии концептуальных систем участников, их «настройке» друг на друга.

Несоответствие концептуальных систем участников ведет к прекращению или симуляции метаотношений и к распаду метадискурсивного пространства либо к переформатированию объединяемого в этом пространстве метазнания и метадискурса.

В целом, в диссертации обосновано, что радиус действия метасмыслов в разговорном дискурсе может быть от минимального (в одной репликовой единице) до протяженного (в метадискурсивном пространстве).

Установлено, что в разговорном дискурсе происходит одновременное линейное и пространственное форматирование метадискурса. Эти два вида форматирования взаимозависимы и оказывают влияние друг на друга. Концептуальное взаимодействие участников в конкретной беседе и сложившиеся на его основе отношения (например: «доминирующий – подчиняющийся») становятся когнитивным и прагматическим контекстом последующих интеракций, в котором реализованные в беседе отношения закрепляются как постоянные метаотношения данных участников. Тем самым, линейное форматирование разговорного метадискурса влечет за собой и обуславливает его пространственное форматирование.

С другой стороны, уже имеющийся пространственный формат влияет на линейный формат метадискурса в конкретной беседе, поскольку ее участники интерпретируют свои отношения в контексте уже имеющегося метазнания и

уже произведенного метадискурса, выступающего областью определения для содержания метадискурса в конкретной беседе.

Таким образом, в диссертации проведен комплексный лингвистический анализ параметров форматирования разговорного метадискурса.

Перспектива дальнейших исследований, открываемая данной работой, состоит в дальнейшем анализе форматирования дискурса как теоретического понятия, выявлении форматов других типов дискурса, создании их общей классификации, а также в дальнейшем исследовании когнитивной организации дискурса в аспекте его метакогнитивного моделирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, Г.Н. Метафора и метонимия как явления вторичной номинации в разговорном дискурсе молодых дагестанцев / Г.Н. Алиева // Наука. Мысль. – 2015. – № 11. – С. 8-10.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136-137.
4. Арюхина, Е.Г. Метакоммуникативные высказывания, управляющие содержательной стороной диалога и интенцией высказываний : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Г. Арюхина. – Белгород, 2006. – 22 с.
5. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 4-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
6. Баринаова, Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе (А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Е.Е. Баринаова. – Новосибирск, 2008. – 23 с.
7. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 281-307.
8. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х гг. / М.М. Бахтин. – М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.
9. Бейлинсон, Л.С. Концептуализация жалости: контекстуальные характеристики / Л.С. Бейлинсон // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы : мат-лы VII Междунар. науч.-практ. Конференции / Под ред. Л.А. Миловановой. – Волгоград : Прин-Терра-Дизайн, 2017. – С. 182-189.

10. Бейтсон, Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по психиатрии / Г. Бейтсон; пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2005а. – 248 с.
11. Бейтсон, Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. Д.Я. Федотова. – М. : КомКнига, 2005б. – 248 с.
12. Беляевская, Е.Г. Когнитивные параметры стиля / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 22-29.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
14. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
15. Болдырев, Н.Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования / Н.Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. мат-лов. – 2008а. – С. 50-55.
16. Болдырев, Н.Н. Оценочные категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2008б. – № 3. – С. 25-37.
17. Болдырев, Н.Н. Форматы знания в языке и методы их исследования / Н.Н. Болдырев // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 5. – С. 57-77.
18. Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 33. – С. 11-16.
19. Болдырев, Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2014. – № 6 (335). – С. 118-122.
20. Болдырев, Н.Н. Концептуальное взаимодействие как основа речевого общения / Н.Н. Болдырев // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Мат-лы XIII Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – 2015. – Т. 6. – С. 66-71.

21. Болдырев, Н.Н. Проблемы культуры речи в аспекте концептуального взаимодействия / Н.Н. Болдырев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016а. – № 5. – С. 55-60.
22. Болдырев, Н.Н. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса / Н.Н. Болдырев, О.Г. Дубровская // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2016б. – Том 75. – № 1. – С. 29-39.
23. Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста / Н.Н. Болдырев // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – М. : ООО «МАКС Пресс», 2017а. – С. 32-42.
24. Болдырев, Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания / Н.Н. Болдырев // Интерпретация мира в языке : коллективная монография. – 2017б. – С. 19-81.
25. Болдырев, Н.Н. Антропоцентризм как принцип категоризации эгоцентрических пространств в языке / Н.Н. Болдырев, И.Ю. Безукладова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 72-77.
26. Болдырева, Е.М. Автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е.М. Болдырева. – Ярославль, 2007. – 46 с.
27. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Бубер М. Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – С. 16-91.
28. Булыгина, Т.В. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Индрик, 1999. – С. 146-161.
29. Вахтель, Н.М. Разговорный дискурс и синтаксическая норма / Н.М. Вахтель // Текст – Дискурс – Картина мира : межвуз. научный сборник. – Воронеж : Истоки, 2013. – С. 145-149.
30. Вацлавик, П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Д. Бивин,

Д. Джексон; пер. с англ. А. Суворовой. – М. : Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 320 с.

31. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402-421.
32. Викулова, Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Л.Г. Викулова. – СПб., 2001. – 29 с.
33. Виноградова, С.Г. Коммуникативное членение сложного предложения с учетом интерпретирующей функции концептуально-тематических областей / С.Г. Виноградова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 6. – Ч. 2. – С. 245-248.
34. Виноградова, С.Г. Метарепрезентативность сложного предложения и его коммуникативное членение / С.Г. Виноградова // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 123-127.
35. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
36. Власян, Г.Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного конверсационного дискурса / Г.Р. Власян // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4(11). – С. 118-123.
37. Власян, Г.Р. Мена коммуникативных ролей как основополагающий фактор динамической структуры конверсационного дискурса / Г.Р. Власян // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2012. – № 4. – С. 103-107.
38. Воробьева, Е.М. Функциональные характеристики метакоммуникативных речевых действий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.М. Воробьева. – Волгоград, 2006. – 19 с.
39. Выготский, Л.С. Мышление и речь // Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М. : Смысл; Эксмо, 2005. – С. 664-1019. (1136 с.)

40. Гаврилова, А.А. Управление пониманием читателя научного текста с помощью метатекстовых средств (на материале научных текстов русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.А. Гаврилова. – Саратов, 2009. – 23 с.
41. Гаврилова, Е.В. Разговорный дискурс в художественном тексте и проблема его перевода / Е.В. Гаврилова // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2007. – № 1. – С. 113-116.
42. Галич, Т.С. Дискурс как формат представления знаний / Т.С. Галич // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 113-116.
43. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
44. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – Спб. : Питер, 2007. – 335 с.
45. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
46. Глушкова, М.С. Устный полемический дискурс: особенности функционирования в научной сфере : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.С. Глушкова. – Москва, 2013. – 24 с.
47. Голев, Н.Д. О метаязыковом компоненте обыденного языкового сознания носителей русского языка / Н.Д. Голев // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты. Вып. 2 / Под общей редакцией В.А. Пищальниковой. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2000. – С. 36-44.
48. Голоднов, А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А.В. Голоднов. – СПб., 2011. – 42 с.
49. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217-237.

50. Губарева, О.Н. Сопоставительный анализ способов метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О.Н. Губарева. – Москва, 2011. – 24 с.
51. Губина, Н.В. Поэтика заглавий в прозе Е.И. Замятина: Название – текст – метатекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н.В. Губина. – Барнаул, 2006. – 19 с.
52. Гуревич, Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации: основы прагмасемантического изучения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Л.С. Гуревич. – Москва, 2011. – 33 с.
53. Гурочкина, А.Г. Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) / А.Г. Гурочкина // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке : сб. науч. тр. – М. – Тамбов, 2009. – С. 52-57.
54. Дворянцева, В.В. Лингвопрагматические особенности бытового диалогического дискурса (на примере русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Дворянцева. – Майкоп, 2013. – 21 с.
55. Девкин, В.Д. Метакоммуникация / В.Д. Девкин // Иностранные языки в школе. – 1987. – № 5. – С. 31-36.
56. Дементьев, В.В. Жанровая структура фатической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Дементьев. – Саратов, 1995. – 159 с.
57. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 594 с.
58. Дементьев, В.В. Фатическое общение [Электронный ресурс] / В.В. Дементьев // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 714-716. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата обращения 23.07.17).
59. Демьянков, В.З. Интерпретация текста и стратегемы поведения / В.З. Демьянков // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и

- психолингвистические исследования). – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1979. – С. 109-116.
60. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / В.З. Демьянков. – М. : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – 288 с.
61. Демьянков, В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи / В.З. Демьянков // Текст: Структура и анализ. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1989. – С. 41-46.
62. Демьянков, В.З. О техниках понимания имплицитности речи / В.З. Демьянков // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Материалы международной научной конференции 15-17 сентября 2005 г. – Калининград : Изд-во Российского гос. ун-та им. Иммануила Канта, 2006. – С. 34-52.
63. Демьянков, В.З. Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В.Н. Телия / В.З. Демьянков // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 86-90.
64. Дубровская, О.Г. Дискурсивный стиль как формат знания / О.Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1(030). – С. 29-39.
65. Дьячков, Р.Н. Лингвополитические свойства текста парламентских дебатов и метадискурс / Р.Н. Дьячков // Вестник ПГЛУ. – 2009. – № 2. – С. 77-81.
66. Златоустова, Л.В. Общая и прикладная фонетика / Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.Н. Трунин-Донской. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 416 с.
67. Ильинова, Е.Ю. Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ю. Ильинова. – Волгоград, 2009. – 41 с.

68. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
69. Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) : монография / Н.Н. Казыдуб. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – 216 с.
70. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
71. Карасик, В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В.И. Карасик // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2015. – № 1(96). – С. 73-79.
72. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : диссертация в виде науч. доклада, сост. на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание уч. степ. д-ра филол. наук : 10.02.19 / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
73. Кибрик, А.А. Рассказы о сновидениях : корпусное исследование устного русского дискурса / А.А. Кибрик, В.И. Подлеская и др. / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлеской. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 735 с.
74. Клепикова, Т.А. Метакогниция и язык / Т.А. Клепикова // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 3 (59). – С. 155-158.
75. Козинцев, А.Г. Антропология смеха: на пути к синтезу / А.Г. Козинцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2008. – № 4(53). – С. 58-66.
76. Козлова, О.В. Взаимосвязь интер- и метатекста как актуализация коммуникативных стратегий автора в немецком автобиографическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Козлова. – Иркутск, 2010. – 159 с.
77. Копылова, Н.В. Стратегия власти и подчинения в английском разговорном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Копылова. – Иркутск, 2008. – 203 с.

78. Кормилицына, М.А. Еще раз о структуре разговорного текста / М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротина // Традиционное и новое в русской грамматике : Сб. статей памяти В.А. Белошапковой / Сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелёва. – М. : Индрик, 2001. – С. 312-322.
79. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
80. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
81. Кубрякова, Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М. – Тамбов, 2009. – С. 22-29.
82. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
83. Куликова, И.С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб. : «САГА», 2002. – 352 с.
84. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении / Л.В. Куликова. – М. : Флинта, Наука, 2009. – 288 с.
85. Куликова, Л.В. Стилевой формат межкультурного дискурса / Л.В. Куликова // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 1(13). – С. 76-82.
86. Куликовский, Л.Ф. Теоретические основы информационных процессов / Л.Ф. Куликовский, В.В. Мотов. – М. : Высшая школа, 1987. – 248 с.
87. Лазареску, О.Г. Литературное предисловие как фактор литературного развития и метатекст литературы / О.Г. Лазареску // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 3-13.
88. Лимарова, Е.В. Лингвопрагматический анализ феномена вербального самопредъявления в диалогическом дискурсе (на материале английского и

- русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Лимарова. – М., 2010. – 23 с.
89. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
90. Литвиненко, Т.Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста / Т.Е. Литвиненко. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 308 с.
91. Лопатина, Ю.Д. Метадиалоговый дискурс: описание феномена, структуры и функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю.Д. Лопатина. – М., 2003. – 23 с.
92. Лукина, Н.В. Смысловая структура метатекста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Лукина. – Астрахань, 2011. – 23 с.
93. Лухъенбурс, Д. Дискурсивный анализ и схематическая структура / Д. Лухъенбурс // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 141-155.
94. Лушникова, Г.И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.И. Лушникова. – Кемерово, 2010. – 44 с.
95. Лушникова, Г.И. Дискурсивное пространство фэнтези (на материале произведений А. Нортон) [Электронный ресурс] / Г.И. Лушникова, Е.В. Медведева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – Режим доступа: www.science-education.ru/ru/article/view?id=11573 (дата обращения: 15.01.2017).
96. Магировская, О.В. Дискурс как результат интерпретативной конфигурации знаний / О.В. Магировская // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 7. – С. 76-83.
97. Магировская, О.В. Интерпретативная сущность когниции / О.В. Магировская // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 24. – С. 450-460.
98. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

99. Маныч, О.П. Метатекст как регулятор коммуникативной деятельности / О.П. Маныч // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. науч. тр. международной научной конференции (24 ноября 2007 г.). – Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – С. 201-206.
100. Матурана, У.Р. Древо познания / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела. – М. : Изд-во «Прогресс-Традиция», 2001. – 224 с.
101. Меркурьева, В.Б. Метакоммуникация в драме / В.Б. Меркурьева // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2001. – № 3. – С. 54-62.
102. Месеняшина, Л.А. Категория формата в медиадискурсе и за его пределами / Л.А. Месеняшина // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2016. – № 1(383). – Вып. 99. – С. 122-126.
103. Мечковская, Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета / Н.Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2(12). – С. 165-185.
104. Нестерова, Н.Г. Современный радиодискурс: коммуникативно-прагматический аспект / Н.Г. Нестерова. – Томск : ТГУ, 2015. – 320 с.
105. Николаева, Т.М. Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского Евангелия) / Т.М. Николаева // Исследования по структуре текста. – М. : Наука, 1987. – С. 133-147.
106. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – 480 с.
107. Палашевская, И.В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты [Текст] / И.В. Палашевская // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 28-32.
108. Панасенко, Л.А. Интерпретирующие форматы знания лексических категорий: формат перцепции / Л.А. Панасенко // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 352-354.

109. Панов, Е.Н. Парадокс непрерывности: Языковой рубикон: О непреодолимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека / Е.Н. Панов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 456 с.
110. Перфильева, Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.П. Перфильева. – Новосибирск, 2006. – 42 с.
111. Пешё, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё: Пер. с фр. и португ. яз. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серио. – М. : ОАО «Прогресс», 1999. – С. 225-290.
112. Пигрова, Е.К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.К. Пигрова. – СПб, 2001. – 18 с.
113. Плотникова, С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск : ИГЛУ, 2005. – С. 5-16.
114. Плотникова, С.Н. Стратегичность и технологичность дискурса / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса – 2: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск, 2006. – № 3. – С. 87-98.
115. Плотникова, С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство / С.Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – № 1. – С. 131-136.
116. Плотникова, С.Н. Метаконцептуальная позиция говорящего / С.Н. Плотникова // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты : сб. науч. ст. по материалам Третьих чтений памяти О.Н. Селиверстовой (17 октября 2008 г.) / Ред. коллегия: Л.Г. Викулова, О.А. Сулейманова, Н.В. Лягушкина. – М. : МГПУ, 2009. – С. 197-201.

117. Плотникова, С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С.Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе : коллективная монография / Под ред. С.Н. Плотниковой, Н.В. Копыловой, С.А. Домышевой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 6-39.
118. Плотникова, С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие / С.Н. Плотникова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 5. – С. 41-46.
119. Плотникова, С.Н. Понятие конструирования мира: когнитивный vs дискурсивный подход / С.Н. Плотникова // Когнитивные исследования языка. – Москва – Тамбов – Тюмень, 2016. – Вып. XXVI. – С. 73-75.
120. Плотникова, С.Н. Дискурс и дискурсивное пространство / С.Н. Плотникова // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия : колл. монография / Ред. О.А. Сулейманова. – М. : URSS, 2018. – С. 31-62.
121. Полетаев, И.А. Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики / И.А. Полетаев. – М. : Советское радио, 1958. – 400 с.
122. Постовалова, В.И. Идея «мета» в самосознании культуры XX–XXI вв. / В.И. Постовалова // Метафизика. – 2012. – № 4(6). – С. 6-25.
123. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.
124. Рассел, Б. Введение в математическую философию. Избранные работы / Б. Рассел; пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007. – 264 с.
125. Рябцева, Н.К. Коммуникативный модус и метаречь / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 82-92.
126. Садовская, Е.В. Автонимная коннотация фигуры «другого» в смысловой организации дискурса (на материале современных англоязычных научно-популярных статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Садовская. – Самара, 2008. – 27 с.

127. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб : Речь, 2006. – 288 с.
128. Сеницына, А.Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Сеницына. – СПб., 2005. – 223 с.
129. Скат, Т.Н. Метакоммуникация как средство организации диалога (на материале оппозитивного диалога) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.Н. Скат. – М., 1991. – 17 с.
130. Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1971. – 168 с.
131. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства) / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
132. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М. : РГГУ, 1995. – С. 35-73.
133. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж : Полиграф, 2001. – 252 с.
134. Стрибижев, В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.В. Стрибижев. – Белгород, 2005. – 18 с.
135. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование : матер. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 3-4.
136. Тарасова, И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез / И.П. Тарасова. – М. : Высшая школа, 1992. – 175 с.
137. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики / А. Тарский // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М. : Дом интеллектуальной книги; Прогресс-традиция, 1998. – С. 90-129.

138. Тахтарова, С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С.С. Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 38 с.
139. Томаселло, М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 328 с.
140. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: Семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227-284.
141. Турунен, Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи / Н. Турунен // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999. – С. 310-319.
142. Улановский, А.М. Многомерная реальность разговора / А.М. Улановский // Вопросы психологии. – 2017. – № 1. – С. 3-14.
143. Уфимцева, Н.В. Язык, языковое сознание и образ мира / Н.В. Уфимцева // ... Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 112-114.
144. Федотова, О.С. Англоязычная художественная проза: структура дискурса и метадискурса / О.С. Федотова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2014. – 232 с.
145. Фенина, В.В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Фенина. – Саратов, 2005. – 22 с.
146. Фурс, Л.А. Форматы метакогнитивного знания / Л.А. Фурс // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы I международной научной конференции. – Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2012. – С. 368-369.
147. Фурс, Л.А. Метапамять и ее роль в когнитивных процессах / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3 (52). – С. 5-9.

148. Харченко, В.К. Дефицит позитива в современном разговорном дискурсе: мнимости или реальность? / В.К. Харченко // Научные ведомости БелГУ. Сер. «Гуманитарные науки». – 2008. – № 11. – С. 16-25.
149. Холодная, М.А. Интеллектуальные способности и стратегии совладания / М.А. Холодная, А.А. Алексапольский // Психологический журнал. – 2010. – Том 31. – № 4. – С. 59-68.
150. Худенко, Е.А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930-1940-х гг. как метатекст : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е.А. Худенко. – Барнаул, 2012. – 32 с.
151. Чаптыкова, А.А. Прагматическая характеристика метакоммуникативных высказываний английской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Чаптыкова. – Л., 1987. – 16 с.
152. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 68-76.
153. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
154. Чхетиани, Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.Д. Чхетиани. – Киев, 1987. – 24 с.
155. Шаймиев, В.А. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.А. Шаймиев. – Санкт-Петербург, 1999. – 494 с.
156. Шаповалова, О.Н. Управление коммуникативным поведением в общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Н. Шаповалова. – Москва, 2002. – 26 с.
157. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 624 с.
158. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – 829 с.

159. Шпербер, Д. Релевантность / Д. Шпербер, Д. Уилсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 212-233.
160. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
161. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сборник статей. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193-230.
162. Якобсон, Р.О. Избранные работы по лингвистике / Р. Якобсон. – Москва : Прогресс, 1985. – 455 с.
163. Abdi, R. Projecting cultural identity through metadiscourse marking: A comparison of Persian and English research articles / R. Abdi // Journal of English Language Teaching and Learning. – 2009. – № 212. – P. 1-14.
164. Ädel, A. Metadiscourse in L1 and L2 English / A. Ädel. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Pub. Co., 2006. – 243 p.
165. Aguilar, M. Metadiscourse in Academic Speech: A Relevance-Theoretic Approach / M. Aguilar. – Bern : Peter Lang, 2008. – 288 p.
166. Ameka, F.K. Interjections: the universal yet neglected part of speech / F.K. Ameka // Journal of Pragmatics. – 1992. – Vol. 18. – P. 101-118.
167. Atkinson, J.M. Order in Court: the Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings / J.M. Atkinson, P. Drew. – London : Macmillan Press, 1979. – 275 p.
168. Austin, J. How to Do Things with Words / J. Austin. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – 166 p.
169. Beauvais, P.J. A Speech act theory of metadiscourse / P.J. Beauvais // Written Communication. – 1989. – Vol. 6. – № 1. – P. 11-30.
170. Bock, J.K. Language production: grammatical encoding / J.K. Bock, W.J.M. Levelt // Handbook of Psycholinguistics / Ed. by M.A. Gernsbacher. – 1994. – P. 945-984.
171. Boden, D. The Business of Talk: Organizations in Action / D. Boden. – Cambridge : Polity Press, 1994. – 272 p.

172. Bolden, G.B. Little words that matter: Discourse markers “so” and “oh” and the doing of other-attentiveness in social interaction / G.B. Bolden // Journal of Communication. – 2006. – Vol. 56. – P. 661-688.
173. Branco, A.U. Communication and Metacommunication in Human Development / Ed. by A.U. Branco, J. Valsiner. – Greenwich, CT : Information Age Pub., 2004. – 318 p.
174. Brown, P. Politeness. Some Universals in Language Use / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
175. Button, G. Generating topic: the use of topic initial elicitors / G. Button, N. Casey // Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis [Text] / Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 167-190.
176. Camiciottoli, B.C. Metadiscourse and ESP reading comprehension: An exploratory study / B.C. Camiciottoli // Reading in a Foreign Language. – 2003. – Vol. 15. – № 1. – P. 28-44.
177. Clark, H.H. Using Language / H.H. Clark. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 432 p.
178. Clark, H.H. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking / H.H. Clark, J.E. Fox Tree // Cognition. – 2002. – Vol. 84. – № 1. – P. 73-111.
179. Clark, H.H. Pragmatics of language performance / H.H. Clark // Handbook of Pragmatics / Ed. by L.R. Horn, G. Ward. – Oxford : Blackwell, 2004a. – P. 365-382.
180. Clark, H.H. Speaking while monitoring addressees for understanding / H.H. Clark, M.A. Krych // Journal of Memory and Language. – 2004b. – Vol. 50. – № 1. – P. 62-81.
181. Clayman, S. The News Interview. Journalists and Public Figures on the Air / Ed. by S. Clayman, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 372 p.

182. Coupland, J. "How are you?": Negotiating phatic communion / J. Coupland, N. Coupland, J.D. Robinson // *Language in Society*. – 1992. – Vol. 21. – № 2. – P. 207-230.
183. Craig, R.T. Theory as Metadiscourse [Electronic resource] / R.T. Craig. – 2000. – URL: http://spot.colorado.edu/~craigr/theory_as_metadiscourse.htm (consulted 30.09.09).
184. Crismore, A. Metadiscourse: What is it and How is it Used in School and Non-school Social Science Texts / A. Crismore. – Urbana-Champaign : University of Illinois, 1983. – 86 p.
185. Crismore, A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act / A. Crismore. – New York : P. Lang., 1989. – 282 p.
186. Crismore, A. Metadiscourse in popular and professional science discourse / A. Crismore, R. Farnsworth // *The Writing Scholar: Studies in Academic Discourse* / Ed. by W. Nash. – Newbury Park, CA : Sage, 1990. – P. 118-136.
187. Crismore, A. Metadiscourse in persuasive writing: A study of texts written by American and Finnish university students / A. Crismore, R. Markkanen, M. Steffensen // *Written Communication*. – 1993. – Vol. 10. – № 1. – P. 39-71.
188. Cruz, M.P. Towards an alternative relevance-theoretic approach to interjections / M.P. Cruz // *International Review of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 1. – № 1. – P. 182-206.
189. Dahl, T. Textual metadiscourse in research articles: A marker of national culture or of academic discipline / T. Dahl // *Journal of Pragmatics*. – 2004. – Vol. 36. – № 10. – P. 1807-1825.
190. Dijk, T.A. van. Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York : Academic Press, 1983. – 418 p.
191. Dijk, T. A. van. Discourse as Structure and Process. Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction / Ed. by T.A. van Dijk. – Vol. 1. – London : Sage Publications, 1997. – 356 p.
192. Drew, P. Talk at Work. Interaction in Institutional Settings / Ed. by P. Drew, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 580 p.

193. Fairclough, N. Technologicalisation of discourse / N. Fairclough // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis* / Ed. by C.R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – N. Y. : Routledge, 1996. – P. 143-159.
194. Fauconnier, G. *Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language* / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Pres, 1994. – 190 p.
195. Flavell, J.H. *Metamemory* / J.H. Flavell, H.M. Wellman // *Perspectives on the Development of Memory and Cognition* / Ed. by R.V. Kail, J.W. Hagen. – Hillsdale, N.J. : Erlbaum, 1977. – P. 3-33.
196. Flavell, J. H. *Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry* / J.H. Flavell // *American Psychologist*. – 1979. – Vol. 34. – № 10. – P. 906-911.
197. Flavell, J. H. *Speculations about the nature and development of metacognition* / J.H. Flavell // *Metacognition, Motivation and Understanding* / Ed. by F.E. Weinert, R.H. Kluwe. – Hillside, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1987. – P. 21-29.
198. Flavell, J.H. *Theory-of-mind development: retrospect and prospect* / J.H. Flavell // *Merrill-Palmer Quarterly*. – 2004. – Vol. 50. – № 3. – P. 274–290.
199. Garfinkel, H. *Studies in Ethnomethodology* / H. Garfinkel. – Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1967. – 288 p.
200. Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / E. Goffman. – New York : Anchor Books, 1959. – 259 p.
201. Goffman, E. *The interaction order* / E. Goffman // *American Sociological Review*. – 1983. – Vol. 48. – № 1. – P. 1-17.
202. Goffman, E. *Response cries* / E. Goffman // *Language*. – 1978. – Vol. 54. – № 4. – P. 787-815.
203. Goffman, E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behaviour* / E. Goffman. – New York : Pantheon Books, 1982. – 270 p.
204. Goodwin, C. *Conversation analysis* / Ch. Goodwin, J. Heritage // *Annual Review of Anthropology*. – 1990. – Vol. 19. – P. 283-307.

205. Grice, H.P. *Studies in the Way of Words* / H.P. Grice. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1989. – 394 p.
206. Harris, Z.S. *Linguistic transformations for information retrieval* / Z.S. Harris // *Papers in Structural and Transformational Linguistics*. – Dordrecht : D. Reidel. – 1970. – P. 458-471.
207. Heritage, J. *A change-of-state token and aspects of its sequential placement* / J. Heritage // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984a. – P. 299-345.
208. Heritage, J. *Garfinkel and Ethnomethodology* / J. Heritage. – Cambridge : Polity Press, 1984b. – 336 p.
209. Heritage, J. *Conversation analysis as social theory* / J. Heritage // *The New Blackwell Companion to Social Theory* / Ed. by B. Turner. – Oxford : Blackwell, 2008. – P. 300-320.
210. Heritage, J. *Conversation analysis: practices and methods* / J. Heritage // *Qualitative Sociology* (3rd Edition) / Ed. by D. Silverman. – London : Sage, 2010. – P. 208-230.
211. Hutchby, I. *Conversation Analysis* / I. Hutchby, R. Wooffitt. – Cambridge : Polity Press, 2008. – 260 p.
212. Hyland, K. *Metadiscourse in academic writing: a reappraisal* / K. Hyland, P. Tse // *Applied Linguistics*. – 2004. – Vol. 25. – № 2. – P. 156-177.
213. Hyland, K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing* / K. Hyland. – London, New York : Continuum, 2005. – 230 p.
214. Jefferson, G. *Side sequences* / G. Jefferson // *Studies in Social Interaction* / Ed. by D. Sudnow. – New York : Free Press, 1972. – P. 294-338, 447-451.
215. Jefferson, G. *Issues in the transcription of naturally-occurring talk: caricature versus capturing pronunciation particulars* / G. Jefferson // *Tilburg Papers in Language and Literature*. – 1983. – Vol. 34. – P. 1-12.
216. Jefferson, G. *On the organization of laughter in talk about troubles* / G. Jefferson // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / Ed. by

- J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 346-369.
217. Jefferson, G. An exercise in the transcription and analysis of laughter / G. Jefferson // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3. Discourse and Dialogue / Ed. by T.A. Van Dijk. – London : Academic Press, 1985. – P. 25-34.
218. Jefferson, G. Notes on laughter in the pursuit of intimacy / G. Jefferson, H. Sacks, E.A. Schegloff // Talk and Social Organisation / Ed. by G. Button, J.R.E. Lee. – Clevedon, UK : Multilingual Matters, 1987. – P. 152-205.
219. Jefferson, G. Preliminary notes on a possible metric which provides for a ‘standard maximum’ silence of approximately one second in conversation / G. Jefferson // Conversation: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by D. Roger, P. Bull. – Clevedon, Philadelphia : Multilingual Matters LTD, 1989. – P. 166-196.
220. Jefferson, G. A note on laughter in ‘male-female’ interaction / G. Jefferson // Discourse Studies. – 2004a. – Vol. 6. – № 1. – P. 117-133.
221. Jefferson, G. Glossary of transcript symbols with an introduction / G. Jefferson // Conversation Analysis. Studies from the First Generation / Ed. by G. Lerner. – Amsterdam / Philadelphia : Benjamins, 2004b. – P. 13-31.
222. Jucker, A.H. The discourse marker *well*: a relevance-theoretical account / A.H. Jucker // Journal of Pragmatics. – 1993. – № 19. – P. 435-452.
223. Kecskés, I. Communicative principle and communication / I. Kecskés // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by K. Brown. – Elsevier, 2006. – P. 680-683.
224. Labov, W. Therapeutic Discourse. Psychotherapy as Conversation / W. Labov, D. Fanshel. – New York : Academic Press, 1977. – 392 p.
225. Lasswell, H. The structure and function of communication in society / H. Lasswell // The Communication of Ideas / Ed. by L. Bryson. – New York : Institute for Religious and Social Studies, 1948. – P. 37-51.
226. Levelt, W.J.M. Speaking: From Intention to Articulation / W.J.M. Levelt. – Cambridge MA : MIT Press, 1989. – 537 p.

227. Levinson, S.C. *Pragmatics* / S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
228. Mao, L.R. I conclude not: toward a pragmatic account of metadiscourse / L.R. Mao // *Rhetoric Review*. – 1993. – Vol. 11. – № 2. – P. 265-289.
229. Mauranen, A. *Cultural Differences in Academic Rhetoric* / A. Mauranen. – Frankfurt : Peter Lang, 1993. – 280 p.
230. Mazeland, H. *Conversation analysis* / H. Mazeland // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. by K. Brown. – Elsevier, 2006. – P. 153-163.
231. Moulin, B. *Discourse spaces: a pragmatic interpretation of contexts* / B. Moulin // *Conceptual Structures: Applications, Implementation and Theory* / Ed. by J. Ellis, R.A. Levinson, W. Rich, J. Sowa. – New York : Springer, 1995. – P. 89-104.
232. Nelson, T.O. *Metamemory: a theoretical framework and new findings* / T.O. Nelson, L. Narens // *Psychology of Learning and Motivation*. – 1990. – Vol. 26. – P. 125-173.
233. Nelson, T.O. *Why investigate metacognition?* / T.O. Nelson, L. Narens // *Metacognition: Knowing about Knowing* / Ed. by J. Metcalfe, A.P. Shimamura. – MIT Press, 1994. – P. 1-25.
234. Pérez, M.A. *Metadiscourse in lecture comprehension: Does it really help foreign language learners?* / M.A. Pérez, E.A. Maciá // *Atlantis*. – 2002. – Vol. 24. – № 2. – P. 3-21.
235. Perfect, T.J. *Applied Metacognition* / T.J. Perfect, B.L. Schwartz. – Cambridge, UK; New York : Cambridge University Press, 2002. – 297 p.
236. Pomerantz, A. *Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/dispreferred turn-shapes* / A. Pomerantz // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 57-101.
237. Psathas, G. *Ethnomethodology* / G. Psathas // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. by K. Brown. – Elsevier, 2006. – P. 253-258.

238. Sacks, H. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G.A. Jefferson // *Language*. – 1974. – Vol. 50(4). – Part 1. – P. 696-735.
239. Sacks, H. Notes on methodology / H. Sacks // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 21-27.
240. Sacks, H. On the preferences for agreement and contiguity in sequences in conversation / H. Sacks // *Talk and Social Organisation* / Ed. by G. Button, J.R.E. Lee. – Clevedon, UK : Multilingual Matters, 1987. – P. 54-59.
241. Sacks, H. *Lectures on Conversation* / Ed. by G. Jefferson, E.A. Schegloff. – Oxford : Blackwell, 1992. – 1520 p.
242. Sándor, A. Using the author's comments for knowledge discovery [Electronic resource] / A. Sándor. – 2006. – URL: www.xrce.xerox.com/competencies/contentanalysis/robustparsing/home.en.html (consulted 15.10.11).
243. Schegloff, E.A. Sequencing in conversational openings / E.A. Schegloff // *American Anthropologist*. – 1968. – Vol. 70(6). – P. 1075-1095.
244. Schegloff, E.A. Notes on a conversational practice: formulating place / E.A. Schegloff // *Studies in Social Interaction* / Ed. by D. Sudnow. – New York : Free Press, 1972. – P. 75-119.
245. Schegloff, E.A. Opening up closings / E.A. Schegloff, H. Sacks // *Semiotica*. – 1973. – Vol. 8. – P. 289-327.
246. Schegloff, E.A. Preliminaries to preliminaries: "Can I ask you a question?" / E.A. Schegloff // *Sociological Inquiry*. – 1980. – Vol. 50(3-4). – P. 104-152.
247. Schegloff, E.A. On some questions and ambiguities in conversation / E.A. Schegloff // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 28-52.

248. Schegloff, E.A. Repair after next turn: the last structurally provided defense of intersubjectivity in conversation / E.A. Schegloff // *American Journal of Sociology*. – 1992a. – Vol. 97(5). – P. 1295-1345.
249. Schegloff, E.A. To Searle on conversation / E.A. Schegloff // (On) Searle on Conversation / J.R. Searle et al., ed. by H. Parret, J. Verschueren. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1992b. – P. 113-128.
250. Schegloff, E.A. Turn organization: one intersection of grammar and interaction / E.A. Schegloff // *Interaction and Grammar* / Ed. by E. Ochs, S.A. Thompson, E.A. Schegloff. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 52-133.
251. Schegloff, E.A. *Sequence Organisation in Interaction: A Primer in Conversation Analysis*. Vol. 1 / E.A. Schegloff. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 300 p.
252. Schiffrin, A. *Modelling Speech Acts in Conversational Discourse* [Electronic Resource] / A. Schiffrin. – 2005. – URL: http://etheses.whiterose.ac.uk/1332/1/schiffrin_phd.pdf – 300 p. (consulted 10.12.12)
253. Schiffrin, D. Metatalk: organisational and evaluative brackets in discourse / D. Schiffrin // *Sociological Inquiry: Language and Social Interaction*. – 1980. – Vol. 50. – P. 199-236.
254. Schwartz, B.L. Sources of information in metamemory: judgements of learning and feelings of knowing / B.L. Schwartz // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 1994. – № 1(3). – P. 357-375.
255. Searle, J.R. *Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts* / J.R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 187 p.
256. Senft, G. Phatic communion / G. Senft // *Culture and Language Use*. – 2009. – Vol. 2. – P. 226-233.
257. Stubbs, M. *Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language* / M. Stubbs. – Oxford : Basil Blackwell, 1983. – 272 p.

258. Sultan, A.H.J. A contrastive study of metadiscourse in English and Arabic linguistics research articles / A.H.J. Sultan // *Acta Linguistica*. – 2011. – Vol. 5. – № 1. – P. 28-41.
259. Tannen, D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse* / D. Tannen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 233 p.
260. Toumi, N. A model for the investigation of reflexive metadiscourse in research articles / N. Toumi // *Language Studies Working Papers*. – 2009. – Vol. 1. – P. 64-73.
261. Valero-Garces, C. Contrastive ESP rhetoric: Metatext in Spanish-English economics texts / C. Valero-Garces // *English for Specific Purposes*. – 1996. – Vol. 15. – № 4. – P. 279-294.
262. Vande Kopple, W.J. Some exploratory discourse on metadiscourse / W.J. Vande Kopple // *College Composition and Communication*. – 1985. – Vol. 36. – № 1. – P. 82-93.
263. Vassileva, I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing / I. Vassileva // *English for Specific Purposes*. – 2001. – Vol. 20. – № 1. – P. 83-102.
264. Ward, N. Non-lexical conversation sounds in American English / N. Ward // *Pragmatics & Cognition*. – 2006. – Vol. 14. – № 1. – P. 129-182.
265. Wharton, T. Interjections, language and the 'showing'/'saying' continuum / T. Wharton // *Pragmatics and Cognition*. – 2003. – Vol. 11. – P. 39-91.
266. Wierzbicka, A. The semantics of interjection / A. Wierzbicka // *Journal of Pragmatics*. – 1992. – Vol. 18. – P. 159-192.
267. Wilkins, D.P. Interjections as deictics / D.P. Wilkins // *Journal of Pragmatics*. – 1992. – Vol. 18. – P. 119-158.
268. Williams, J. *Style: Ten Lessons in Clarity and Grace* / J. Williams. – Boston : Scott Foresman, 1981. – 238 p.

269. Yngve, V. On getting a word in edgewise / V. Yngve // Papers from the 6th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1970. – P. 567-578.
270. Žegarac, V. What is phatic communication? / V. Žegarac // Current Issues in Relevance Theory / Ed. by V. Rouchota, A. Jucker. – Amsterdam : John Benjamins, 1998. – P. 327-361.
271. Žegarac, V. Phatic interpretations and phatic communication / V. Žegarac, B. Clark // Journal of Linguistics. – 1999. – Vol. 35. – №. 2. – P. 321-346.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
2. ВЭФ – Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М. : АСТ; Мн. : Харвест: Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. КСКТ – Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. ЛРС – Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – Изд. 2-е, переработ. и доп. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
5. НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М. : Русский язык, 2000. – 1209 с.
6. СЭС – Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
7. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 752 с.
8. ФЭ – Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 3. – 584 с.

9. CD – Cambridge Dictionary [Electronic resource] – URL: <https://cambridge.dictionary.org> (consulted 23.11.16).
10. COD – Collins Dictionary [Electronic resource] – URL: www.collinsdictionary.com (consulted 30.11.16).
11. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English / Ed. by R. Quirk. – Barcelona : Longman Group Ltd., 2000. – 1723 p.
12. MED – Macmillan English Dictionary [Electronic resource] – URL: www.macmillandictionary.com (consulted 25.11.16).
13. MWD – Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary / Springfield, Massachusetts : Merriam-Webster Inc., 2007. – 2152 p.
14. OD – Oxford Dictionaries [Electronic resource] – URL: www.oxforddictionaries.com (consulted 23.11.16).
15. ODS – Oxford Dictionary of Slang / J. Ayto. – Oxford University Press, 1999. – 474 p.
16. RTEWP – Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / Ed. by R.A. Dutch. – Penguin Books, 1978. – 712 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. LLC (London-Lund Corpus) – Svartvik, J. A Corpus of English Conversation / J. Svartvik, R. Quirk. – Lund, Sweden : Gleerup, 1980. – 893 p.
2. SHP – Schegloff’s homepage [Electronic resource] – URL: www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/schegloff (consulted 15.03.12).
3. TBE – Talk Bank English [Electronic resource] – URL: www.talkbank.org (consulted 19.05.12).
4. Boyle, T.C. The Women / T.C. Boyle. – London : Bloomsbury, 2010. – 451 p.
5. Clark, C. My Week with Marilyn / C. Clark. – London : Harper Press, 2011. – 397 p.
6. Fitzgerald, F.S. Tender Is the Night / F.S. Fitzgerald. – London: Penguin Popular Classics, 1997. – 392 p.
7. Gabaldon, D. Outlander [Electronic resource] / D. Gabaldon. – URL: www.e-reading.club (consulted 07.02.17).
8. Goddard, A. Bye alligator [Electronic resource] / A. Goddard, J. Gillen. – URL: http://eprints.lancs.ac.uk/66197/1/Bye_alligator_2004_posted_2013.pdf (consulted 11.08.13).
9. Goodman, J. A Place Called Home / J. Goodman. – New York : Kensington Publishing Corp., 2011. – 411 p.
10. Gude, K., Duckworth, M. Proficiency Masterclass. Teacher’s Book / K. Gude, M. Duckworth. – Oxford University Press, 2000. – 152 p.
11. Hornby, N. About a Boy / N. Hornby. – London : Penguin Books, 2010. – 278 p.
12. James-1, E. A Sense of Belonging / E. James. – London : Orion, 1999. – 480 p.
13. James-2, E. Airs & Graces / E. James. – London : Orion, 1997. – 383 p.
14. McDermid, V. Killing the Shadows / V. McDermid. – London : HarperCollins Publishers, 2001. – 562 p.
15. McEwan, I. Atonement [Electronic resource] / I. McEwan. – URL: www.e-reading.club (consulted 28.04.16).
16. Puzo, M. The Godfather [Electronic resource] / M. Puzo. – URL: www.homeenglish.ru (consulted 14.01.09).

17. Shaw, R. *Intrigue in the Village* / R. Shaw. – London : Orion, 2004. – 293 p.
18. Townsend-1, S. *Number Ten* / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2012. – 324 p.
19. Townsend-2, S. *Queen Camilla* / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2006. – 443 p.
20. Townsend-3, S. *The Queen and I* / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2012. – 288 p.
21. Waugh, E. *An Englishman's Home* / E. Waugh // *The Oxford Book of English Short Stories* / Ed. by A.S. Byatt. – Oxford University Press, 2002. – P. 295-310.

Приложение

Условные символы, принятые в разговорном анализе при транскрипции записей естественных разговоров

Символ	Значение	Пример
.	нисходящая интонация	
?	восходящая интонация	
,	интонация незаконченности (средне-восходящая)	
(0.5)	пауза (длительность в секундах)	
(.)	короткая пауза (около 0,1-0,2 секунды)	
=	отсутствие паузы там, где ее можно было бы ожидать (например, после завершенного предложения)	
[]	наложение речи разных говорящих (левая скобка маркирует начало наложения)	
hh	слышимое дыхание, смех, плач и т.д.	hhhhhahh, heh
.hh	слышимый вдох	
^	отчетливое повышение тона, происходящее на следующий за символом слог или гласный звук	^ I don't know
:	продление предшествующего звука (чем больше двоеточий, тем длиннее звук)	u::m
-	резкий обрыв речи	she's aw- she's awright
> <	ускорение речи, заключенной в треугольные скобки	
< >	замедление речи, заключенной в треугольные скобки	
(...)	описание происходящего (курсивом)	<i>(continues on topic)</i>

° °	заметно более тихое произнесение речи, заключенной между знаками °	°Yeah°
_____	различные способы выделения (повышение тона голоса и/или увеличение громкости)	<u>What</u> time is it?
↑↓	Особенно значительное повышение / понижение тона	↑ <u>When</u> is she gonna put it up?